

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ — 1973

4

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 4

ИЮЛЬ—АВГУСТ

БАКУ — 1973

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. А. ДАДАШЗАДЕ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. ҚОҢОНОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются.

Корректоры *А. Е. Сорокина, Э. Я. Алиева.*

Сдано в набор 13/VIII 1973 г. Подписано к печати 20/XI 1973 г. ФГ 14200. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4. Физ. печ. л. 8. Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 10,0.
Заказ 5514. Тираж 4240. Цена 1 руб.

Адрес редакции: 370602, ГСП Баку-122, просп. Нариманова, 31. Академгородок.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Н. З. ГАДЖИЕВА

ГЛУХОЕ НАЧАЛО СЛОВА В ТЮРКСКОМ ПРАЯЗЫКЕ

В вопросе о том, каково было начало слова в тюркском праязыке, допускало ли оно одновременно как звонкие, так и глухие согласные или только глухие, в современной тюркологической литературе нет единого мнения. Это является одним из обстоятельств, чрезвычайно осложняющих создание сравнительно-исторической грамматики тюркских языков.

Существующая специальная литература по данной проблеме позволяет выделить три основные гипотезы. Представитель группы ученых, признающих наличие в тюркском праязыке как глухих, так и звонких согласных в начале слова, Х. Педерсен, например, считает, что праязыковое различие глухих и звонких смычных сохранилось не только в языках огузской группы. В чувашском языке *k и *g имели различные рефлексы: *jug* 'снег' (**b̄ag*), *xig* 'гусь' (*kās)¹. Противопоставление начальных *d* и *t* в пратюркском признавал также В. М. Иллич-Свитыч. По мнению В. М. Иллича-Свитыча, огузские языки, а также тувинский и тофаларский сохраняют это пратюркское противопоставление².

К противопоставлению начальных звонких и глухих в тюркском праязыке склоняется К. Менгес. Он допускает, что пратюркский и древнетюркский языки не имели начальных звонких согласных, за исключением *b*; тем не менее языки юго-восточной группы различали начальные *d* и *g* даже на древних стадиях их развития. Кроме того, следы начальных *d* и *g* сохранились в различных тюркских языках. Реликтом *d*, по мнению ученого, являются азерб., к.-калп. *düz* 'равнина', а примером отражения древнего *g* является к.-калп., тур. *güz*³ 'осень'. Отсюда К. Менгес делает вывод о возможном наличии *d* и *g* в пратюркском⁴.

Необходимо отметить, что К. Менгес, по-видимому, предполагал наличие в начале слова не глухих и звонких, а так называемых *fortes* и *lenes*, то есть сильных и слабых, точнее говоря, полуглухих и полувзвонких. Об этом он недвусмысленно заявляет в указанной работе, считая, что в тюркских языках противопоставлению глухие — звонкие предшествовало более архаическое деление на слабые и сильные⁵. В другом месте этой же работы, употребляя термин *lenes*, он в скобках поясняет: *semi-voiced*, то есть полувзвонкие⁶.

¹ H. Pedersen. Türkische Lautgesetze. — ZDMG, VII, 1903, стр. 531.

² В. М. Иллич-Свитыч. Алтайские дентальные: *t*, *d*, *δ*. — В сб.: «Этимология». М., 1965, стр. 43.

³ К. H. Menges. The turkic languages and peoples. Wiesbaden, 1968, стр. 86.

⁴ Там же, стр. 87.

⁵ Там же, стр. 83.

⁶ Там же, стр. 101.

Вторая гипотеза предполагает наличие в тюркском праязыке только одного согласного *b*.

Н. Н. Поппе допускает в общеалтайском наличие звонких смычных *b, d, g*. Однако в пратюркском, по его мнению, из этих согласных сохранилось лишь одно *b*; *g* совпало с *k*, а *d* совпало с *j* и другими согласными⁷. В. А. Богородицкий также указывает на случаи приглушения начального *b* в сибирских диалектах и в чувашском языке⁸. О наличии начальных звонких *d* и *g* в его работах нет никаких указаний.

М. Ряснен утверждает, что в древнетюркском праязыке в начале слова встречались только *g, k, t, b* и *s*⁹.

Третья точка зрения сводится к отрицанию существования звонких согласных в начале слова, в том числе и *b* (во всех тюркских языках или отдельных их ареалах).

В. В. Радлов сформулировал правило, по которому в языках восточной группы звонкие согласные являются вариантами глухих¹⁰. Это правило В. В. Радлов применял в своих транскрипциях уйгурских текстов до и после обнародования В. Томсенем своей теории. Последний, изучая рифмы «Кутаду билиг», пришел к выводу, что глухие и звонкие согласные в языке памятника различались¹¹.

Э. Тенишев, исследуя систему согласных в языке древнеуйгурских памятников, приходит к выводу, что язык уйгуров Турфана и Ганьсу, запечатленный в памятниках уйгурского письма, не различал звонких и глухих согласных¹². Глухие согласные в сарыгюгурском языке (как и в саларском), как отмечает Э. Р. Тенишев, явление, безусловно, древнее, хотя и относительно¹³.

Б. А. Серебренников утверждает, что глухое начало слова является вообще одним из следствий агглютинативного строя языков¹⁴.

А. М. Щербак решительно высказывается против гипотезы о существовании в тюркских языках коррелятивной оппозиции согласных по признаку *глухости — звонкости* или *силы — слабости* в начале слова. Начало — самая сильная позиция в слове, так как именно здесь сосредоточено наибольшее количество информации. И поэтому различие в качестве согласных (*глухость — звонкость* или *сила — слабость*), по его мнению, должно интерпретироваться не как реликт исчезнувшей оппозиции, а как следствие внутрдиалектной или междиалектной альтернации аллофонов одних и тех же фонем¹⁵. Отсюда можно сделать вывод, что А. М. Щербак допускает наличие в тюркском праязыке глухих и звонких аллофонов в начале слова, причем это противопоставление, по его мнению, не имело какой-либо фонологической значимости.

Все три точки зрения гипотетичны и нуждаются в подтверждении.

⁷ N. Poppe. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Teil I. Vergleichende Lautlehre. Wiesbaden, 1960, стр. 20.

⁸ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание. Казань, 1953, стр. 111.

⁹ М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 124.

¹⁰ W. Radloff. Phonetik der nördlichen Türk Sprachen. Leipzig, 1883, стр. 131—133; 199—200.

¹¹ V. Thomsen. Sur la système des consonnes dans la langue ouigoure. — «Keleti szemle», II. Budapest, 1901, 4, стр. 241—259.

¹² Э. Тенишев. Система согласных в языке древнеуйгурских памятников. — В сб.: «Вопросы диалектологии тюркских языков». Баку, 1963, стр. 132.

¹³ Там же, стр. 125.

¹⁴ Б. А. Серебренников. Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка. — В сб.: «Морфологическая типология и проблема классификации языков». М.—Л., 1965, стр. 19.

¹⁵ А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 95.

Рассмотрим прежде всего, как проявляют себя звонкие и глухие начальные согласные в диалектах тюркских языков.

Имеющийся в нашем распоряжении материал диалектов тюркских языков показывает, что в начале слова соответствие глухих и звонких согласных типа $p \sim b$, $t \sim d$, $k \sim g$, $s \sim z$, $\check{c} \sim \check{z}$ и другие является постоянным, а это весьма затрудняет определение их первоначального источника.

$p \sim b$

Во всех диалектах и говорах азербайджанского языка наблюдается ничем не регулируемое соответствие $p \sim b$. Можно констатировать лишь преобладание p в западных и южных диалектах. Ср. $pütün \sim bütün$ 'весь, целый'; $palta \sim balta$ 'топор'.

Фонема $p \sim b$ в диалекте туба, как отмечает Н. А. Баскаков, в начальной и конечной позициях в слове представлена двумя недифференцированными вариантами — глухим и звонким смычными губно-губными p/b , которые варьируются¹⁶. Ср. $polog \sim bolog$. Часты случаи озвончения и в кумандинском диалекте: $pala \sim bala$ 'ребенок', $paš \sim baš$ 'голова'¹⁷.

Многие башкирские диалекты, по наблюдениям А. А. Юлдашева, характеризуются соответствием глухого и звонкого начала $p \sim b$ типа $peš \sim beš$ 'вариться, зреть'¹⁸.

Вместе с изоглоссой $bajda$, писал И. А. Батманов в своем исследовании, посвященном киргизским диалектам, сосуществует изоглосса $rajda$, обнаруженная в пределах нижней части Чуйской долины и совмещающаяся территориально с изоглоссой $bajda$ ¹⁹. Замена звонкого b глухим p наблюдается во многих диалектах казахского языка: $pal \sim bal$ 'мед', $rolat \sim bolat$ 'сталь'. Наряду с этим встречается и обратное явление: $bil \sim pil$ 'слон', $bikir \sim pikir$ 'мнение'²⁰.

Звонкое b юго-западного диалекта каракалпакского языка соответствует глухому p северо-восточного диалекта: $pitti \sim bitti$ 'он кончил', $rušaq \sim bušaq$ 'нож'.

Каракалпакское звонкое b вместо глухого p в акногайском: $bušaq \sim rušaq$ 'нож' и т. д.

В. А. Богородицкий, говоря о приглушении звука b в восточных сибирских языках и диалектах, указывает, что на западе это явление завершается в барабинском диалекте²¹. Как показывают наблюдения Д. Г. Тумашевой, в тюменском говоре широко распространено употребление глухого p вместо соответствующего звонкого b ²². Ср. еще калмакский диалект языка томских татар с преобладающим начальным звонким, а также чатский и яуштинский диалекты с начальным глухим p : калмакск. $budak \sim$ чатск., яуштинск. $rudak$ 'ветка'²³.

¹⁶ Н. А. Баскаков. Диалект черневых татар (Туба-кижи). М., 1966, стр. 17.

¹⁷ Н. А. Баскаков. Диалект кумандинцев (Куманды-кижи). М., 1972, стр. 26.

¹⁸ А. А. Юлдашев. Диалекты башкирского языка. — В сб.: «Диалекты тюркских языков» (рукопись), стр. 190.

¹⁹ И. А. Батманов. Северные диалекты киргизского языка. Фрунзе, 1938, вып. 1, стр. 21.

²⁰ О. Накисбеков. Языковые особенности казахов Чуйской долины. Алма-Ата, 1963, стр. 11.

²¹ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1934, стр. 111.

²² Д. Г. Тумашева. Язык татар Западной Сибири (тюменский говор). — «Ученые записки Казанского государственного университета», том 116, кн. II, 1956, стр. 111.

²³ А. П. Дульзон. Диалекты татар — аборигенов Томи. — «Ученые записки Томского государственного педагогического института», т. XV, 1956, стр. 346.

Соответствие $b \sim p$ широко распространено и в диалектах туркменского языка: $bi\dot{s}irmek \sim pi\dot{s}irmek$ 'готовить, варить'²⁴. Ср. еще узбекские диалекты: $b(u)tun \sim p(\ddot{u})tun$ 'весь, целый', а также диалекты уйгурского языка: семиреченск. $palt\ddot{a}$ 'топор' $\sim$ ферганск. $balta$ ²⁵ и т. д.

Во всех диалектах азербайджанского языка встречается соответствующие $d \sim t$. Ср. $t\ddot{o}v\dot{s}an \sim do\dot{v}\dot{s}an$ 'заяц', $ti\dot{s} \sim di\dot{s}$ 'зуб'.

Варьирование глухого и звонкого начала слова ($d \sim t$) наблюдается в диалектах алтайского языка, а также каракалпакского: юг.-зап. $do\dot{p}'uz \sim$ сев.-вост. $top'uz$ 'свинья', $duz \sim tuz$ 'соль'. Параллельное употребление $t \sim d$ в начале слов имеет место и в диалектах киргизского языка: $tajun \sim dajun$ 'известный', $dala \sim tala$ 'поле'; казахского: $tuz \sim duz$ 'соль'; ногайского: $do\dot{l}qun \sim to\dot{l}qun$ 'волна'; татарского, туркменского: $t\ddot{o}:rt \sim d\ddot{o}:rt$ 'четыре', $ti\dot{s} \sim di\dot{s}$ 'зуб'.

Н. К. Дмитриев отмечает, что наряду со звонким d оглушенный d распространен в говорах марыйского диалекта туркменского языка, что подтверждается материалами обследования почти всех аулов. То же можно сказать и относительно глухого и озвонченного t . «Таким образом, — пишет Н. К. Дмитриев, — мы должны признать, что в марыйском диалекте звонкий d и глухой t имеют одинаковое географическое распространение со средними между ними d и t »²⁶. Ср. еще диалекты узбекского языка: $tala \sim dala$ 'поле', $do\dot{r}va \sim t\ddot{u}rva$ 'сумка', а также диалекты тувинского языка: $t'\ddot{u}rgen \sim d\ddot{u}rgen$ 'быстро' и т. д.

Ту же картину неустойчивости глухого и звонкого начала мы наблюдаем в отношении пары согласных $k \sim g$. Ср. азербайджанские, каракалпакские диалекты: $gaz \sim qaz$ 'гусь'; киргизские, казахские диалекты: $k\ddot{o}rgem \sim k\ddot{o}rket$ 'художественный', татарские и туркменские диалекты: $kelin \sim gelin$ 'невестка', $kyrk \sim gurg$ 'сорок' и т. д.

В тюркологической литературе имеются попытки объяснения диалектного варьирования глухого и звонкого начала слова.

Наибольшее число сторонников приобрела точка зрения Н. К. Дмитриева, который предлагал разделить тюркские языки по признаку преобладающих начальных согласных в слове на две условные категории: языки с относительно свободным типом начальных согласных и языки с относительно несвободным типом начальных согласных. К первой категории относятся языки с преобладанием огузских элементов (азербайджанский, туркменский, гагаузский, южнокрымский диалект крымско-татарского языка), ко второй — языки с преобладанием кыпчакских элементов (казахский, киргизский, ногайский, каракалпакский, узбекский и др.). Относительная свобода в выборе начального согласного для языков первой категории заключается в том, что эти языки допускают в абсолютном начале слов звонкие d и g , тогда как языки второй категории имеют соответственно только глухие t и k . Таким образом, словам dag 'гора' и gel 'приходи' в языках первой группы во второй будут соответствовать формы $tag \sim tav$ и kel ²⁷.

В структуре кумыкского языка преобладают именно кыпчакские элементы, поэтому теоретически следовало ожидать в нем наличие глухого начала: t, k . Однако Н. К. Дмитриев отмечает, что в данном отношении кумыкский язык занимает промежуточное положение, ибо в нем

²⁴ «Очерк диалектов туркменского языка». Ашхабад, 1970, стр. 118.

²⁵ Г. Садвакасов. Язык уйгуров Ферганской долины и проблема взаимодействия уйгурского и узбекского диалектов. Автореф. докт. дисс. Алма-Ата, 1972, стр. 13.

²⁶ Н. К. Дмитриев. Вводные статьи и примечания. — Туркменские народные сказки. М.—Л., 1954, стр. 31.

²⁷ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 14.

наряду с глухим началом представлено и звонкое: ср. кумык. *gök* 'синий', но *kök* 'небо'²⁸.

Наличие начального *t*, широко представленного в диалектах азербайджанского языка (*tiš ~ diš* 'зуб'), М. Ш. Ширалиев тоже рассматривает как особенность тюркских языков кыпчакского типа²⁹.

А. Байжолов, как и С. А. Аманжолов, полагает, что употребление звонкого *d* вместо глухого *t* в языках кыпчакской подгруппы, в том числе в казахском языке, по-видимому, является одним из древнейших остаточных явлений, связанных с влиянием языков огузской подгруппы³⁰. Звонкое начало слова, встречающееся в кыпчакском говоре узбекского языка, Ф. Абдуллаев также квалифицирует как огузскую черту³¹. То же явление в юго-западном диалекте каракалпакского языка Н. А. Баскаков объясняет, с одной стороны, наличием в языке огузских элементов, а с другой, — большей степенью дифференциации этих фонем в связи со значительным количеством персидских, арабских, а позднее русских заимствований³². Слабая же дифференциация глухих и звонких согласных в алтайском, шорском и хакасском языках объясняется, по его мнению, тем, что эти языки не подвергались влиянию мусульманской культуры³³. Соглашаясь с подобным объяснением, Г. Х. Ахатов полагает, что этим же объясняется и слабая дифференциация начальных глухих и звонких согласных в языке западносибирских татар: *pasar ~ bazar*; *ralux ~ balux* 'рыба'. Западносибирские татары, как и некоторые другие тюркоязычные народы, отмечает Г. Х. Ахатов, приняли ислам только в начале XVI века, намного позже казанских татар, поэтому арабо-персидская лексика мало повлияла на их язык³⁴.

Такое объяснение озвонченного начала слова применительно к диалектному материалу кумыкского и азербайджанского языков в свое время предлагал и Н. К. Дмитриев. Наличие озвонченного *q* (типа *qaqa* 'черный', *qar* 'снег') характерно для тюркских языков Прикаспия: туркменского, азербайджанского языков и буйнакского диалекта кумыкского языка. Так как подобного типа *q* является особенностью персидского языка, то правомерно проблему начального *q* в тюркских языках Прикаспия связывать с вопросом об иранско-тюркском языковом скрещении³⁵.

В тюркологической литературе делались недостаточно обоснованные попытки объяснить слабую дифференциацию начальных глухих и звонких согласных контактированием языков, их взаимовлиянием в рамках общего географического ареала. Так, например, неустойчивость глухого и звонкого начала слова у казахов Чуйской долины (*putaq ~ butaq* 'сучок, ветка', *bikiq ~ rikiq* 'мнение') О. Накисбеков объясняет тем, что в Курдайском, Меркенском, Чуйском районах казахи близко общаются с киргизским населением; озвончение начального *p* автор неосторожно квалифицирует как одну из характерных особенностей киргизского языка в отличие от других тюркских языков. Замену же начального звонкого *b* глухим *p* он объясняет как специфическую особенность уйгурского

²⁸ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка, стр. 14—15.

²⁹ М. Ш. Ширэлијев. Азербайжан диалектолокијасынын ээаслары. Баки, 1968, стр. 83.

³⁰ См.: А. Байжолов. Языковые особенности казахов Кустанайской области. Алма-Ата, 1964, стр. 11.

³¹ Ф. Абдуллаев. Кыпчакский говор узбекского языка. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1957.

³² Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. II. М., 1952, стр. 94.

³³ Там же, стр. 56.

³⁴ Г. Х. Ахатов. Диалект западносибирских татар. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1965, стр. 60—61.

³⁵ Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 37.

и узбекского языков, в окружении которых находится говор казахов Чуйской долины³⁶.

Существует и точка зрения, согласно которой глухое начало слова, распространенное в тюркских языках и их диалектах, рассматривается как реликт раннего состояния тюркских языков только на том основании, что глухое начало встречается в древнейших тюркских текстах VIII века и более ранних енисейско-орхонских надписях. Так, например, Г. Сапарова, исследовавшая диалект хасарли туркменского языка, считает встречающееся в нем глухое начало слова (*tiš* вместо лит. *di:š* 'зубы') реликтом древнего состояния, основываясь при этом на том, что тип с *t* зарегистрирован в памятниках древнетюркской письменности³⁷.

Признавая справедливым предположение об изначальности глухого анлаута в тюркских языках, вместе с тем нельзя не отметить, что обосновывать это главным образом ссылками на ранние памятники древнетюркской письменности было бы серьезной методической ошибкой.

Однако все приведенные выше данные из различных диалектов тюркских языков не дают достаточных оснований для решения вопроса: произошло ли в отдельных случаях оглушение в начале слова первоначально звонких согласных или же, наоборот, — озвончение некоторых первоначально глухих согласных, и по какой причине.

Германисты давно подметили закономерную связь между характером начальных согласных и экспираторным ударением, падающим на первый слог слова. Одной из отличительных особенностей германских языков является так называемый германский перебой согласных, заключающийся в том, что индоевропейские звонкие согласные в прагерманском языке стали глухими; например, *b, d, g* превратились в *p, t, k*, а индоевропейские глухие — в спиранты *f, ʃ* и *h*. Выдвинуто много гипотез для объяснения причин германского перебора согласных. Нам представляется наиболее близкой к истине гипотеза, связывающая это явление с наличием сильного экспираторного ударения на первом слоге. Последнее, несомненно, вызывало соответствующее ослабление смычки голосовых связок, что имело следствием переход звонких в глухие³⁸. По существу здесь произошла компенсация физиологических затрат: усилие, связанное с сильным экспираторным ударением на первом слоге, исключило работу голосовых связок.

Возможность именно такого процесса подтверждается и другими данными, в частности законом Вернера, согласно которому в германских языках интервокальные смычные не озвончались, если древнее ударение падало на предшествующий слог, ср. готск. *brōþar* 'брат' и др.-инд. *bhrāta*.

Эта гипотеза находит убедительное подтверждение во многих уральских языках. В уральском праязыке глухое начало было связано с сильным экспираторным ударением на первом слоге.

В диалектных материалах самых различных тюркских языков можно найти немало слов, обнаруживающих неустойчивость гласных второго слога. Ср. азерб. *manıt* вм. *manat* 'деньги', *sandıy* вм. *sandyū* 'сундук', *kōmir* вм. *kōmür* 'уголь'; алт. кумандинск. *bolgyn* вм. *bolgan*, кирг. *žūgek* вм. *žūgök* 'сердце' и т. д.

Это явление лишней раз указывает на то, что древнетюркское ударение падало на первый слог. Для того чтобы первый слог сохранял на-

³⁶ О. Накисбеков. Указ. раб.

³⁷ Г. Сапарова. Диалект хасарли туркменского языка. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1970, стр. 10.

³⁸ См.: В. М. Жирмунский. Немецкая диалектология. М.—Л., 1956, стр. 322.

правляющую роль в осуществлении гармонии гласных, он не должен ослабляться, то есть должен быть ударным. Ф. Е. Корш совершенно справедливо связывал ударение на первом слоге с гармонией гласных и утверждал, что «исходящая от корня гармония звуков, общая всем турецким языкам и потому, очевидно, унаследованная ими от пратурецкого, могла возникнуть только при главном ударении на корне»³⁹. С теорией Ф. Е. Корша согласуется и утверждение Б. А. Серебrenникова о том, что глухое начало слова является одним из следствий агглютинативного строя языков.

Непостоянство гласного элемента наблюдается и в аффиксах. Ср. аффиксы с двухрядным составом -gan||-gyn, -žak||-žyk, -galal||-gyla и т. д.

Можно привести и другие доказательства того, что древнетюркское ударение падало на первый слог. Сопоставление созвучных тюркских и монгольских слов показывает, что тюркские слова оказываются нередко короче монгольских. На это в свое время обратил внимание Н. К. Дмитриев. Обычно двусложному монгольскому варианту, отмечает Н. К. Дмитриев, в тюркском соответствует односложный: монг. *беки* 'крепкий' || тюрк. *бек, нек, бик*; монг. *түне* 'мрачный' || тюрк. *түн, дүн* 'ночь', 'вчера'⁴⁰; ср. также: монг. *pidurga* 'кулак' — др.-тюрк. *judruq* 'кулак'; монг. *quiq* 'счастье' — др.-тюрк. *qut* 'счастье', 'радость'; монг. *ežen* 'господин' — др.-тюрк. *ädi* 'господин'; монг. *miŋgan* 'тысяча'; др.-тюрк. *biŋ* 'тысяча' и т. д. Таким образом, можно предположить, что в тюркском праязыке ударность первого слога приводила к усечению конца слов.

Убедительные доказательства первоначальной ударности первого слога дает якутский язык. В первых слогах якутские долгие гласные *a, ä, e* и *o* превращаются в дифтонги. В последующих слогах этого не происходит, ср. пратюрк. *qujaš 'солнце' — якут. *kujaš*; пратюрк. *ašā* 'есть' — якут. *ašā*⁴¹ и т. д. Дифтонгизация долгих гласных первых слогов происходит и в других тюркских языках. Так, например, в марыйском диалекте туркменского языка долгие гласные *y* и *i*: звучат как нисходящие дифтонги типа *yj* и *ij*. Ср. *gyz* 'девушка' вм. лит. *guz*; *gyj* 'серый' вм. лит. *gy:r*⁴².

Дифтонгизация начального долгого *i*: происходит и в кураминских говорах узбекского языка, ср. *i't* 'собака', *ri't* 'вошь'⁴³.

Это указывает на то, что ударность долгих гласных первого слога создавала участок напряжения, который ослаблялся путем образования дифтонга. В не-первых слогах необходимости дифтонгизации не ощущалось, так как первоначально на гласные не-первых слогов ударение не падало.

На основании приведенных выше данных можно предположить, что в тюркском праязыке в начале слова существовали только глухие согласные. Это было обусловлено наличием сильного экспираторного ударения на первом слоге.

В отдельных случаях сильное экспираторное ударение на первом слоге могло приводить к аспирации. Последняя в качестве реликта сохранилась в таких языках, как язык желтых уйгуров, саларский и отчасти азербайджанский. Вместе с тем в азербайджанском языке этот факт мо-

³⁹ Ф. Е. Корш. Древнейший народный стих турецких племен. — ЗВРАО, XIX. СПб., 1909, стр. 28, 29.

⁴⁰ Н. К. Дмитриев. Фонетические закономерности начала и конца тюркского слова. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», I. Фонетика. М., 1955, стр. 265—266.

⁴¹ N. Porre. Das Jakutische. — «Philologiae turcicae fundamenta», I. Wiesbaden, 1959, стр. 647.

⁴² «Туркменские народные сказки Марыйского района». М.—Л., 1954, стр. 39.

⁴³ В. В. Решетов. Кураминские говоры Ташкентской области. Ташкент, 1952, стр. 18.

жет быть объяснен и влиянием кавказских языков, а в саларском и сарыгюгурском — влиянием китайского языка.

Предположение, что в тюркском праязыке ударение приходилось на первый слог, высказывалось многими тюркологами и алтаистами (Х. Педерсен, Ф. Е. Коршем, Г. Ракеттом, Б. Я. Владимирцовым, С. Вурмом, А. Габэн, У. Байчурой и др.).

В каком же направлении происходили дальнейшие изменения?

Глухое начало слова приводит к целому ряду лингвотехнических неудобств. Оно ограничивает дистинктивные возможности языка, ибо исключает противопоставление фонем по глухости и звонкости. Начало слова несет больше информации по сравнению с его концом. Поэтому звуки начала слова должны быть особенно четко различимы на слух, а в этом звонкие смычные, как известно, обладают несомненным преимуществом перед глухими. Благодаря этому обстоятельству в отдельных тюркских языках и их диалектах произошло стихийное и нерегулярное озвончение первоначально глухого начала слова, тогда как в других языках и диалектах продолжало сохраняться в отдельных случаях прежнее состояние. Только стихийностью этой тенденции можно объяснить совершенно необычайный разноречивый в отражении древних *p*, *t*, *k*, наблюдаемый в диалектах современных тюркских языков. Неубедительность гипотез о существовании начальных звонких в тюркском праязыке объясняется тем, что они не подтверждаются языковыми данными.

Что же касается гипотезы о существовании в начале слова лишь одного звонкого *b*, то она совершенно несостоятельна, так как находится в противоречии с законами типологии языков — звонкий согласный только одного типа в начале слова существовать не может.

Следует, однако, учитывать, что в истории тюркских языков (ср. материал сибирских языков) имели место случаи вторичного оглушения под влиянием субстратов. Ср. также случаи развития *j* в *ǰ* через промежуточную степень звонкого *ǰ*.

Первоначальное отсутствие сонантов *r*, *l*, *n* в исконно тюркских словах является еще одним доказательством того, что начало слова в тюркском праязыке действительно было глухим, ибо, как известно, сонанты проявляют себя в языке как звонкие согласные.

В тюркских языках довольно затруднительно выделить пары слов с оппозициями глухих и звонких в анлауте. Если бы в этих языках изначально существовали глухие и звонкие согласные, то их сохранение или изменение подчинялось бы каким-то закономерностям. Однако фактический материал не дает оснований для выявления каких-либо закономерностей.

Что же касается теории о существовании в тюркских языках звонких и глухих аллофонов, то, по всей вероятности, их наличие в определенных словах регулярно проявлялось бы, поскольку сама возможность их проявления не зависит от фонологической противопоставленности.

Все вышеизложенное убеждает в том, что гипотеза, предполагающая наличие в тюркском праязыке звонкого начала слова, не имеет под собой достаточных оснований. В то же время реконструировать глухое начало слова в пратюркском состоянии представляется возможным.

Г. Ф. БЛАГОВА

О РУССКОМ НАИМЕНОВАНИИ ТЮРКОВ И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

(КОМПОЗИТЫ И СТАНОВЛЕНИЕ ТЮРКСКОЙ ЭТНОНИМО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

1. Становление тюркской этнонимо-лингвистической терминологии в русском языке, составляя один из аспектов лексико-семантического развития тюркских заимствований, вместе с тем характеризуется своеобразной чертой, которая была общей не только для тюркской, но и для складывавшейся славянской терминологии этого рода в языке русской научной литературы. Здесь имеется в виду возникновение определенных словосочетаний и композит на базе обобщающе-родовых и видовых этнонимов¹. И те и другие в соответствии с целями статьи рассматриваются в одном ряду. Вызвано это тем, что, составляясь из одних и тех же лексических компонентов и равным образом отражая их хронологическую вариативность, словосочетания и генетически с ними связанные композиты располагали чуть ли не одинаковым числом вариантов², имели одинаковое значение и функциональное назначение. Поэтому они могли взаимозаменяться, в равной мере обладая возможностью быть терминологизированными.

Известная самостоятельность семантического развития заимствования в заимствующем языке нередко получала необычное преломление в этнонимо-лингвистической терминологии, проникавшей в русский язык из тюркских. «Своеобразный лексический „захват“», смысловая «экспансия языка заимствующего»³ оказывались чреваты различными осложняющими последствиями. И самым тяжелым из них было использование самоназвания одного народа для обозначения другого народа и возникновение таким образом полного разрыва между самоназванием народа и обозначением его в русской научной литературе.

Отечественные ученые, опираясь на издревле накопленный запас знаний о тюркоязычных соседях России, стремились использовать в своих трудах «их подлинные нынешние названия, а не... те, которые на-

¹ В русской и славянской терминологии были широко распространены такие словосочетания и композиты, как, например, *славенорусский/словенорусский/славяно-русский, литовско-русский, польско-русский, западнорусский, украинно-русский, угорско-русский, галицко-русский, южнорусский*.

² Мы отдаем предпочтение термину «композита» прежде всего потому, что рассматриваемые нами прилагательные и существительные, образованные путем словосложения, представляют собой не столь органично и окончательное спаянное единство, как сложное слово, — напротив, в них допускается и перестановка компонентов, и их варьирование (ср., например: *татаро-монголы* и *монголо-татары, монголо-тюрки* и *тюрко-монголы*).

³ Л. Якубинский. Несколько замечаний о словарном заимствовании. — В сб.: «Язык и литература», т. 1—2. Л., 1926, стр. 19.

ложены им от соседних народов, нередко сбивчивые и затрудняющие повествователя»⁴. Все это вызывает необходимость при изучении тюркской этнонимо-лингвистической терминологии в русском языке учитывать также эволюцию самоназваний тюркских народов. Такой учет тем более необходим, что, как оказалось, в русском языке судьба композит, их семантическая влияние в значительной мере зависели от того, насколько в композите или словосочетании отражалось действительное самоназвание обозначаемого народа.

По мере углубления этнографических познаний эта все яснее проявлявшаяся тенденция передовой русской науки вступала в противоречие с сугубо книжной, идущей с Запада, традицией этнонимического обозначения⁵. В результате этого уже в XVIII в. возникло множество уточнительно-выделительных словосочетаний и композит.

Для изучения этих языковых единиц очень важен введенный В. В. Виноградовым принцип «разграничения лексических пластов» по хронологическому признаку⁶. Композиты и словосочетания, имея в значительной своей части хронологически-преходящий характер, тем не менее зачастую терминологизировались чуть ли не на целое столетие, а некоторые из них сохранились и в современной этнонимической номенклатуре. Разумеется, это отражалось на семантическом развитии связанных с ними гнезд слов, если только композита не закрепляла собою разрыв между самоназванием народа и его обозначением в русском языке.

Задача данной статьи состоит в том, чтобы по возможности вскрыть происходившие в русском языке процессы взаимодействия, совмещения, скрещения, противопоставления и омонимического отталкивания⁷ хронологических вариантов тюркских этнонимов, композит и словосочетаний. Восстановить «долю» участия композит в формировании этнонимо-лингвистической терминологии важно еще и потому, что современные толковые и исторические словари русского языка и справочные издания чаще всего почти вовсе не регистрируют подобные композиты и словосочетания⁸, остающиеся в связи с этим «загадочными терминами» для непосвященных. Между тем многообразие композит и словосочетаний, предназначенных иногда для обозначения одного и того же народа, еще

⁴ Иакинф [Бичурин]. Описание Чжуньгарии и Восточного Туркестана, ч. I. СПб., 1829, стр. VII. См. также: В. Н. Татищев. История Российская, т. I. М. — Л., 1962, стр. 131. Тех же взглядов придерживались П. И. Рычков, А. И. Левшин и др. Позднее В. В. Радлов и А. А. Кунин [см. их рец. на кн.: П. В. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. СПб., 1887, отд. отт., стр. 3] сформулируют принцип, в соответствии с которым этнография, прежде всего историческая, «должна основываться на лингвистических началах».

⁵ П. С. Савельев, подчеркивая, что «московские архивы и в половине XVII в. заключали в себе самые драгоценные и подробные сведения о соседней Азии», в то же время писал: «Замечательно, что когда, при Алексее Михайловиче и особенно при Петре Великом, отечественные ученые начали знакомиться с европейскими сочинениями и переводить на русский язык разные европейские географии, они вовсе не имели в виду собственного запаса географических [и, добавим, этнографических. — Г. Б.] фактов об Азии, и, рабски следуя за новыми учителями, простижно повторяли об этой части света нелепости средних веков» (П. С. Савельев. Средняя Азия. — «Карманная книжка для любителей земледения». СПб., 1848, стр. 268—267.)

⁶ В. В. Виноградов. О новых исследованиях по истории русского литературного языка. — «Вопросы языкознания», 1969, № 2, стр. 11.

⁷ См.: там же, стр. 7.

⁸ Исключение составляет «Список тюркских народов и языков» (в кн.: Н. А. Баскаков. Тюркские языки, М., 1960, стр. 230—238; *его же*. Введение в изучение тюркских языков, изд. 2. М., 1969, стр. 355—364), где устарелые наименования снабжены современными эквивалентами с целью чисто утилитарной. Однако сложные и прихотливые переплетения, которыми характеризуется развитие этого разряда тюркизмов, не в состоянии покрыть и адекватно отразить ни один самый полный и подробный список.

более усугубляло терминологическую неясность, которая возникла еще в XVIII в. Эта неясность и в настоящее время в значительной мере осложняет пользование литературой не только XVIII и XIX вв., но отчасти и первых двух-трех десятилетий XX в. Таким образом, описание терминологизированных (пусть на определенный срок!) композит и словосочетаний, которыми была так богата тюркская этнонимно-лингвистическая терминология при ее становлении в отечественной тюркологии, самый свод таких терминов могут иметь прежде всего и помимо всего прочего чисто практическое значение.

2. При изучении композит необходимо учитывать веками длившуюся синонимичность обобщающе-родовых этнонимов, образовывавших своего рода «ядро» каждой композиты. Это относится прежде всего к словам *татары*, *турки* ~ *тюрки*, которые на протяжении длительного времени могли взаимозаменяться, хотя взаимоотношения между ними постепенно осложнялись развивавшейся омонимичностью внутри каждого из этих слов («татары вообще» и современный татарский народ; «турки вообще» и «основное население Турции»; «тюрки вообще» и современные азербайджанцы).

Смысловая «экспансия» слова *татары* как в русской, так и в западноевропейской научной литературе поддерживалась тем весьма неопределенным этнонимическим наполнением, которое имело это слово в языках-источниках. С одной стороны, оно «сохранялось в качестве родового у монголов и встречалось в разные эпохи»⁹, а с другой, «среди тюркских племен, живших в XI в. и перечисляемых Махмудом Кашгарским в его трехтомном словаре, названы татары...»¹⁰ На почве такой этнонимической двусмысленности слова *татары* в русском языке довольно рано появилось словосочетание, а затем и композита отождествляющего характера. *Татары мугальские*¹¹ впервые встречается в Докладной выписке, служащей дополнением к «Наказу, данному Спафарию при отправлении его послом в Китай» (1675 г.)¹². В книге самого Николая Спафария монголы нигде не отождествляются с татарами, так же как и в исторических сочинениях XVIII в. (В. Н. Татищев, Г. Ф. Миллер), в которых «и мунгалы и татары» употреблялись в соположении. В начале XIX в. *татаро-монгольский*, *монголо-татарский* одинаково употреблялись уже и в обобщающем значении — в соответствии с обобщающим использованием слова *татары*: «народы монголо-татарского племени», «татаро-монгольские слова»¹³, «Независимая Монголо-Татария (la Mongole-Tartarie indépendante)»¹⁴.

⁹ Б. Я. Владимирцов. Географические имена орхонских надписей, сохранившиеся в монгольском языке. — «Доклады Академии наук», серия В, 1929, № 10, стр. 173. См.: *его же*. Чингис-хан. Берлин — Пг. — М., 1922, стр. 15.

¹⁰ С. Аманжолов. Вопросы диалектологии и истории казахского языка, ч. I. Алма-Ата, 1959, стр. 22.

¹¹ Ср. подобные же словосочетания: *калмыцкие татары* [Избрант Идес, Адам Бранд. Записки о русском посольстве в Китай (1692—1695). М., 1967, стр. 79] и «бурят или брацких татар» ([Георги]. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, ч. 3. СПб., 1776, стр. 109).

¹² «Записки Императорского российского географического общества (ИРГО) по отделению этнографии», т. X, 1, 1882, стр. 154. Ср. у Платона Карпини: «...tegraṃ Mongolorum intranitus, quos Tartaros appellatus 'въехали мы в землю монголов, которых называем татарами' («Собрание путешествий к татарам». СПб., 1825, стр. 30, 31).

¹³ Г. И. Спасский. Народонаселение Сибири. — «Азиатский вестник», июль 1826, стр. 387, 401, 402. Таким образом, датировку первого употребления композиты *монголо-татары* 1834 годом (см.: «Словарь современного русского литературного языка» (ССРЛЯ), т. 6, М. — Л., 1957, стлб. 1225) можно было бы заменить более ранней.

¹⁴ G. de Meyendorff. Voyage d'Orenburg à Boukhara. Paris, 1826, стр. 92.

Смысловая неопределенность слова *татары* в языках-источниках в слабая к тому времени изученность народов Азии привели к тому, что «европейцы, оскорбясь от татар нашедших, все неизвестные народы [Азии. — Г. Б.], гласно как у грек варвары, от египтян скифы именованы», называли татарами¹⁵. Не удивительно, что в качестве уточняющего определения к слову *татары* могли выступать наименования вовсе не тюркоязычных и не монголоязычных народов («вогульские татары»¹⁶, «черкесские татары» у Георги, «аринские и качинские татары»¹⁷).

Уже в XVIII в. русские ученые, не довольствуясь этим крайне свободным толкованием слова *татары* («...европейцы под сим именем большею частью такие народы описывали, которые сами сего имени никогда не употребляли...»), «прилежным снисканием и исправными переводами древних азиатских историй» стремились «изъяснить», «где подлинно татарский народ начался, как и куда распространялся...». Нужность сего изъяснения тем паче уважается, что татарское имя в российскую нашу историю имеет некакую инфлюенцию»¹⁸.

В связи с подобными исследованиями обобщающий термин *татары* все чаще вводился в ограничительные рамки присоединением к нему конкретного, издавна известного русским названия того или иного народа. Подобные композиты и словосочетания появились в русском языке довольно рано. Например: «и поидоша на *татар* в поле *половецких* во Орду...»¹⁹, *татар таурменъ* (XIII в.)²⁰, ср. в «прошении туркменских старшин» (1777 г.): *туркменские татары*²¹. «До исхода XVII и начала XVIII столетия» казахов на Руси называли «казаками и *казакскими татарами*»²²; это словосочетание варьировалось в разных источниках по-разному: *татарские касаки* (*казаки*)²³, *татары казаки*²⁴. В «Книге, а в ней писано путешествие Царства Сибирского от города Тоболска и до самого рубежа государства Китайского, лета 7183» (1675) Н. Спафария встречается композита *татары-киргизы*²⁵. Георги использовал словосочетание *кумикские татары*. Употребительными были словосочетания *ногайские татары* (1740—1741, 1798), *узбекские татары* (1788, 1831—1833), «племя *татар таранчи*» (1884, современные уйгуры). Вплоть до начала XX в. сохранились распространенные в прошлом столетии словосочетание *адербейджанские татары* и композита *татарско-адербейджан-*

¹⁵ См. письмо В. Н. Татищева к П. И. Рычкову от 1 декабря 1749 г. (цит. по кн.: П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова. СПб., 1867, стр. 17).

¹⁶ И. Идес, А. Бранд. Указ. раб., стр. 71. См. также стр. 299 (примечание М. И. Казаннина).

¹⁷ А. Левшин. Описание Киргиз-Кайсакских, или Киргиз-Казачьих, орд и степей, ч. 2. СПб., 1832, стр. 10.

¹⁸ Из предисловия П. И. Рычкова к его «Краткому известию о татарах» (цит. по кн.: П. Пекарский. Указ. раб., стр. 30).

¹⁹ «Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец)». Подготовка к печати и ред. К. Н. Сербиной. М. — Л., 1950, стр. 107²/108.

²⁰ И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вв.). СПб., 1882, стлб. 98.

²¹ См.: Х. Агаев. Из истории русско-туркменских связей в XVIII в. — «Известия Академии наук Туркменской ССР», 1959, 3, стр. 52.

²² «Военный энциклопедический лексикон» (далее сокращенно — ВЭЛ), ч. 7. СПб., 1843, стр. 188.

²³ «Продолжение описания и истории о Великой Татарии». — «Санкт-петербургский календарь на лето от р. х. 1745». СПб., [пагинация отсутствует]; А. Левшин. Указ. раб., стр. 23.

²⁴ Там же, стр. 36. Ср. также *Kasakki Tartari* на карте: «Tartaria sive magni Chamii imperium» per Joannem Blaeu, A°, MDCLXIII и *Kasaki Tartares* во французском переиздании карты Н. Витсена «Carte nouvelle de la Grande Tartarie ou de l'Empire du Grand Cham».

²⁵ «Записки ИРГО по отделению этнографии», т. X, вып. 1, стр. 83.

ский. Распространенность подобных словосочетаний и композит в отечественной литературе обусловила их использование и в западноевропейской науке²⁶.

Более обычным были сочетания, где слово *татары* получало уточнительное определение топонимического характера. Сохранились до наших дней истари широко известные в русском языке словосочетания: *поволжские татары* и в их числе — *татары казанские, касимовские, астраханские; крымские татары, литовские татары, сибирские татары* и в их числе — *тобольские татары*; на основе некоторых из этих сочетаний возникли композиты — *поволжско-татарский язык, казанско-татарский язык*.

Со временем прежние грозные враги — татары — стали подданными России, так называемая «Великая Татария» утратила свою силу и политическую власть. У южных пределов России все более активизировался новый грозный сосед — Османская Турция. Турецко-русские войны, длившиеся с перерывами около полутора веков (конец XVII в. — 30-е гг. XIX в.), косвенно способствовали тому, что именно с турками (а не с татарами) стал ассоциироваться «главный», «ведущий» представитель тюркских народов. А это, в свою очередь, не могло не привести к дальнейшему расширению сферы употребления слова *турки* в обобщающем значении. Все чаще высказывались в литературе суждения о том, что народы, известные под именами *турки* или *татары*, — «одного происхождения, и племя, известное у иностранцев под именем татар., обыкновенно само себя лучше называет турками»²⁷.

В качестве своего рода «компромисса между системой понятий предшествующей эпохи и требованиями нового времени»²⁸ в русском языке появляется обобщающая композита *турецко-татарский*. Составленная благодаря длительному соположению обобщающих этнонимов *турки* и *татары*, которые постепенно специализировались (*татарами* с начала XIX в. все чаще стали называть северо-восточные тюркоязычные народы), эта композита²⁹ знаменовала собой решающий этап в вытеснении слова *татары* из области обобщающе-видовых обозначений³⁰. Наличие у слова *турки* хронологического варианта *тюрки*, свободного от той узко-национальной соотнесенности, которая с самого начала присутствовала в первом слове («основное население Турции»), способствовало возникновению варианта и у композиты: наряду с *турецко-татарский* во второй половине XIX в. появляется *тюрко-татарский*, которому конструктивно предшествовал не получивший распространения вариант

²⁶ О влиянии русского словоупотребления на Витсена (см. его книгу «Noord en Oost Tartarye», напечатанную в 1805 г. в Амстердаме) писал А. И. Левшин (указ. раб., стр. 23).

²⁷ «Начертание знатнейших народов света...», стр. 33. На полстолетия раньше об этом писал П. И. Рычков в своем «Кратком известии о татарах и о нынешнем состоянии тех народов, которые в Европе под именем татар разумеются». См. также примечания Д. Языкова к кн.: «Собрание путешествий к татарам». СПб., 1825, стр. 278, 280.

²⁸ Л. В. Шерба. Опыт общей теории лексикографии. — В его кн.: «Избранные работы по языкознанию и фонетике», т. I. Л., 1959, стр. 79.

²⁹ В немецком языке *türkisch-tatarisch* было известно уже во второй половине XVIII в. (См.: А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Л., 1972, стр. 77, 78 и сл.). В русском языке активизация в использовании этой композиты связана с экстралингвистическим воздействием: в 1828 г. в Казанском университете была учреждена кафедра *турецко-татарского языка* (см. об этом: Н. И. Веселовский. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. СПб., 1879, стр. 15).

³⁰ Нельзя согласиться с Л. Андрейчиным, утверждающим, что «сложное название *тюрко-татарский* образовано по подобью» таких разнотипных композит, как индо-европейский, угро-финский (см. его «Прилагательные *тюрски* и *тюркски*». — «Български език», XVI, кн. 4, 1966, стр. 389).

турко-татарский (калька с нем. *turko-tatarisch*). Примечательно, что композита *турецко-татарский* сама могла использоваться в качестве обобщающего ядра в уточнительно-выделительных словосочетаниях, породив такие хронологические варианты, как *турецко-татарское азербайджанское наречие*, *турецко-татарское османское наречие*. Из-за своей громоздкости подобные конструкции не получили распространения.

Семантические изменения, в том числе перемещения смысловых центров тяжести, которым подвергались слова *татары*, *турки* ~ *тюрки*, не только непосредственно отражались на составе композиты, но подчас определяли: быть или не быть композите, а в сохранившейся композите обуславливали соответствующие семантические сдвиги; причём для высвободившегося значения могла возникнуть новая композита.

Как только слово *татары* утратило обобщающее значение («татары вообще»), омонимическое отталкивание композиты *татаро-монголы*/*монголо-татары* в её отождествляющем и обобщающе-объединяющем назначениях разрешилось закреплением за ней только отождествляющей функции (см. *монголо-татары* при повествовании о татарско-монгольском нашествии в статье 1834 г. «Черты истории государства Российского» В. А. Жуковского, в статье Черняева «Кавказ»³¹ и т. д.). Именно в этой функции данная композита в обоих своих вариантах сохранилась в современном русском языке³². Для обозначения «средства языков тюркского и монгольского» конструировались новые композиты с иными обобщающе-родовыми компонентами: в 1836 г. появилась громоздкая композита *монголо-турецко-татарский*³³, не прижившаяся и вскоре уступившая место композите *монголо-тюркский*³⁴; позднее в этой композите изменился порядок ее членов — *тюрко-монгольский*³⁵. В этом виде композита сохранилась до наших дней, выдержав конкуренцию прочих своих вариантов — *тюркско-монгольский*³⁶, *турко-монгольский*³⁷, *турецко-монгольский*³⁸.

Таким образом, эти, казалось бы, совершенно разные (и по составу, и по значению) с современной точки зрения композиты — *татаро-монгольский* и *тюрко-монгольский* — в своем развитии были взаимосвязаны (и это доказывается, в частности, существованием ряда переходных вариантов); их взаимозависимость обнаруживается и в распределении между ними обобщающе-объединяющего назначения и функции отождествления.

³¹ ВЭЛ, ч. 7, стр. 595.

³² В ССРЛЯ отражен только вариант *монголо-татары*, хотя *татаро-монголы*, имея не меньшее распространение, принят к тому же в современной учебной литературе.

³³ Так назывался «языковый разряд» в 1-ой Казанской гимназии (см.: *Н. И. Веселовский*. Указ. соч., стр. 24).

³⁴ См.: «Шейбаниада. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте», изд. И. Березинным. Казань, 1849, стр. V, X, XI, 10, 20, 62 и сл.; *Ч. Валиханов*. Очерки Джунгарии. — «Записки ИРГО», кн. 1, 1861, стр. 197.

³⁵ См., например: *В. Н. Витевский*. И. И. Неплюев и Оренбургский край, вып. I. Казань, 1889, стр. 119; *Д. Анучин*. К истории оознакомления с Сибирью до Ермака. — «Древности», т. 14, 1890, стр. 249, 286, 309; «Энциклопедический словарь», изд. Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрон, т. XXXIV. СПб., 1902, стр. 185, 186 и др.

³⁶ «Сочинения Ч. Ч. Валиханова». СПб., 1904 («Записки ИРГО по отделению этнографии», т. XXIX), стр. 181 (наряду с более обычным *монголо-тюркский*); *Е. Смирнов*. Сыр-Дарьинская область. СПб., 1887, стр. 40; «Известия восточного факультета Азербайджанского государственного университета, Востоковедение», II. Баку, 1928, стр. 71.

³⁷ «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 3—4, стр. 49.

³⁸ «Бюллетень Организационной Комиссии по созыву I Всесоюзного тюркологического съезда», 2. Баку, 1926, стр. 18; сб. «В. В. Бартольд». Ташкент, 1927, стр. 25; ср.: «Энциклопедический лексикон», т. 1. СПб., 1935, стр. 49.

С закреплением этнонима *татары* в качестве самоназвания татарского народа (начало XX в.) оба варианта обобщающей композиты — *турецко-татарский*, *тюрко-татарский* — потеряли под собой всякую почву, и их употребление в литературе неоднократно вызывало резкие возражения В. В. Радлова, П. М. Мелиоранского, А. Н. Самойловича. Нельзя не признать, что эти композиты устарели и с современной точки зрения лишены всякого научного основания, хотя и в наши дни они иногда неожиданно появляются в научной литературе и даже в учебных пособиях (например, в «Введении в языковедение» А. А. Реформатского), но в то же время нельзя отрицать их исторической роли. Они явились важным «промежуточным звеном» (термин Р. А. Будагова) в семантическом развитии слов *турки*, *тюрки* и способствовали перемещению обобщающего значения на эти, тогда еще варианты слова.

Этот семантический процесс непосредственно сказался на составе словосочетаний и композит уточнительно-выделительного типа: «ядерное слово» *татары* постепенно уступает в них место словам *турки* или *тюрки*. Например: *татары-киргызы* были заменены *турками-кэргизами*, появились и *турки-уйгурцы*³⁹; взамен *татарских казаков* возникли *тюркские казаки*⁴⁰; вовсе не в соответствии с *узбекские татары* сложилась композита *узбеко-тюркский*⁴¹. Наряду с *татарско-адербейджанский*, употреблялось определение «турецкий язык наречий... Адербиджана»⁴², а в 20—30-е годы XX в. вместе со словосочетанием *азербайджанские* (или: *закавказские*) *турки* и композитами *азербайджанско-турецкий*, *турецко-азербайджанский* широкое распространение получили *азербайджанские тюрки*, *азербайджанско-тюркский*.

В первой половине XIX в. все три типа вариантов (*татарский*, *турецкий*, *тюркский*) еще могли употребляться в составе композит параллельно, причем иногда даже одним и тем же автором. Ср.: *джагатайские татары*⁴³ и *джагатай-татарский язык*⁴⁴, с одной стороны, «язык турецкого наречия, называемого *Джагатай*»⁴⁵, *турецко-джагатайский* и *турко-джагатайский* (у О. И. Сенковского)⁴⁶ — с другой, и, наконец, *тюркский-джагатайский* и *джагатайско-тюркский* (у И. Н. Березина)⁴⁷, *тюркско-джагатайский* (у Г. С. Саблукова). Подобным же образом существовали в середине XIX в. однозначные варианты композит и словосочетаний с географическим уточнителем; например: «северные татары» и «северные тюркские наречия» у И. Н. Березина, «среднеазиат-

³⁹ В. Григорьев. Примеч. в кн.: «История монголов». СПб., 1834, стр. 135.

⁴⁰ С. М. Пиралиев. Письма из Зауральской степи. — «День», 1862, № 32, стр. 12.

⁴¹ А. Вамбери. Путешествие по Средней Азии. СПб., 1865, стр. 172. Ср. в немецком оригинале: *ösbegisch-türkisch*.

⁴² Л. М. Лазарев. Сравнительная хрестоматия турецкого языка наречий османлы и Адербиджана, М., 1866.

⁴³ А. Казем-Бек. Общая грамматика турецко-татарского языка, изд. 2. Казань. 1846, стр. 131. Ср. *Tartaros Chacatays* 'татары Чакатаи' в кн.: Р. Г. де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде в 1403—1406 гг. Подлинный текст с переводом и примечаниями под редакцией И. И. Срезневского. СПб., 1881, стр. 243.

⁴⁴ «Записки ИРГО», т. II, 1847, стр. 231. Ср. *татарско-чагатайский* в ином значении у С. Е. Малова («Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», 1951, 2, стр. 201).

⁴⁵ Н. Муравьев. Путешествие в Туркмению и Хиву, ч. II. М., 1822, стр. 137. Ср.: *тюрко-чагатаец* у А. Н. Самойловича («Известия Общества обследования и изучения Азербайджана», № 5. Баку, 1927, стр. 1).

⁴⁶ «Энциклопедический лексикон», т. 4. СПб., 1835, стр. 26; т. 1, 1835, стр. 49.

⁴⁷ И. Н. Березин. Указ. раб., примеч. к стр. 12 и 13; см. также: «Журнал Министерств народного просвещения», ч. LXVIII, № 10, 1850, стр. 29.

ские татары» и «среднеазиатские турки» у Н. Ф. Катанова; «восточно-турецкие языки (татарские)» у П. Савельева.

3. В связи со сложившейся в Османской Турции политической ситуацией среди основного ее населения в качестве самоназвания надолго укоренилось «регионально-государственное обозначение» (термин А. А. Зайончковского) *osmanlı*, а «первоначальное название турок» сохранилось за «только некоторыми скитавшимися ордами»⁴⁸, что не замедлило сказаться и на русском словоупотреблении⁴⁹. Появлению новой уточнительной композиты и словосочетания в немалой мере способствовало омонимическое отталкивание двух значений — обобщающего и видового — в слове *турки*, использованном в этих образованиях в качестве «ядра». Именно этой омонимичностью, заключенной в слове *турки*, с одной стороны, и синонимичностью слов *турки* и *тюрки* в их обобщающем значении, можно объяснить варианты с «ядерным словом» *тюрки*: *османские тюрки* и *тюрки-османлы* у И. Н. Березина, *тюрки-османлы* у Н. А. Аристовой и Ч. Ч. Валиханова; ср. также *тюркский язык османлы*.

Уточнитель в этой композите, восходивший к наименованию правившей тогда династии султанов из рода Османа, выступал в самых различных вариациях, обусловленных особенностями проникновения этого слова в русский язык⁵⁰. Так появились варианты *османские турки*, *турки-османлы*, *турки-оттоманы*, *турки-османлы* или (ближе к источнику) *турки-османлы*. В соответствии с этим турецкий язык именовался чаще всего *турецко-османским* (иногда «собственно османским» или просто «османским», ср. тур. *Lisan-i Osmanî*) или *османско-турецким* и гораздо реже — «турецкий язык наречия османлы», *османли-турецкий*, *османно-турецкий*.

Ниспровержение османской династии кемалистской революцией и официальное введение, согласно конституции 1924 г., терминов «турок» (*Türk*), «турецкий язык» (*Türkçe*)⁵¹ обусловили замену прежнего уточнителя в русской композите на географический⁵². Этому способствовало также изменение языковой ситуации в Турции: если османский язык опирался на балканско-турецкие диалекты и поэтому иногда его называли *румелийско-турецким*, то современный турецкий литературный язык имеет основой турецкие диалекты Анатолии (тур. *Anadolu türkçe*). В соответствии с этим в русском языке 20—30-х годов XX в. активизировались сочетания *анатолийские турки* и композита *анатолийско-турецкий*⁵³.

⁴⁸ ВЭЛ, ч. 13, 1849, стр. 29.

⁴⁹ Примечательно, что в разговорнике, приложенном к «Карманной книге для русских воинов в турецких походах» О. И. Сенковского (ч. 1, СПб., 1828, стр. 12), русская фраза «Где турки?» переведена по-турецки: «*Һанья Османлы аскери?*» (букв. «где османские солдаты?»); см. также стр. 14, 22, 28.

⁵⁰ Об этом см. подробнее: А. Самойлович. Краткая учебная грамматика современно-го османско-турецкого языка. Л., 1925, стр. 7; Н. К. Дмитриев. Строй турецкого языка. Л., 1939, стр. 3.

⁵¹ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М. — Л., 1956, стр. 7.

⁵² Ср., впрочем, более раннее словосочетание с географическим уточнителем: южнотурецкий малоазийский (Л. М. Мелиоранский. К вопросу о значении и происхождении слов «чәләб» (чалап) и «чәләбі» в турецком языке. СПб., 1903, стр. 042).

⁵³ В единичных случаях происходило соединение двух уточнителей — «османско-анатолийский язык» (см.: «Алфавит Октября». М. — Л., 1934, стр. 41). Ср. у В. Радлова: *anat. Osm.* и «*der osmanischen Sprache Kleinasiens*» («Известия имп. Академии наук». St.-Pb., 1911, стр. 427, 429).

Композиты *османско-турецкий*, *анатолийско-турецкий* сыграли важную роль в процессе окончательного закрепления слов *турки*, *турецкий* за видовым обозначением («народ, составляющий основное население Турции»); в то же время они оставили свой след в сохранившихся поныне композитах *староосманский*⁵⁴, *староанатолийско-тюркский* (калька с тур. *Eski Anadolu Türkçesi*).

От рассмотренных композит с их бесспорной положительной ролью в семантическом развитии и специализации «ядерных слов» (*татары*, *турки*, *тюрки*) отличается группа композит и словосочетаний, характеризующаяся полным отсутствием подобного влияния на семантику соответствующих этнонимов. Образование входящих в эту группу композит уже с самого начала противоречило основному принципу, утверждавшемуся в отечественной науке: закреплять за народом его самоназвание. В этих композитах обозначение народа в русском языке искусственно отрывалось от его самоназвания.

4. Начиная с XVIII в. и в продолжение всего XIX в. в связи с тем, что самоназванию киргизского народа — *киргиз* — искусственным путем было придано обобщающе-родовое значение, почти непрерывно либо составлялись новые уточнительно-выделительные композиты и словосочетания, либо варьировались уже существующие. Причина этого заключалась главным образом еще в том, что слово *казак* получило различное смысловое развитие в языке-источнике и в заимствовавшем это слово русском языке: в первом оно стало самоназванием казахского народа, в 1731—1740 гг. принявшего российское подданство, во втором — обозначением привилегированного военного сословия⁵⁵. Во избежание смешения этих двух разных, а подчас и враждебных⁵⁶ социальных категорий искусственно была сконструирована и административным путем внедрена в русский язык композита *киргиз-кайсак* (ее самый ранний вариант *киргиз-казак* относится к 1721 г.⁵⁷).

Отнесение этнонима *киргиз* к народу, который сам себя так не называл, неизбежно привело к необходимости более четкого выделения «коренных киргисцев»⁵⁸ (или: «подлинных киргизов», «настоящих киргизов», «собственно киргизов»). Так искусственно созданная композита *киргиз-кайсак* явилась причиной возникновения новых уточнительно-выделительных словосочетаний и композит. Наиболее ранняя из них — с топонимическим уточнителем (по образцу давно известного русским словосочетания *сибирские киргизы*) — была предложена в середине XVIII в. П. И. Рычковым: «...народ киргисцы., которые кочуют там в каменистых и неудобоприступных горах, называемых Алатау, от коих гор и называются *Алатау киргисы*»⁵⁹. См. также *Алатай киргизы*, *ала-*

⁵⁴ Исчезло только противопоставление «староосманского» «новоосманскому» (ср.: В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, II. М., 1961, стр. 169), как и «староджагатайского» — «новоджагатайскому» (ср.: П. М. Мелиоранский. Краткая грамматика., стр. 91). Объединяющая композита типа османско-джагатайский (там же, стр. 21, 22 и сл.) имела окказиональный характер.

⁵⁵ Подробнее об этом см.: Г. Ф. Благова. Исторические взаимоотношения слов *казак* и *казак*. — В сб.: «Этнонимы». М., 1970.

⁵⁶ См. об этом: Н. Бекмаханова. Легенда о Невидимке. Алма-Ата, 1968, стр. 19.

⁵⁷ «Записки ИРГО по отделению этнографии», т. X, вып. 2, 1887, стр. XIII, XVII.

⁵⁸ «Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргис-Кайсацкой степе, 1771 года». СПб., 1772, примеч. к стр. 73. Ср. «природные казаки» для обозначения казахов (ВЭЛ, ч. 6, 1842, стр. 424).

⁵⁹ П. Рычков. Топография Оренбургская, ч. 1. СПб., 1762, стр. 133, см. также стр. 134. По свидетельству Л. А. Шеймана («Пушкин и киргизы». Фрунзе, 1963, стр. 39), П. И. Рычков ранее употребил эту композиту в своей рукописи «Краткое известие о татарах...»

тавские татары у В. Н. Татищева, *алтайские киргизцы* у Георги. Эта композита, которая, «по-видимому, восходит к одному из самоназваний киргизского народа... „Ала-Тоолук кыргыздар”»⁶⁰, благодаря именно данному обстоятельству оказалась более других отвечающей научным требованиям, что подтвердило в дальнейшем и развитие современной научной терминологии в отечественном киргизоведении (см. совр. «енисейские киргизы», «тяньшаньские киргизы»). Тем не менее именно композита *алатайские киргизы* не привилась на русской почве.

Поиск «наилучшего» уточнителя продолжался тем настойчивее, что «общим названием киргизы» все чаще стали именовать и киргизов, и казахов. В первые десятилетия XIX в. стала внедряться композита «кара-киргизы, т. е. черные киргизы» как имя, которым будто бы называют киргизов «их прочие орды и близкие соседи», вообще «азиатцы»⁶¹. Более справедливо, однако, мнение, что «кара-киргизы», «черные киргизы» «не есть имя народа»⁶², причем происхождение этих названий признается неизвестным. Учитывая же то, что «у киргиз... простой народ... называет себя кара (черный)»⁶³, можно допустить также, что киргизы получили наименование «кара-киргизы», «черные киргизы» по аналогии с такими издавна известными русским этнонимами, как карапахи, каракалпаки и черные клобуки русских летописей, караногайцы, каракипчаки, *кара калмак* — черные калмыки (колмаки). Кстати, с последними их соседи — сибирские киргизы — нередко объединялись в период завоевания Сибири русскими⁶⁴.

Примерно в одно время с *кара-киргизы*, *черные киргизы* (соответственно: «черно-киргизское наречие»⁶⁵) появились и другие уточняющие словосочетания: *дикие киргизы*⁶⁶ (по давней модели: «дикие половцы»⁶⁷) и *каменные*⁶⁸, или *закаменные, киргизы* («закаменными прозвали их жители сибирские, вероятно, потому, что они живут в горах, а в Сибири, по уверению путешественников, под словами *в камне* и *за камнем* разумеют вообще горы...»⁶⁹).

⁶⁰ Л. А. Шейман. Указ. раб., стр. 43—44.

⁶¹ См.: А. Левшин. Указ. раб., стр. 18; «Сведения о дикокаменных киргизах». — «Записки ИРГО», кн. V, 1851, стр. 140; «Русский энциклопедический словарь», изд. И. Н. Березиним, отд. II, т. III, стр. 169. В «Nachrichten über die sogenannten Schwarzen Kirgisen» («Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland», Bd 11, Hft. 3, 1852, примеч. к стр. 402) вслед за Бичуриным утверждается, что «одно поколение называет самих себя кара-киргиз».

⁶² Иакинф [Бичурин]. Описание Чжунгарии..., стр. XXIX; см. также: Н. Зеланд. Киргизы. — «Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО», кн. VII, вып. 2, 1885, стр. 2, Т. Р. Рыскулов. Киргизстан. М., 1935, стр. 11.

⁶³ «Сочинения Ч. Ч. Валиханова», стр. 299, примеч. 2.

⁶⁴ См. об этом: Г. Ф. Миллер. Указ. раб., стр. 445, примеч. 1; «Записки ИРГО по Отделению этнографии», т. X, вып. 1, стр. 185, 189; В. В. Бартольд. Киргизы. Фрунзе, 1927, стр. 44.

⁶⁵ В. В. Радлов. Краткий отчет о поездке в Семиреченскую область и на Иссык-Куль летом 1859 г. — «Известия Российского географического общества», т. VI, 1870, стр. 99.

⁶⁶ См., например: А. Левшин. Указ. раб., стр. 1, 18, 20; ВЭЛ, ч. 7, стр. 188.

⁶⁷ См.: В. Н. Татищев. История Российская, стр. 272. А. Левшин объясняет название «дикие киргизы» по-своему: «Дикими назвали их, как говорят, потому, что они храбрее киргиз-казаков и, жестокостию своею, еще страшнее их в грабежах купеческих караванов» (указ. раб., стр. 20).

⁶⁸ См., например: Иакинф [Бичурин]. Указ. раб., стр. XXIX; «Nachrichten über die sogenannten Schwarzen Kirgisen», примеч. к стр. 402.

⁶⁹ А. Левшин. Указ. раб., стр. 21; ВЭЛ, ч. 7, стр. 188.

В середине XIX в. оба определительных словосочетания — «дикие киргизы» и «закаменные (каменные) киргизы» — контаминировались, дав жизнь новой композите, пришедшей им на смену: *дикокаменные киргизы*. Впервые эта «трехэтажная» композита-словосочетание встретилась нам в литературе, относящейся к 1851 г.⁷⁰ Несмотря на явную неблагозвучность и неудобопроизносимость, эта композита надолго задержалась в отечественной этнонимической номенклатуре, проникнув даже в «Настольный словарь» Ф. Толля и энциклопедические словари И. Н. Березина, А. и И. Гранат и К. К. Арсеньева.

Соположение в книжном языке нескольких различных названий киргизского народа (*дикокаменные киргизы*, *кара-киргизы*, *черные киргизы*, *буруты*⁷¹), с одной стороны, и стремление максимально «уточнить» наименование этого народа, самоназвание которого, по сути, игнорировалось — с другой, повлекло за собой появление четырехкомпонентных словосочетаний и словосложений. Правда, подобные образования встречаются в литературе считанное число раз: *дикокаменные черные киргизы*⁷² и *дикокаменные киргиз-буруты*⁷³. Столь же окказиональными были попытки называть «кочевников Зауральских степей» в целом «общим именем „зауральский киргиз“, „киргиз азиатский“, или „среднеазиатский“...»⁷⁴

Все эти композиты и словосочетания как уточнительно-выделительного, так и обобщающего назначения (независимо от того, являлись ли они окказиональными или же терминологизировались на несколько десятилетий) бесследно исчезли, не оказав никакого влияния на развитие слова *киргиз* в русском языке; *киргиз* как самоназвание киргизского народа было восстановлено в 1924 г.

Точно так же никакого влияния на семантическое развитие составляющих их компонентов не оказали композита *киргиз-кайсак* и ее наукообразные варианты *киргиз-казак* и *казак-киргиз*⁷⁵. Последний вариант просуществовал вплоть до 1924 г. Любопытно, что вариант *киргиз-казак*, впервые появившийся в 1721 г., потом вышедший из употребления и затем вновь введенный А. И. Левшиным, вызвал своеобразную реакцию современника-нетюрколога в художественной литературе. В давно забытой повести В. А. Ушакова «Киргиз-Кайсак» ее герой Виктор Славин, сын «киргизки» и русского казака, так трактует появившийся к тому времени в научной литературе вариант этой композиты: «Я не Киргиз-Кайсак, а Киргиз-Казак, то есть смесь киргизца с каза-

⁷⁰ «Сведения о дикокаменных киргизах», стр. 140, 141 и сл. По-видимому, когда Г. Н. Потанин в своей статье «О рукописи капитана Андреева о Средней киргизской Орде, написанной в 1785 г.» («Известия ИРГО», т. XI, вып. 2, 1875, стр. 107—109) употребляет повсюду словосочетание «дикокаменные киргизы», то тем самым производит такой же акт «осовременивания» или «стилизации» прежней этнонимической терминологии, с каким встречаемся в аннотации А. Н. Харузина к книге А. Левшина «Описание...» (см.: А. Н. Харузин. Библиографический указатель статей, касающихся этнографии киргизов и каракиргизов, стр. 4) или в рассказе о лекаре Зиберштейне, авторе едва ли не первого «Описания о дикокаменных киргизах» (1825 г.), у В. В. Бартольда («Киргизы», стр. 48).

⁷¹ Это последнее название, которое киргизам дали калмыки, зафиксировано уже в «Описании всех в Российском государстве обитающих народов» (ч. 2, стр. 116).

⁷² Ч. Валиханов. Очерки Джунгарии. — «Записки ИРГО», кн. 2, 1861, стр. 45; «Ди-кокаменная Орда». — Газ. «Северная Пчела», 1861, № 192, стр. 784.

⁷³ Ч. Валиханов. Очерки..., стр. 45 (ср. стр. 44: «дикокаменные буруты»).

⁷⁴ А. Харузин. Киргизы Букеевской Орды. М., 1889, стр. 24. См. там же: «букеевский киргиз».

⁷⁵ Ее окказиональный вариант *казак-бурут* (с синонимической заменой *киргиз* на *бурут*) встретился нам в литературе всего два раза: «Продолжение описания и истории о Великой Татарии». — «Санкт-петербургский календарь на лето от. р. х. 1745»; «Записки ИРГО по отделению этнографии», т. X, 2, 1887, стр. 241.

ком... Да! Я представитель, отродие этих двух племен, которых происхождение мало известно всем нашим историкам»⁷⁶. Стремление уберечь глубоко укоренившееся в русском языке слово *казак* от каких бы то ни было смысловых воздействий со стороны слова-оригинала было столь велико, что композиту *киргиз-казак* пытались истолковать не как обозначающую одно этнографическое понятие, а как объединяющую два таких понятия⁷⁷.

5. Становление тюркской этнонимо-лингвистической терминологии в языке русской научной литературы связано с противоборством двух факторов: исконного, непрерывно пополнявшегося запаса этнографических знаний в самой России с книжной традицией, идущей с Запада и усугублявшей существовавшую синонимичность обобщающе-родовых слов *татары*, *турки*, *тюрки*. Состояние отечественной науки в XVIII—XIX вв. требовало совмещения этих противоположных направлений, что выражалось в стремлении к максимальному уточнению этнонимо-лингвистических обозначений, а это вело, в свою очередь, к предельному усложнению соответствующей терминологии, к массовому образованию уточнительно-выделительных и прочих словосочетаний и композит.

Изучение этих языковых единиц в формировавшейся системе тюркской этнонимо-лингвистической терминологии и особенно в связи со смысловой эволюцией «ядерных» (для композит) слов *татары*, *турки*, *тюрки* показало, что семантическое развитие этих некогда синонимичных слов и любые смещения смысловых акцентов в этих словах сразу же и непосредственно отражались прежде всего на составе композит. Происходило непрерывное «подравнивание», подновление лексемного состава композит в зависимости от того, какие (или какое) из упомянутых трех слов преимущественно употреблялись в тот период для обобщающе-родового обозначения.

У уточнительно-выделительных и однозначных обобщающих композит при этом возникали хронологические варианты, сменявшие друг друга, а иногда и сосуществовавшие в течение некоторого времени (*джагатай- татарский*, *турецко-джагатайский*, *джагатайско-тюркский*; *турецко-татарский*, *тюрко-татарский* и проч.). Что же касается отождествляюще-объединяющих композит, то их варианты при благоприятствовавших этому условиях неоднозначности подвергались лексико-семантическому размежеванию: как следствие смыслового развития их «ядерных слов» происходила поляризация отождествляющего и объединяющего значений в двух разных вариантах композиты. Так, за композитами *монголо-татары* / *татаро-монголы* закрепилось обозначение исторического понятия, за *тюрко-монголы* — понятия, объединяющего народы двух языковых групп. Таким образом, в исторической перспективе разносоставные композиты с различными семантикой и функциональным назначением обнаруживают глубинные взаимосвязи и взаимообусловленность — как материальную, так и семантическую. Пример такой взаимообусловленности являют собой композита *киргиз-кайсака*, с одной стороны, и целый ряд уточнительных словосочетаний и композит с «ядерным словом» *киргиз* — с другой.

Вариантность композит, следовательно, прямым и непосредственным образом зависела прежде всего от синонимичности обобщающе-ро-

⁷⁶ «Киргиз-Кайсака». Повесть. М., 1835, стр. 198—199.

⁷⁷ Такую трактовку композиты *киргиз-казак* можно сопоставить с окказиональной объединяющей композитой *киргиз-калмык*, в основе которой лежит «заклучение, что сибирские киргизы были монгольского происхождения» (Ч. Валиханов. Очерки Джунгарии, стр. 47).

довых этнонимов («ядра» композиты) в определенный период времени (ср. *турки-османы* и *тюрки-османы*); примечательно, что в таком варьировании композит могла принимать участие и обобщающая композита *тюрецко-татарский*, которая сама выступала как «ядро» других, более сложных композит (*монголо-тюрецко-татарский*, *тюрецко-татарское адербиджанское наречие*). Вариантность композит увеличивалась еще и за счет как русских «разночтений» уточнительного члена, так и свободного порядка сложения составляющих членов (*турки-османы*, *турки-османлы*, *турки-османлиси*, *турки-оттоманы* и *тюрецко-османский*, *османско-тюрецкий*, *османли-тюрецкий*).

Судьба композиты и ее воздействие на развитие системы этнонимо-лингвистической терминологии зависели от ряда факторов — собственно языковых и внеязыковых. В их числе особенно важен был один: действительно ли композита отражала в себе самоназвание народа или политическую и языковую ситуацию, существующую у последнего.

Значительная часть композит сыграла важную роль в становлении этнонимо-лингвистической терминологии. Многие композиты активно участвовали в лексико-семантическом обособлении некогда вариантных слов *турки*, *тюрки*. Перемещению обобщающе-родового значения на эти слова способствовали композиты *тюрецко-татарский* и *тюрко-татарский*. Композиты *османско-тюрецкий*, *анатолийско-тюрецкий*, *малоазиатско-тюрецкий* способствовали закреплению видового значения за словом *турки*, а композита *тюрко-монгольский* — закреплению обобщающего значения за словом *тюрки*.

Таким образом, этап массового образования композит был исторически необходимым для формирования тюркской этнонимо-лингвистической терминологии. В ходе развития отечественных тюркологии и этнографии складывались научно точные этнонимо-лингвистические понятия, находившие отражение в не менее точных наименованиях, полностью соответствующих самоназваниям народов. В результате тюркская этнонимо-лингвистическая терминология в ее современном состоянии может рассматриваться как системно-организованное микрополе внутри этнонимической номенклатуры русского языка.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

В. А. СЫЧЕВА

АРАБСКИЕ И ПЕРСИДСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ
В ЛЕКСИЧЕСКОМ СОСТАВЕ ГАГАУЗСКОГО ЯЗЫКА

Гагаузский язык — своеобразное лингвистическое явление в семье тюркских языков. Свообразие его, по определению Н. К. Дмитриева¹, заключается в наличии многочисленных заимствованных элементов как в грамматическом строе, так и в лексике.

Даже предварительные наблюдения показывают, что словарный состав гагаузского языка весьма сложен. В его формировании сыграли большую роль и родственные (турецкий), и неродственные (романские, славянские, греческий, арабский, персидский и др.) языки, из которых гагаузский язык в процессе своего развития заимствовал различные лексические элементы.

В пласте лексических заимствований значительное место занимают арабо-персидские слова.

Поскольку гагаузский язык не имеет литературно-исторических памятников, проследить пути и установить время заимствования арабо-персидских слов не представляется возможным. Сложно определить и язык-источник. Хотя происхождение большинства арабо-персидских слов в гагаузском языке не вызывает сомнения, тем не менее об этимологии довольно большой группы слов нет единства во мнениях, что нашло отражение и в словарях, в которых этимологические пометы иногда и вовсе отсутствуют. Вследствие несовпадения помет в различных словарях трудно определить этимологию таких слов, как *sabun* 'мыло'; *kağanıl* 'твоздика'; *kavga* 'шум', 'крик', 'спор'; *kerestä ust.* 'пиломатериал', 'строительный лес'; *şeker* 'сахар'; *hırsız* 'вор', 'грабитель' и др. По нашим наблюдениям, слов с неясной этимологией насчитывается более ста.

Арабо-персидские лексические заимствования могли войти в словарный состав гагаузского языка еще до переселения гагаузов в Бессарабию, то есть до конца XVIII века, в основном через распространенный на Балканах турецкий язык. Турецкие слова проникали в большом количестве и в болгарский язык, через который также, возможно, гагаузы усваивали арабо-персидские слова. Сопоставление соответствующей лексики в гагаузском и болгарском языках подтверждает подобное предположение. Примерно 46% слов арабо-персидского происхождения в гагаузском и болгарском языках совпадают как по фонетическому облику, так и по семантике. Например:

¹ Н. К. Дмитриев. К вопросу о словарном составе гагаузского языка. — В кн.: Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 272.

гагауз.		болг.	
akyl	'ум', 'разум', 'память',	акъл	'ум', 'разум', 'рассудок'
alka	'кольцо', 'круг', 'звено',	халка	'кольцо', 'звено'
baas	'спор', 'пари', 'заклад',	бас	'пари', 'заклад'
varak	'сусальное золото',	варак	'фольга', 'сусальное золото'
kadifä	'бархат'	кадифе	'бархат' и т. д.

Возможно, это параллельные языковые заимствования, которые «часто бывают распространены в различных неродственных языках, принадлежащих к определенному территориальному ареалу»². Мнение о проникновении основной массы арабизмов и персизмов в гагаузский язык через турецкий представляется бесспорным, так как фонетические и семантические расхождения в этих словах в турецком и гагаузском языках легко объясняются особенностями последнего. Особого же внимания заслуживают весьма малочисленные в гагаузском языке арабские и персидские слова, не зафиксированные в турецком языке: перс. *šamuš* 'дикий', 'норовистый'; араб. *žanzibig* 'однородный', 'одинаковый'; араб. *maluč* 'мазило', 'помазок'; перс. *čendelä* 'цедилка'; араб. *mehenk* 'ловкач', 'хитрец'; араб. *leif* 'монисто'; араб. *laku* 'кусочек веревки'; араб. *že-zamet* 'крупный, дородный человек'.

Выделенная нами арабская и персидская лексика составляет примерно 10% словарного состава гагаузского языка (около 1000 слов — приблизительно 550 арабских и 350 персидских). Тематическое содержание заимствованной лексики широко, разнообразно и охватывает многие стороны хозяйственно-бытового уклада и культуры гагаузов. Преобладающая часть заимствований связана с земледелием и оседлым бытом.

Все заимствованные арабо-персидские слова можно сгруппировать по тематическому принципу. Каждая из тематических групп включает слова как арабского, так и персидского происхождения. В следующих группах преобладают персидские лексемы: «Садоводство и плодоводство» (*zerdeli* 'сорт абрикосов'; *argmut* 'груша'; *menevša* 'фиалка'; *laalä* 'тюльпан'; *šefteli* 'персик'; *čikundur* 'свекла'; *čavdar* 'рожь'; *čiček* 'цветок' и др.), «Животный мир и птицы» (*beegir* 'лошадь', 'конь'; *majmun* 'обезьяна'; *žanavar* 'волк'; *horož* 'петух'; *lelek* 'аист', и др.), «Предметы домашнего обихода» (*ajna* 'зеркало'; *dolar* 'шкаф'; *kilim* 'ковёр'; *perdä* 'занавеска'; *čaršaf* 'покрывало' и др.). В других же группах большинство составляют арабские слова: «Религиозная терминология» (*allaa* 'бог', 'аллах'; *žendem* 'ад'; *žennet* 'рай'; *žan* 'душа'; *günpa* 'грех' и др.), «Духовные и физические качества человека» (*kurgaf* 'тощий'; *kaavi* 'сильный', 'крепкий'; *žazibeli* 'симпатичный'; *fena* 'злой'; *zaif* 'слабый', 'болезненный' и др.), «Государственное устройство» (*vatan* 'родина'; *hazna* 'казна'; *sultan* 'султан'; *zabit* 'начальник'; *malik* 'собственник' и др.), «Военное искусство» (*baryt* 'порох'; *kylyf* 'кобура'; *mazdrač* 'копье', 'пика'; *mazgal* 'ниша', 'бойница' и др.).

Следует отметить, что в гагаузский язык вошли арабские и персидские заимствования, относящиеся не только к так называемой культурной лексике, но и к таким тематическим группам, как, например, «Части тела», «Названия цветов», лексика которых считается наиболее устойчивой (*kafa* 'голова'; *žeer* 'легкое'; *kellä* 'череп'; *ten* 'тело'; *škembä* 'живот' и др.; *bijaz* 'белый'; *zambak* 'синий'; *reimbä* 'светло-вишневый'; *turupži* 'оранжевый' и др.).

² М. М. Маковский. Теория лексической аттракции. М., 1971, стр. 169.

Процентное соотношение различных частей речи в арабских и персидских заимствованиях можно проиллюстрировать следующей таблицей:

Части речи	Количество в процентах
Существительные	80
Прилагательные	6,6
Масдары (отглагольные имена)	4,5
Причастия	4,5
Наречия	2
Союзы	0,7
Междометия	0,5

Таков же состав арабских и персидских элементов, бытующих, по свидетельству С. Майзеля³, в турецком языке.

Значительное расхождение, существующее между словоизменением глаголов в арабском и персидском языках, с одной стороны, и в тюркских — с другой, полностью исключает переход глаголов в тюркские языки. Среди арабо-персидских заимствований нами отмечено лишь пять арабских глаголов, но и они выполняют в гагаузском языке роль других частей речи (существительных или прилагательных): *şüğü* 'начинать', 'предпринимать'; *заггата* 'обвинять в преступлении', 'штрафовать'; *та-дагака* 'поправлять', 'исправлять'; *агга* 'позорить', 'бесславить'; *заппаса* 'делать однородным', 'уподоблять'.

Иноязычное слово заимствуется чаще всего в форме именительного падежа единственного числа, но иногда и в форме именительного падежа множественного числа. При этом происходит переосмысление грамматической формы заимствованного слова: формы существительного множественного числа воспринимаются как формы единственного числа. В гагаузский язык проникли в форме именительного падежа множественного числа главным образом арабские существительные, например: *акран* 'сверстник', 'ровесник' (ср. тур. *акран* < араб. мн. *акранун*); *фукаага* 'бедный', 'нуждающийся', 'нищий' (ср. тур. *фукара* < араб. мн. *фукараун*); *şerbet* 'напиток' (ср. тур. *şerbet* < араб. мн. *şerbatun* и др.). Фонетический облик и семантика этих слов свидетельствуют о проникновении их в гагаузский язык через турецкий.

Попадая в другой язык, заимствованное слово получает соответствующее грамматическое оформление. Так, например, некоторые имена, главным образом арабского происхождения, употребляются только с тюркскими словообразовательными аффиксами. Чаще других оформляет заимствованные имена аффикс *-ly*, который образует от существительных прилагательные с пассивным значением или же присоединяется к прилагательным, не изменяя их значения, например: *żazibeli* 'симпатичный', 'приятный' (ср. тур. *żazibeli* и *żazip* < араб. *żazibun*), *raametli* 'покойный', 'усопший', 'покойник' (ср. тур. *raametli* и *raahmet* < араб. *raahmatun*) и др.

Некоторые заимствованные слова употребляются только с аффиксом *-lyk*, образующим имена существительные, например: *kesatlyk* 'дешевизна' (ср. тур. *kesatlık*, *kesat* < араб. *kesadun*), *aaretlik* 'приемыш', 'приемный ребенок' (ср. тур. *ahretlik*, *ahret* < араб. *axiratun*) и др. Из примеров видно, что в турецкий язык эти заимствования вошли в начальной форме

³ С. Майзель. Арабские и персидские элементы в турецком языке. М., 1945, стр. 3.

прототипа и уже на турецкой почве образовали производные слова с аффиксами -ly, -lyk, которые уже в этом виде, вероятно, и были заимствованы гагаузским языком.

Отдельные заимствования оформлены аффиксом -syz, выражающим отсутствие, например: arsyz 'бессовестный', 'бесстыдный' (ср. тур. arsyz < араб. arsa); hursyz 'вор', 'грабитель' (ср. тур. hursyz < араб. hurzup). Формы этих слов в турецком и гагаузском языках совпадают.

Некоторые заимствования в гагаузском языке представлены вторичными основами, оформленными аффиксами принадлежности 3-го лица единственного числа⁴. Например: jabany 'волк' (ср. тур. jaban < перс. jabab), saabi 'хозяин', 'владелец' (ср. тур. sahip < араб. sahibun), asly 'правда', 'быль', 'подлинность' (ср. тур. asyl < араб. aslun), žanabin (-iz) 'Вы' (ср. тур. žepar < араб. žanabin), где -in, -iniz — аффикс принадлежности 2-го лица множественного числа.

Интересно отметить, что часть арабских имен существительных женского рода вошла в гагаузский язык оформленной морфологическим показателем -at, другая же — без него. Соответствие данных форм в гагаузском и турецком языках говорит о том, что эти заимствования проникли в первый через турецкий язык. По нашим наблюдениям, для существительных с абстрактным значением характерна форма с показателем женского рода (kabaat 'вина', 'проступок'; kapaat 'удовлетворение', 'удовлетворенность'; adet 'обычай', 'обряд', 'привычка' и др.); существительные с конкретным значением, наиболее употребительные, характеризуются краткой формой без показателя женского рода (amir 'тесто', paštara 'кружка' и др.).

Часть заимствованных слов употребляется в гагаузском языке только в сочетании с вспомогательными глаголами, например: šürü etmää 'начинать'; bijan etmää 'назначать', itraf etmää 'признавать', inkär etmää 'чувствовать отвращение' и др. В некоторых составных глаголах именные основы слились со служебными глаголами и не выступают в качестве самостоятельных слов⁵, например: azetmää 'терпеть', 'переносить'; kajbelmää 'пропадать', 'исчезать', razgelmää 'встречаться' и др.

Небольшая группа арабо-персидских слов употребляется только в фразеологических сочетаниях: žezamet adam 'крупный, дородный человек'; pišasta unu 'крахмал'; göz nuru 'свет глаз'; tembä sulary 'ключевая вода' и др. В турецком же языке все эти слова автономны и употребляются в свободных словосочетаниях.

Отмечены случаи, когда заимствованное арабское или персидское слово перешло в гагаузском языке в другой разряд слов, причем с некоторыми арабизмами и персизмами это произошло еще на турецкой почве. Например, арабское существительное batalün 'храбрец', 'герой' в турецком и гагаузском языках изменило свое значение, перейдя в разряд прилагательных («огромный, дородный»). Персидское существительное denbal 'шут', 'проказник' в турецком и гагаузском также стало прилагательным со значением «ленивый» и т. д. Определенная группа арабо-персидских слов в турецком и гагаузском языках относится к разным лексико-грамматическим разрядам. Арабскому существительному zulm 'гнет', 'притеснение' в турецком языке соответствует существительное zulum с тем же значением, а в гагаузском zulum — прилагательное

⁴ Н. К. Дмитриев отмечал, что «при выделении малознакомых (особенно арабских) слов из контекста формант не был отделен от корня и воспринят как часть этого корня» (см.: Н. К. Дмитриев. Гагаузские этюды. — В кн.: Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков, стр. 253).

⁵ См.: Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. М., 1964, стр. 168.

‘жестокий’, ‘деспотичный’. Арабское существительное *inadun* ‘упрямство’, ‘упорство’ в турецком языке (*inat*) осталось существительным, а в гагаузском (*inat*) превратилось в прилагательное ‘упрямый’, ‘строптивый’. К разным грамматическим категориям в турецком (к существительным) и гагаузском (к прилагательным) языках относятся слова *paalet* ‘упрямый’, ‘нахальный’; *tamah* ‘жадный’, ‘алчный’; *islää* ‘хороший’, ‘приятный’; *haseet* ‘завистливый’, ‘жадный’ и др. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что некоторые арабские заимствования, сохранившие в турецком языке свое предметное значение, при переходе в гагаузский язык были переосмыслены и получили значение признака.

По степени употребительности арабо-персидские слова можно подразделить на: а) активно употребляемые в языке, б) используемые наряду с тюркскими синонимами, в) устаревшие, сохранившиеся в фольклоре и устойчивых сочетаниях.

Активно употребляется в гагаузском языке заимствованная лексика, относящаяся к деятельности человека: названия животных, растений, предметов домашнего обихода, одежды, обуви, музыкальных инструментов, а также основная группа слов, входящая в тематические классы «Человек и профессия», «Части человеческого тела», «Духовные и физические качества человека». Эти заимствования укоренились в языке в качестве единственного выражения соответствующего понятия и настолько адаптировались, что воспринимаются как исконные слова родного языка, например: *ževiz* ‘орех’; *patlažan* ‘помидор’; *šefteli* ‘персик’; *čikundur* ‘свекла’; *beegir* ‘лошадь’; *tajmun* ‘обезьяна’; *jabany* ‘волк’; *hajvan* ‘животное’; *lelek* ‘аист’; *dolar* ‘шкаф’; *sofra* ‘круглый стол’; *kilim* ‘ковер’; *ajna* ‘зеркало’; *širit* ‘лента’; *čember* ‘платок’; *čamaşur* ‘белье’; *fistan* ‘платье’; *takā* ‘чепчик’; *daarā* ‘бубен’; *kemenčā* ‘скрипка’; *таапi* ‘частушка’; *hasta* ‘больной’; *köör* ‘слепой’; *kösā* ‘безбородый’; *zabun* ‘худой’; *šeremet* ‘трудолюбивый’; *kafa* ‘голова’; *žeer* ‘легкое’, ‘печень’; *šketbā* ‘живот’; *čoban* ‘пастух’; *terzi* ‘портной’; *usta* ‘мастер’, ‘умелец’ и др.

Имеются случаи вытеснения исконно тюркских слов арабо-персидскими заимствованиями, например, арабское *insan* ‘человек’ вытеснило тюркское *kiši* с тем же значением. Чаще, чем тюркское *güç* ‘тяжелый’, ‘трудный’, употребляется персидское *zoog*. Активно используется арабское *islää* ‘хороший’, ‘хорошо’, вместо тюркского *iüi*. Составной глагол *laf etmää* ‘говорить’, ‘разговаривать’, образованный с помощью персидского *laf*, является в гагаузском языке основным глаголом речи, а тюркское *konuşmaa* означает ‘пировать’, ‘угощаться’, ‘гулять’.

Сильное влияние турецкого языка вплоть до XIX века привело к созданию пар и групп слов, семантически дублирующих друг друга даже в пределах арабо-персидской лексики, например: араб. *jemeni* ‘домашние туфли’ — перс. *pariç* ‘домашние туфли’; араб. *bela* ‘беда’, ‘горе’ — перс. *deri* ‘страдание’, ‘горе’; араб. *syklet* ‘тоска’, ‘хандра’; перс. *rak* ‘чистый’, ‘опрятный’ — араб. *temiz* ‘чистый’, ‘свежий’ и многие другие.

Одним из важнейших признаков освоения языком заимствованного слова является участие его в словообразовательном процессе. Многие арабо-персидские слова активно пополнили лексику гагаузского языка производными образованиями, способными передавать переносный смысл. Из всей массы заимствований примерно 10% слов составили базу для множества производных, образованных на турецкой и гагаузской почве. Большую семью составляют заимствования: *akul* ‘ум’, ‘разум’, ‘память’; *fajda* ‘польза’, ‘прок’; *zoog* ‘трудный’; *kuvet* ‘сила’, ‘мощь’; *adam* ‘человек’, ‘мужчина’; *atug* ‘тесто’, ‘закваска’; *kağar* ‘решение’, ‘постановление’ и др.

В процессе освоения заимствованных слов нередко происходит их семантическое переосмысление. Многие арабизмы и персизмы, имеющие в языке-источнике частные, конкретные значения, в гагаузском языке приобрели более общие значения, конкретизирующиеся в зависимости от контекста. Например, слово *kijať* в гагаузском языке означает «бумага», «книга», «письмо», «грамота», поскольку отсутствуют другие обозначения этих понятий (ср. тур. *kâğıt* 'бумага', 'бумажный', 'документ', 'письмо', 'карта', 'лира' <араб. *kağıdun* 'бумага'). Благодаря расширению семантического объема целого ряда заимствований увеличилась частотность употребления таких слов, как: *sinziġ* 'цепь', 'цепной', 'вереница', 'ряд', 'цепочка' (ср. тур. *zincir* 'цепь', 'цепочка', 'оковы' <араб. *zinzirun* 'цепь'); *taġaz* 'ножницы', 'стропила', 'железнодорожная стрелка' (ср. тур. *taġas* 'ножницы', 'железнодорожная стрелка' <араб. *miġgazun* 'ножницы'); *paalet* 'упрямый', 'своенравный', 'нахальный', 'бессовестный', 'вероломный', 'коварный', 'вероломно', 'коварно' (ср. тур. *lânet* 'проклятье', 'анафема' <араб. *laanetun* 'проклятье') и др.

О семантическом освоении заимствованных слов свидетельствует их употребление и в переносном значении. Например, араб. *takijjatun* 'шапочка', 'ермолка' в гагаузском языке помимо основного значения (*tākā* 'чепчик') имеет и переносное — 'шляпа', 'простофиля'; араб. *hajvanun* 'животное' означает в гагаузском языке и 'грубиян', 'болван'; араб. *haġžalatun* (гагауз. *hergelä* 'табун лошадей') употребляется в переносном значении 'всякий сброд', 'подонки'. Причина устойчивости арабо-персидских заимствований кроется, вероятно, в том, что они обозначают жизненно важные понятия и благодаря этому органически входят в лексический состав гагаузского языка.

Многовековые языковые контакты гагаузов с болгарями, молдаванами, турками, украинцами, русскими основательно пополнили лексический запас гагаузского языка. Заимствования из разных языков привели к обогащению гагаузского языка большим количеством синонимов (дублетов, триплетов и квадриплетов)⁶.

Заимствованные слова сосуществуют с исконными в течение долгого времени, многие из них продолжают занимать прочное место в языке и по сегодняшний день. Арабо-персидские слова входят почти во все синонимические ряды, причем, некоторые из них являются более употребительными, чем тюркские слова или синонимы из других языков; например, перс. *zergdeli* 'абрикос' используется чаще, чем тюркское *ařlama*; перс.-тюрк. *astalyk* 'болезнь' — чаще, чем аагу араб. *aatak* 'дурак' — чаще, чем славянское *прост* и тюркское *řařkyn*; арабское *bijať* 'белый' — чаще, чем тюркское *ak* и др.

В равной мере активно употребляются синонимы: араб. *bereket* 'урожай' и тюркск. *bollyk*; перс. *řkembä* 'живот' и тюркск. *katy*, *kaġun*; араб. *ihtiaġ* 'старик', 'старуха' и слав. *дяду*, *бабу* и др.

Определенная часть арабо-персидских заимствований постепенно выходит из активного употребления и переходит в разряд устаревших слов. Стали архаизмами в гагаузском языке наименования некоторых деталей построек старого типа: *akaret* 'дом с хозяйственными постройками'; *keġer* 'печной свод'; *kenef* 'туалет', 'уборная'; *tavla* 'конюшня' и др. Перешли в разряд устаревших термины, связанные с прежними формами торговли: *bazirġän* 'купец'; *ařsyn* 'аршин'; *jendezä* 'локоть (мера длины)'; *kiġerija* 'булочная' и др. Редко употребляются многие религиозные термины: *kiġban* 'жертва', *paġaz* 'намаз', *haġzu* 'паломник', *keřiř* 'монах' и др.

⁶ Б. П. Тукан. Состав лексики вулканештского диалекта гагаузского языка. — В сб.: «Вопросы лексикологии и лексикографии». Кишинев, 1968, стр. 155—158.

Ушли в прошлое отдельные профессии, связанные со старой общественной формацией, а в связи с этим исчезли и их наименования: *zapabet* 'шут', *kalrazan* 'фальшивомонетчик', *kalfa* 'подмастерье', *çugak* 'работник', 'батрак' и др.

Некоторые малоупотребительные арабизмы и персизмы, обозначающие качества человека, были вытеснены тюркскими эквивалентами, например: араб. *taamul* 'беременная' — тюрк. *gebe*; араб. *itibarly* 'уважаемый' — тюрк. *sajguly*; перс. *pekez* 'скупой', 'жадный' — тюрк. *syku* и др. Устарели отдельные слова с абстрактным значением: *bah* 'счастье', *sabur* 'терпенье', *kaapat* 'удовлетворение', *tembih* 'наставление', 'приказание' и др. Историзмами стали наименования устаревших предметов вооружения и боевых средств (*kylyf* 'кобура', 'портупея'; *mazdrag* 'копье', 'пика'; *şymşur* 'вид сабли' и др.); одежды, головных уборов (*fereza* 'паранджа', 'вуаль'; *küla* 'старинный головной убор' и др.); слова, связанные с государственным управлением в Османской империи (*vekil* 'управляющий', *izmekar* 'работник', 'слуга'; *daava* 'суд'; *fermant* 'указ'; *hazna* 'казна', 'казначейство' и др.).

В настоящее время в гагаузском языке отмечается тенденция к замене арабо-персидских терминов интернациональными и русскими словами, например, вместо араб. *sajfa* употребляется русск. *страница*; вместо араб. *nokta* — русск. *точка*; вместо араб. *tefter* — русск. *тетрадь*; вместо араб. *asker* — русск. *солдат*; вместо араб. *kalä* — русск. *крепость* и др.

По нашим подсчетам, около ста слов арабского и персидского происхождения перешло в разряд устаревших, однако основная масса заимствований устойчиво сохраняется и продолжает активно употребляться в языке.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

А. А. ВАЛИТОВА

ТИПОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЙ ПОЭМЫ

(ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЖАНРА В ПРОЦЕССЕ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ
ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ ЛИТЕРАТУР)

Различные аспекты сложной и многогранной проблематики взаимосвязей и взаимообобщения литератур разных народов советскими литературоведами изучаются довольно интенсивно. Работа в этой области особенно усилилась после состоявшейся в 1960 г. научной дискуссии в Институте мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР и выхода в свет сборника «Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур», наметивших важнейшие вопросы, связанные с разработкой этой проблемы, предложивших методику изучения материала, определивших перспективы дальнейших исследований.

Подчеркивая важность поставленных вопросов, И. Г. Неупокоева писала: «Обогащение национальных литератур лучшим художественным опытом мирового литературного развития и новые перспективы, открывающиеся перед мировой литературой по мере дальнейшего развития отдельных национальных литератур, — это единый в своем существе процесс становления современной прогрессивной литературы мира и ее ведущего отряда — социалистического реализма, к которому присоединяются все новые силы»¹.

Вопросы взаимосвязей национальных литератур, в частности тюркоязычных литератур таких регионов, как Средняя Азия, Кавказ и Поволжье, рассматривались и ранее — в монографиях и статьях Е. Э. Бертельса, М. О. Ауэзова, Г. И. Ломидзе, А. Н. Болдырева, З. С. Кедриной, З. Г. Османовой, Х. Усманова, М. Каратаева, И. Т. Сагитова, Г. Араслы, М. Ю. Гулизаде, К. А. Талыб-заде, М. Хасанова, И. А. Султанова, Х. И. Якубова, А. Кекилова, Н. Мередова, Т. Дурдыева, М. Тулегабылова, А. Гаджиева, Ш. Абилова, У. Абдуллаева, А. Хаитметова и др.²

Проведенная в 1960 г. упомянутая дискуссия и публикация ее материалов явились импульсом для активизации исследовательской мыс-

¹ «Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур». М., 1961, стр. 14; см. также сборник «Проблемы взаимосвязи и взаимообогащения литературы и искусства народов СССР». М., 1968.

² Е. Э. Бертельс. Очерки истории персидско-таджикской литературы. М., 1960; М. О. Ауэзов. Мысли разных лет. Алма-Ата, 1959; Г. И. Ломидзе. Единство и многообразие. Вопросы национальной специфики советской литературы. М., 1960; А. Н. Болдырев. Мемуары Зайнедина Васифи. М., 1958; З. С. Кедрина. Из живого источника. Алма-Ата, 1966; З. Г. Османова. Проблемы традиций и новаторства в советской таджикской поэзии. — В кн.: «Социалистический реализм в литературах народов СССР». М., 1962, стр. 145 и сл.; М. Каратаев. Рожденная Октябрем. Статьи и очерки о казахской литературе. Алма-Ата, 1958; И. Т. Сагитов. Творчество Бердаха. Нукус, 1958 (на каракалпакском языке).

ли и вызвали появление ряда специальных работ по взаимосвязям и взаимодействию ряда литератур, а также исследований, посвященных благотворному воздействию русской классической и советской литературы на всю многонациональную литературу СССР.

Из общего комплекса этих вопросов, пока еще недостаточно изученных, нам хотелось бы выделить один, а именно — развитие жанра поэмы.

Возникновение и развитие основных поэтических жанров, во многом восходящих к фольклорным истокам, у большинства тюркоязычных народов СССР тесно связано с взаимным творческим усвоением художественного опыта литератур, некогда создававшихся на различных вариантах средневекового книжного языка тюрк³, а также и литератур иноязычных. Это положение справедливо как для ранних, так и для позднейших этапов конкретно-исторического процесса развития поэтических жанров и жанровых форм, включая дооктябрьский и советский периоды. Подтверждается это и жанровыми определениями, заимствованными из общевосточной (арабо-ирано-тюркской), а также из международной литературоведческой терминологии (последнее в основном через посредство русского языка и русской литературы).

Формирование поэтических жанров в дооктябрьский период и в советское время отличается существенными качественными особенностями, обусловленными изменениями, происшедшими в уровне эстетической культуры народов, в подходе к жизненному материалу и ориентации художественного творчества, а, главное, переходом на новый творческий метод.

Как известно, в классической литературе тюркоязычных народов, начиная с памятников XI века и вплоть до XIX века, преобладали традиции восточной литературы. Однако в XIX веке (особенно во второй его половине) все более ощутимым становится влияние русской, а через нее и западноевропейской литературы.

Исследование исторических корней взаимосвязей и взаимодействия литератур народов СССР — существенная и сложная идейно-эстетическая проблема, органически связанная с проблемой единства национального и интернационального — одной из основ социалистического искусства. Изучение различных ее аспектов важно для определения специфики становления жанра в поэзии того или иного народа (как в дооктябрьский, так и в советский периоды), для установления типологии жанров и форм современной советской поэзии и, наконец, для выяснения общности и различий однородных поэтических жанров и их разновидностей в литературах одного или нескольких, близких по культурному развитию регионов.

Интенсивные литературные связи народов Средней Азии, Кавказа и Поволжья в период средневековья имели специфические традиционные формы. Особую роль в формировании и развитии поэтических жанров сыграли несколько наиболее существенных форм или типов взаимосвязи средневековых литератур.

Связям литератур в прошлом, помимо непосредственных контактов, содействовали также, например, общие для целого ряда из них своды восточной «поэтики», содержащие канонические правила и указания по

³ Тюрк³ — литературный язык, распространенный в средние века в Средней Азии, на Кавказе и в Поволжье, отличающийся от народно-разговорного языка и имеющий в каждом ареале специфические локальные различия — лексические, морфологические, синтаксические.

поэтической технике, которых поэты были обязаны придерживаться при создании своих произведений.

В этих трактатах о поэтике устанавливались принципы стихосложения, излагались канонические требования, которым должны были отвечать стихотворные и прозаические произведения различных жанров и форм (дастан, касыда, газель, кыт'а, рубаи, месневи, бейт, масал, муамма, мухаммас, мусаллас, мусаддас, муназара и т. д.); приводились сведения и давались рекомендации по метрике, рифмовке, поэтическим фигурам, стилистическим приемам и т. п. Подобные трактаты свидетельствуют о сравнительно высоком для того времени развитии восточной литературно-теоретической мысли и о накоплении богатого художественно-поэтического опыта. Обобщение литературно-технических приемов и введение строгих канонов и регламентаций для литератур этого региона способствовали типологической общности жанров и форм в поэзии народов Средней Азии, Поволжья, Кавказа, Ближнего и Среднего Востока. Наиболее содержательными и популярными были поэтические кодексы филологов Халил ибн Ахмада (VIII в.), впервые описавшего виды и формы стихосложения системы а-р у з⁴, «Джами мухтасар» Вахида Табризи⁵, «Мизан ал-авзан» Алишера Навои, трактат по поэтике Захираддина Бабура и др. В двух последних трактатах рассматриваются наиболее существенные проблемы теории литературы, излагаются основы арабо-иранской метрики аруз, принципы ее творческого применения к стихосложению на имеющих совершенно иной строй тюркских языках⁶, а также дается характеристика ряда жанровых форм, распространенных в тюркской поэзии.

Важное значение имели поэтические антологии — тазкира, такие, как «Тазкира Даулет-шаха» или «Тухфа-и Сам» Сам-мирзы Сефевиды (XVI в.), в которые включались биографии поэтов, их избранные стихотворения и отрывки из поэм, часто с комментариями составителя.

Если составитель тазкира обладал поэтическим дарованием, художественной интуицией и вкусом, то включенные им в антологию стихи-образцы служили своего рода эталоном поэтической культуры и мастерства, оказывая соответствующее воздействие на дальнейшее развитие поэзии и на утверждение в ней тех или иных жанров и форм.

В этом плане интересно антологическое произведение Алишера Навои «Маджалис ан-Нафаис» («Собрание утонченных», 1491—1492), в котором автором даются характеристики современных ему писателей и поэтов. Антология эта имеет большое значение для изучения историко-литературного процесса развития узбекской, уйгурской и персидско-таджикской литератур в их взаимосвязях и взаимодействии.

Широкое распространение на всем Ближнем и Среднем Востоке, а также в Средней Азии и на Кавказе получил традиционный прием назкира — поэтический «ответ», своеобразное выражение поэтического состязания, поэтической полемики двух поэтов.

Каноническая форма ответа-назира предполагала обязательное следование в поэмах в общих чертах традиционному эпическому сюжету, лежащему в основе оригинала, в лирических произведениях — поэти-

⁴ См. ст. «Aruz» в «Enzyklopaedie des Islam», v. I.

⁵ Вахид Табризи. Джамии мухтасар. Трактат о поэтике. М., 1959.

⁶ И. А. Сулганов. «Мезон ал-авзон Навои» и его критический текст. Ташкент, 1949; Захираддин Мухаммад Бабура. Трактат об арузе. М., 1972.

ческой мысли, лирической теме, а также использование основных компонентов поэтической структуры оригинала: жанровой формы, строфики, поэтического размера, принципа и характера рифмовки, а иногда и самой рифмы (особенно в стихах-моноримах). Поэтические «ответы», создававшиеся как в эпических, так и в лирических жанрах и формах, у подлинно талантливых поэтов никогда не являлись простым подражанием. Так, Амир Хосров Дехлеви, Навои, Физули, Джами, Абди-бек Ширази и другие создавали назира на традиционные темы поэм Низами Гянджеви (XII в.) и других поэтов, отталкиваясь от их произведений и как бы состязаясь с ними в мастерстве, в умении развить и привести нечто свое в традиционные образы и сюжеты.

Эта форма литературной взаимосвязи получила своеобразный, типологически близкий отклик в европейской, в частности, в русской литературе XIX века, например, в поэмах А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, написанных на одну и ту же тему и носящих одинаковые названия («Кавказский пленник»).

Оригинальную форму назира дал Г. Тукай (1886—1913), сатирическая поэма которого «Сенной базар, или Новый Кисек баш» представляет собой умелое и острое пародирование старинной древнетюркской религиозной поэмы «Отсеченная голова». Эта поэма Г. Тукая оказала большое влияние на развитие реалистической литературы, особенно революционной сатирической поэзии многих тюркоязычных народов (башкир, казахов, узбеков, киргизов, каракалпаков и др.). Примечательно, что в советское время татарский советский писатель Кави Наджми вслед за Г. Тукаем создал своеобразную остросатирическую пьесу «Новый Сенной базар», а Карим Амири — комедию «Сенной базар» — произведения, направленные против торгашей и нэпманов.

Прием назира (хотя и претерпев сильные изменения) дошел до наших дней. Так, именно в русле его традиций на основе поэмы «Фархад и Ширин» Алишера Навои были созданы самобытные пьесы «Легенда о любви» Назыма Хикмета, «Асырлар» (*букв.* «Века», 1948 г.; в русском переводе — «Две эпохи», 1967 г.) Уйгуна и др. Здесь следует упомянуть также и другие произведения многонациональной советской литературы — поэтическую пьесу Самеда Вургуня «Фархад и Ширин» (1941), восходящую к поэме Низами «Хосров и Ширин», пьесы татарского писателя Фатхи Бурнаша «Тахир и Зухра» (1920), азербайджанского поэта Сулеймана Рустама «Гачаг Наби» (1939—1940), узбекских драматургов Сабира Абдуллы «Тахир и Зухра» (1938), Камила Яшена «Равшан и Зулхумор» (1957), каракалпакского писателя Асана Бегимова «Гариб-Ашик» (1955), восходящие к народным дастанам⁷.

Разумеется, в современной литературе рамки назира сильно раздвинулись, форма эта стала значительно более емкой, в ней окрепло индивидуальное творческое начало. Многие обязательные прежде канонические требования отпали, сохранился в основном принцип творческого использования сюжетной канвы.

Возможно, что корни назира восходят к широко распространенным в свое время фольклорным поэтическим состязаниям, сохранившимся у многих народов и до наших дней (таким, как *айтыс-айтышуу, лапары, аския, такмаки*, позже — *мушоира*), что и сделало эту форму столь популярной среди тюркоязычных поэтов средневековья и даже нового времени.

⁷ С этой же традицией органически связана драматическая поэма «Тахир и Зухра» народного поэта Таджикистана Мирзо Турсун-заде.

И уже непосредственно связано с фольклорной традицией распространение в трех упомянутых регионах повествовательных произведений тюркоязычной литературы не только в форме рукописных книг, но и устным путем через «рассказчиков» и «чтецов» — *рави*, *кыссахон* и других, являвшихся своего рода «литературными посредниками» и сыгравших большую роль в установлении прочных фольклорных и литературных связей между народами.

Такие рассказчики часто бывали в известной мере «профессионалами»: постоянно совершенствуясь в избранном ими искусстве, они достигали высокой степени исполнительского, а иногда и импровизаторского мастерства; считая свое искусство основным занятием, они существовали на подношения и вознаграждения слушателей. Рассказчики, соответственно своей социальной ориентации, проникали и во дворцы правителей и в дома знати, но все же для большинства кыссахонов, тесно связанных с дехканством и городскими низами, основную аудиторию составлял народ, внимавший их искусству на площадях, улицах и базарах городов, аулов и кишлаков. Разумеется, репертуар их был различным.

Ра́ви и кыссахоны много странствовали и, обретая все новых слушателей, читали, рассказывали и пели дастаны как фольклорные («Героглы» || «Кероглу», «Алпамыш» || «Алпамыс» || «Алпамша», «Ашик-Гариб» || «Ашик-Кериб» и т. д.), так и литературные («Юсуф и Зулейха», «Тахир и Зухра», «Боз-джигит», «Юсуп и Ахмед» и т. д.)⁸, представляющие собой как бы своеобразные «народные книги». Что касается литературных дастанов, то здесь имела место не только передача художественного произведения одного народа другому, но и значительная стихийная фольклоризация его, приводившая порой к возникновению новых устных версий и вариантов, а подчас и к пародированию.

Нередко рассказчики исполняли свой репертуар на двух языках — тюркí и фарси, особенно в районах с «двуязычным» населением (например, в окрестностях Шахрисябза и Самарканда в Средней Азии, в пограничных с Ираном областях Азербайджана и Туркмении). Характерно также, что в те времена многие поэты (например, Алишер Навои) писали и на тюркí, и на фарси, что объяснялось известными историческими условиями. Последнее обстоятельство способствовало также установлению тесных литературных взаимосвязей между народами Средней Азии и Азербайджана, Ирана и Афганистана и приводило к общности памятников письменной литературы, распространению и популяризации воспринятых у соседних народов фольклорных эпических сказаний, преданий, сказок и песен.

*   *

*

Перечисленными выше наиболее распространенными формами взаимосвязи и взаимодействия литератур тюркоязычных народов в средние века объясняются специфика и своеобразие классической восточной поэмы: традиционность сюжетов, образов, композиционной структуры, в значительной мере словесно-образительных средств, поэтических тропов и фигур, особенностей просодии.

Традиционность образно-стилевой структуры сохранилась в литературах многих народов СССР до наших дней, что свидетельствует, конечно, не о косности художников, а о жизнеспособности самой традиции.

⁸ Как указывал Н. И. Конрад, в литературах Китая, Японии, Индии существовало близкое к этому явление литературного «посредничества», представителем которого также был рассказчик-повествователь.

Жанр поэмы у тюркоязычных народов возник, вероятно, еще до X в., так как самый ранний известный нам памятник этого жанра — этико-дидактическая поэма «Кутадгу билиг» («Книга счастья», 1069 г.) Юсуфа Баласагунского стоит уже на столь высоком уровне поэтической культуры (и по поэтике, и по стихосложению, и по богатству языка), что ее трудно считать лишь первой попыткой создания такого сложного синтетического жанра, как поэма. Юсуф Баласагунский, создавая свою поэму, несомненно, опирался на прочные, устоявшиеся литературные традиции, свидетельствующие о достигнутом к тому времени высоком профессионализме. Поэма испытала воздействие бухарской школы поэтов X в., писавших на старотаджикском языке⁹, арабо-иранской дидактической литературы (панд-наме, андарз, адаб), героической эпопеи Фирдоуси «Шах-наме» и других произведений и явилась органическим сплавом традиции народной поэзии тюркских племен с иноязычной письменной поэзией предшествующего периода.

Юсуф Баласагунский, по существу, ввел в тюркоязычную поэзию количественную систему стихосложения аруз, ставшую доминирующей в поэзии тюркских народов на протяжении многих последующих веков и дошедшую до нашего времени. Принципы стихосложения «Кутадгу билиг» нашли впоследствии продолжение в ряде разнотипных поэтических произведений¹⁰.

Таким образом, первая известная нам поэма на языке тюрки — «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского, являющаяся общим культурным наследием ряда тюркоязычных народов и своеобразным синтезом поэтической культуры предшествующих эпох, — в свою очередь, сыграла значительную роль в дальнейшем развитии жанра поэмы в средневековой тюркской поэзии.

Великим продолжателем автора «Кутадгу билиг» в области создания жанра поэмы был Алишер Навои. Его «Хамсе» («Пятерица») представляет собой вершину творчества в жанре поэмы в тюркоязычной литературе Средней Азии и Поволжья феодального периода¹¹.

По устойчивой восточной традиции «Хамсе» Навои явилась «ответом» (назира) в первую очередь на «Пятерицу» великого азербайджанского поэта XII в. Низами Гянджеви, а затем на книгу поэм индийского персоязычного поэта Амир Хосрова Дехлеви (1253—1325). Приняв основные сюжетные линии и некоторые особенности формы произведений своих предшественников (метрика, рифмовка), как это предписывалось канонами назира, Навои создал пять больших оригинальных поэм, дав свое собственное идейно-художественное толкование тем и сюжетных ситуаций, новую трактовку образов и событий, нашедших своеобразное

⁹ Такое определение языка дарй бухарской поэзии, на наш взгляд, закономерно, если учесть, что локальные варианты языка тюрки в научной литературе иногда называют староузбекским, староазербайджанским, старотатарским, старобашкирским языками и т. д.

¹⁰ В этико-дидактической поэме «Хибат ал-Хаканк» («Дар истин») Ахмада Югнаки (XII век), в газелях и касыдах узбекских поэтов Атаи, Секаки, в романической поэме Лутфи «Гуль и Науруз» (XV век), в дидактических поэмах татарского поэта XVI века Мухамедьяра «Тухфаи Мардан» («Подарок мужей») и «Нури судур» («Лучи души»), в героических поэмах XIX века — «Священная война мусульман против китайцев» уйгурского поэта Биалал Назима, в «Книге рассказов о битвах текинцев» Абдус-Саттар Казы и др.

¹¹ «Хамсе» («Пятерица», 1483—1485) Алишера Навои состоит из пяти поэм: «Смятение праведных», «Лейли и Меджнун», «Фархад и Ширин», «Семь планет», «Стена Искандера».

эмоциональное воплощение, исходя из традиций узбекского фольклора и литературы. Этот цикл поэм — шедевр восточной классической литературы, получивший значительный идейный и эстетический резонанс в последующие эпохи и оказавший огромное влияние на дальнейшее развитие поэзии народов Ближнего и Среднего Востока. Для Средней Азии же цикл «Хамсе» — особенно поэмы «Лейли и Меджнун» и «Фархад и Ширин» — стал поэтической основой для создания ряда новых произведений начиная с XV в. и до наших дней.

По характеру содержания и художественной структуры наиболее устоявшимися и распространенными в XI—XIX вв. были в основном три типологические разновидности поэмы, между которыми существовали и различные переходные формы.

Первый тип классической поэмы — поэма героическая восходила к народным героико-эпическим сказаниям, что обусловило во многом ее художественную структуру.

Вершиной этого типа поэм является непревзойденная по своей художественной значимости, богатству и многообразию изображенных в ней персонажей гениальная таджикско-персидская поэма Фирдоуси «Шах-наме» (X—XI вв.), оказавшая большое влияние на развитие всей литературы Ближнего и Среднего Востока, в особенности — жанра поэмы. Однако почти все последователи Фирдоуси в области создания героической поэмы оказались в известной мере его подражателями и, естественно, не сумели подняться в своем творчестве до уровня своего учителя.

При всем эстетическом и социальном различии содержания всех этих поэм их объединяет общая жанровая специфика художественной структуры. Героическая поэма — эпическое стихотворное повествование (очень подробное и обстоятельное) о героических подвигах и действиях центрального персонажа произведения (одного или нескольких), вокруг которого группируются все остальные действующие лица. Сюжет поэмы (или отдельных ее частей) — острый, динамично развивающийся, занимательный; движение его способствует раскрытию различных сторон образа героя. Герой — активен, отважен, решителен, умеет находить выход из любых самых сложных положений. Композиция героической поэмы может быть различной, но в центре ее всегда стоит образ героя-воина, героя-борца. При всем жизнеутверждающем характере повествования этому типу поэмы не чужды также трагические положения и ситуации.

В дальнейшей своей эволюции героическая поэма претерпела сильные изменения. В произведениях, созданных в советскую эпоху, сохранились лишь основные, лучшие традиции героической поэмы (героика, гуманизм, своеобразный патриотизм, активность героя), но, конечно, в совершенно ином, обновленном виде, обусловленном качественно новым образом художественного мышления.

Второй тип классической поэмы — поэма этико-дидактическая, восходящая к назидательным жанрам устной поэзии (терме, толгау, вагаз, санат, насият || насихат) тюркских народов, с одной стороны, и к поучительно-дидактическим формам арабо-иранской литературы (пан-д-наме, андарз, адаб и т. п.), широко распространенным в средние века на всем феодальном Востоке, — с другой.

К этому типу поэм относятся «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского (XI в.), «Хибат ал-хакаик» («Дар истин») Ахмада Югнаки

(XII в.), «Вагзи-Азад» («Наставления Азада», XVIII в.) туркменского поэта Азади, отца Махтумкули, «Нури судур» и «Тухфаи мардан» («Подарок мужей») татарского поэта XVI в. Мухамедьяра, «Хафт джам» («Семь чаш») азербайджанского поэта Физули, «Хафт гульшан» («Семь садов») узбекского поэта Надира (XIX в.) и др.

Поэмы эти пользовались широкой популярностью на Востоке. Они представляли собой своеобразный поэтический свод установлений морали — общественной и индивидуальной. Персонажи таких поэм обычно аллегорически олицетворяли отдельные человеческие добродетели или другие свойства характера. Поэмы часто строились на диалоге действующих лиц, обсуждающих те или иные человеческие достоинства (ум, доброту, терпение, трудолюбие и т. д.) или нормы поведения человека в обществе и семье. В центре некоторых поэм стоял образ идеального правителя — справедливого, гуманного и мудрого. Созданием подобных образов поэты-гуманисты как бы выражали своеобразный протест против царившего в ту эпоху феодального деспотизма. Особую художественную ценность поэм этого типа представляла философская лирика авторовских отступлений (размышления поэтов о сущности человеческого бытия, о назначении и роли человека в жизни, о человечности, о жизни и смерти). В этих раздумьях и сентенциях было много противоречивого, но они тем не менее отражали основные тенденции развития философской и эстетической мысли эпохи. Некоторые из этих поэм, отличающиеся устремленностью к интеллектуально-поэтическому постижению окружающей действительности, можно было бы характеризовать как лирико-философские. Поэзия мысли (а не только эмоций) занимала в них большое место.

В процессе дальнейшего развития наметилась интересная тенденция к выражению того или иного содержания в определенном поэтическом жанре: так, дидактика постепенно стала облекаться в малые формы лирики, в поэтические миниатюры (например, восьмистишия Абая, четверостишия Тукая, в советский период — шестистишия Б. Кербабаяева, восьмистишия М. Шейхзаде, миниатюры А. Мухтара¹² и т. д.). Эти философско-дидактические миниатюры являются как бы концентрированным поэтическим выражением жизненного опыта поэта. Совершенно ясно, что каждая эпоха налагала на миниатюры свой отпечаток. Что же касается философской лирики, то она сейчас прочно обосновалась и в жанре поэмы, о чем свидетельствует интенсивное развитие лирико-философских поэм в 50—60-е гг. XX в.

Конечно, влияние традиций классической поэзии прошлого осуществлялось весьма сложными и не всегда прямыми путями, но гуманистические и демократические идеи, воплощенные в лучших образцах восточной поэзии, их совершенные поэтические формы не могли не оказать воздействия на становление и развитие поэтических жанров и в современной поэзии.

Третий тип классической восточной поэмы — поэма лиро-эпическая в двух своих основных разновидностях: любовно-романтическая и авантюро-новеллистическая.

К любовно-романтическим относятся поэмы «Юсуф и Зулейха» Фирдоуси (XI в.), «Кысса-и Юсуф» Гали, «Юсуф и Зулейха» Дурбека

¹² А. Мухтар. 99 миниатюр. Ташкент, 1962. Подобный же процесс возрождения и усиления традиционных малых форм лирики происходит в близкой тюркским литературам по своей общевосточной традиции таджикской, аварской и кабардинской поэзии. См., например, восьмистишия Р. Гамзатова (Р. Гамзатов. Собрание сочинений, т. I. М., 1968) и четверостишия А. Кешокова (А. Кешоков. Стихи-стрелы. М., 1970).

(начало XV в.), «Вис и Рамин» Гургани (XI в.)¹³, «Мехр и Муштери» Ассара Тебризи (XIV в.), многочисленные варианты поэм разных восточных авторов на сюжеты о Лейли и Меджнуне, о Фархаде и Ширин, о Тахире и Зухре, «Варга и Гюльша» Масихи (XVII в.) и др.

К авантюро-новеллистическим поэмам принадлежат варианты восточных «Александрий» — «Искандер-наме», восходящие к Фирдоуси, Низами, Навои, Джами вплоть до поэмы Абая об Искандере (XIX в.). Сюжет этих поэм — занимательный, приключенческий и поэтому несколько условный, так как отражает не непосредственную жизненную реальность, а известные устоявшиеся книжно-сюжетные ситуации. Только великим художникам было дано вдохнуть в них силу своих собственных жизненных впечатлений.

Особая значимость поэм об Искандере заключается в том, что каждый поэт-мыслитель, полностью абстрагируясь от реальной исторической личности Александра Македонского, стремился воплотить в образе Искандера свой социально-эстетический идеал человека и справедливого государя¹⁴. Такие поэты, как Низами, Навои, Джами, придавали образу героя черты высокого гуманизма.

Что касается гуманистической темы любви, так тонко, эмоционально и глубоко разработанной великими поэтами Востока, то традиции ее и органически связанной с ней формы лиро-эпической поэмы оказались наиболее устойчивыми в процессе дальнейшего развития поэзии, благодаря исключительной жизненности содержания и особой емкости формы.

Анализ поэзии XI—XIX вв. показывает, что вышеназванные три типа поэм являлись основными, однако существовали и промежуточные разновидности этого жанра, различающиеся как по внутренней идейно-тематической сущности (философско-публицистические, этико-дидактические, романические, героико-романические, философско-аллегорические), так и по художественной архитектонике (эпические и лиро-эпические, имеющие форму романа в стихах, повести в стихах, новеллы в стихах, поэмы-сказки, поэмы-баллады).

Разумеется, при сопоставлении видов и разновидностей жанров восточной поэмы, особенно поэм Навои, равно как и поэм его предшественников и последователей («Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского, «Хибаб ал-хаканик» Ахмада Югнаки, «Гуль и Науруз» Лутфи, «Мухаббат-наме» Хорезми, «Шейбани-наме» Мухаммад Салиха, «Тухфаи мардан» Мухамедьяра и др.), с поэтами XIX и XX веков можно заметить общие черты и различия, обусловленные особенностями развития художественной мысли народов в разные эпохи — их подхода к функции и составу литературы, наконец, даже того содержания, которое вкладывалось в понятие «литература».

Естественно, что поэтические жанры вообще и жанр поэмы, в частности, на Востоке до XIX века имели свою особую специфику. Лишь начиная с XIX века можно говорить о формировании поэмы нового типа в современном понимании этого жанра.

Тюркоязычная поэма XIX — начала XX века явилась органическим синтезом традиций устной поэзии (дастан, жыр, толгау, терме, байт — различные фольклорные жанры, бытующие у узбеков, азербайджанцев, казахов, башкир, татар), поэм-дастанов классической восточной литературы, творческого осмысления поэтами художественного

¹³ Поэма переведена на грузинский язык под названием «Висрамини» (XII в.).

¹⁴ См.: Е. Э. Бертельс. Роман об Александре и его версии на Востоке. М., 1948.

опыта русской поэмы (А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова) и мировой литературы¹⁵.

Поэмы М. Ф. Ахундова, Абая Кунанбаева, Г. Тукая — это поэмы нового типа, вобравшие в себя эстетические богатства всех трех могучих истоков (в их числе и принципы содержательного построения жанра) и ставшие если не фундаментом, то основным опорным пластом для создания в советскую эпоху поэмы в литературах тюркоязычных народов СССР.

Великий Октябрь, коренным образом преобразовавший экономическую, политическую и культурную жизнь народов нашей страны, совершенно по-новому поставил и проблему взаимосвязей материальной и духовной культур народов, в частности и проблему взаимосвязей литератур.

Естественно, что взаимосвязи и взаимообращение литератур народов в рамках единого Советского государства стали иными как в количественном, так и в качественном отношении. Как известно, процесс развития единой советской многонациональной литературы, ее стремительный расцвет и огромные эстетические достижения во многом были обусловлены наличием постоянных, разнообразных по форме, тесных органических взаимосвязей национальных литератур.

О взаимосвязях литератур писали многие исследователи (Д. С. Лихачев, М. А. Дадашзаде, М. Гайнуллин, Г. Халит, Г. Хусайнов, А. Ахмадуллин, У. Р. Фохт, А. Шариф, А. Заманов и др.).

Нам хотелось бы здесь остановиться на двух моментах, существенно важных для изучения становления и развития поэтических жанров.

Во-первых, при изучении взаимодействия литератур необходимо исследовать этот процесс, если можно так выразиться, в «горизонтальном» и «вертикальном» разрезах. Горизонтальный разрез — это творческое восприятие одним писателем или поэтом художественного опыта и достижений другого писателя или поэта непосредственно (независимо от того, будет ли это восприятие иметь форму развития опыта последнего или, напротив, преодоления его). Таково, например, творческое восприятие Самедом Вургуном или Расулом Рза стихотворных принципов поэтики В. В. Маяковского.

Азербайджанские же поэты среднего или младшего поколений (Наби Хазри, Бахтияр Вагабаде, Алиага Кюрчайлы, Джабир Новруз и др.) могли воспринимать традиции В. В. Маяковского и непосредственно, при чтении его собственных произведений, и опосредствованно, через произведения С. Вургуна и Р. Рза. Подобный путь взаимодействия литератур, восприятия художественного опыта можно условно назвать «вертикальным», так как истоки его уходят в глубь веков и в нем находит выражение преемственность поколений. Этот путь — непрерывен и сложен. Тщательное исследование его может вскрыть поэтическую связь времен, от древности до наших дней.

Показателен в этом отношении следующий пример. Алишер Навои, отталкиваясь от произведений Фирдоуси, Юсуфа Баласагунского, Низами Гянджеви и Амира Хосрова Дехлеви, синтезировал их традиции в

¹⁵ Обстоятельное историко-теоретическое исследование своеобразия жанра поэмы нового времени см.: А. Н. Соколов. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. М., 1955 и И. Г. Неупокоева. Революционно-романтическая поэма первой половины XIX века. М., 1971.

своим творчеством и передал поэтическим последователям — азербайджанскому поэту Физули, узбекским поэтам Мукими и Фуркату, казахскому поэту Абаю, татарскому поэту Г. Тукаю и др. А те, в свою очередь, восприняв классические традиции восточной поэзии, обогатили их собственным опытом и опытом русского (некоторые из них), а через него и мирового художественного творчества, передав этот новый синтез последующим поколениям, оказав тем самым решающее воздействие на поступательное движение как родной, так и соприкасающихся с нею литератур. Следовательно, художественное дарование Хамзы Хаким-заде Ниязи, Гафура Гуляма, Уйгуна, Маджита Гафури, Хади Такташа, Сибгата Хакима, Сайфи Кудаша, Хасана Туфана и других поэтов в своем развитии опиралось на могучий талант поэтов-классиков прошлого как непосредственно, так и опосредствованно. Так осуществлялся процесс «вертикальной» взаимосвязи литератур: все лучшее и самое ценное в поэтических традициях сохранялось, усваивалось и передавалось последующим поколениям.

Этот процесс особенно ясно прослеживается при анализе эволюции жанров и жанровых форм, так или иначе восходящих в своих истоках к фольклору, а нередко и к ранним образцам литературы (античной или восточной). Подвергаясь непрерывному обновлению и изменению, природа жанра, жанровые границы веками сохраняют известную устойчивость.

Во-вторых, при анализе взаимосвязей литератур народов СССР в советский период следует учитывать влияние на ход развития всей многонациональной советской литературы и творчества каждого писателя в отдельности сложившегося коллективного художественного опыта и достижений эстетической мысли, постоянно и непрерывно обогащающихся за счет интенсивных творческих исканий советских художников слова, представителей десятков национальных литератур. И на каждом этапе развития многонациональной советской литературы возникают определенные общие тенденции в движении прозы, поэзии, драматургии, отвечающие требованиям времени, не учитывать которые в своем творчестве не может ни один истинный художник.

Факторы, влияющие на формирование коллективного эстетического опыта советской многонациональной литературы, — многообразны. Они подвергаются тщательному анализу в работах исследователей различных национальных литератур. Нам хотелось бы подчеркнуть здесь лишь два существенных момента: интенсивное овладение национальными художниками слова литературным мастерством, рост их поэтической культуры и важность искусства перевода как средства взаимосвязи литератур.

Разумеется, повышение эстетической культуры, совершенствование поэтического мастерства длится у истинного поэта или писателя всю жизнь. Однако нельзя преуменьшать большого значения обстоятельств, влияющих на формирование личности писателя в ранний период его творчества. Поэтому роль поэтических наставников в становлении творческой личности поэта весьма велика.

В развитии советской эстетической мысли, в развитии поэтических жанров, как известно, значительную роль сыграла русская советская поэзия — лирика, сатира и поэмы А. Блока, Д. Бедного, С. Есенина и, особенно, В. Маяковского.

Подлинной школой поэтического мастерства для большинства поэтов национальных республик была работа по переводу произведений

русской советской поэзии на родной язык. В этом плане очень интересны высказывания Самеда Вургуня, Гафура Гуляма, Сабита Муканова, Аалы Токомбаева, Ахмеда Файзи и других поэтов.

Таким образом, взаимодействие литератур народов СССР, в том числе и тюркоязычных, способствует их успешному развитию и взаимному обогащению как по содержанию, так и по форме.

ТОПОНИМИКА

Т. РАХМАТОВ

ЭТИМОЛОГИЯ ТОПОНИМА «САМАРКАНД»

Топонимия Зеравшанской долины складывалась в течение тысячелетий, и в ее создании принимали участие многие племена и народности: арийцы, согдийцы, греки, тохары (кушаны), тюрки, арабы, монголы и др. Ее древнейшим пластом, безусловно, является согдийский, который «достаточно отчетливо выделяется»¹, особенно в верховьях Зеравшана, а также в районах Самарканда и Бухары.

Тюркские топонимы возникли позднее согдийских. Однако в количественном отношении они преобладают, составляя около 70—75 процентов всех названий Самаркандской области. Появление первых тюркских географических названий связано с проникновением в Согд тюркоязычных народов, особенно в VI в. н. э., когда миграция их усиливается. С этого времени тюркоязычные племена «играют все более заметную роль в процессах этно- и глоттогенеза Средней Азии»².

Тюркские названия любой территории Средней Азии и Казахстана отличаются устойчивостью и семантической прозрачностью, они легче этимологизируются³ и распадаются на значимые элементы, нежели иранские, арабские, монгольские топонимы. Но этимологические исследования в топонимике не ограничиваются выяснением происхождения слов, составляющих основу названий. Важно определить, с какими именно значениями эти слова вошли в топонимию. Поэтому объяснение даже таких этимологически прозрачных географических названий, как *Karasu* 'Черная вода', *Akäruk* 'Белый арык', *Karacätaγ* 'Черная гора', *Aktaγ* 'Белая гора', также представляет немалые трудности. Ведь прилагательные *ak*, *kaγa* очень часто встречаются в составе гидронимов, оронимов Средней Азии, и было бы ошибкой полагать, что они означают только цвет объектов.

Некоторые топонимы, утратившие дотопонимические (этимологические) значения, не являются тюркскими по происхождению. Например, в городе Самарканде: *Afrasijab* — развалины древнего Самарканда, разрушенного монголами в XIII в., *Matrid* — селение, *Išrāthanä* — усыпальница тимуридов, *Šivär* — местность близ обсерватории Улугбека, *Šäk'äržizzä* — квартал; в Самаркандском районе: *Gälčä*, *Säčäk'*, *Värs-*

¹ О. И. Смирнова. Места домусульманских культов в Средней Азии. — «Страны и народы Востока», вып. X. М., 1971, стр. 90—107.

² Б. Г. Гафуров. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972, стр. 544.

³ Э. М. Мурзаев. Топонимика Синьцзяна. — В сб.: «Топонимика Востока». М., 1962, стр. 16—17.

k'i — селения, Dägʻam — канал, Irsin — арык; в Ургутском районе: Ürgüt — поселок городского типа, Ändäk' — квартал, İspänzä, Gozni, Pačvan, Vätäk', Vätk'än, Goss, Ćim — селения, Jutka — пещера в Аманкутанских горах, Gurmäk' — перевал; в Булунгурском и Джамбайском районах: Bulunğur — канал, Gobdun — горы, Ärnä — пастбище, Gäzığä, K'eldan — селения; в Иштыханском и Акдарьинском районах; İstihan — поселок городского типа, Mitän, Bärzvan, Panukä — селения и др.

В результате последующих искажений, переосмыслений, фонетических изменений и по ряду других причин эти названия утратили свои первоначальные формы и этимологические значения, многие из которых возникли в древние времена или, возможно, в эпоху монгольских завоеваний.

Попытаемся дать краткую историко-лингвистическую характеристику некоторых из этих названий, ибо не каждое из них поддается этимологизации; к тому же целью настоящей статьи является подробный анализ лишь топонима *Самарканд*.

Äfrasijab. Археологические данные свидетельствуют о том, что в VI—IV вв. до н. э. на месте нынешнего городища Афрасиаб находились древние поселения⁴.

В бытующих и сейчас народных преданиях говорится, что город был назван в честь Афрасиаба, воевавшего против Рустама. Об этих событиях повествует и «Шах-намэ» Фирдоуси. Махмуд Кашгари пишет, что «отец Каза (Kaz) Тога Алпэр — это Афрасиаб... Великого хана тюрков Афрасиаба называли Тога Алпэр, что означает человек сильный, бесстрашный, как тигр»⁵. Об этом же говорится и в «Кутадгу билиг»: «Имя бека тюрков известно, его имя Тунга алп эр... Таджики его зовут Афрасиаб»⁶.

Оба памятника указывают, что Афрасиаб — историческая личность. Однако нет достаточных оснований утверждать, что этот древний город был назван Самаркандом в его честь.

Нам кажется наиболее достоверной этимология, предложенная В. А. Лившицем. Он считает, что первоначальной формой этого согдийского топонима был *Паршавап* букв. 'над черной рекой'. Таджики приносили его как *Парсиоб*, позднее он приобрел звучание *Афрасиаб*⁷. Это подтверждается и географическим положением города: ниже Афрасиабского холма находится самый древний естественный канал *Суаб* (от тадж. *sijah ab* 'черная вода', узб. *Kağäsuv*), начало которому дают ключевые источники.

Säk'ärzizzä. Современное произношение этого топонима является, видимо, результатом переосмысления слова вследствие чередования начального *č* с *š* и перехода *d* в *z*. Такие фонетические явления закономерны для узбекского языка. Когда сложное название «приобрело» форму *Säk'är(d)zizzä*, второй компонент вскоре был заменен сходным по звучанию *zizzä* букв. 'выжарки, шкварки', и слово стало «семантически про-

⁴ Б. Г. Гафуров. Указ. раб., стр. 76; «История Самарканда», т. I. Ташкент, 1969, стр. 35.

⁵ Махмуд Кошгарий. Девону луғотит турк (далее — ДЛТ), т. III. Тошкент, 1963, стр. 163, 379.

⁶ Юсуф Хос Хожиб. Қутадғу билиг (на узб. языке). Тошкент, 1971, стр. 102.

⁷ В. А. Лившиц. Надписи на фресках из Афрасиаба. — «Тезисы докладов сессии, посвященной истории живописи стран Азии». Л., 1965, стр. 5.

зрачным». В действительности же этот топоним образован сочетанием согдийских слов čāk'ig 'феодалная военная дружина' букв. 'слуга'⁸, dīzā 'крепость', то есть 'крепость для феодалной дружины'. Чакиры были «люди наемные, но пользовавшиеся известными привилегиями и даже почетом»⁹.

Итак, слово *чакир* (*шакир*) > *чакар* в VII—VIII вв. широко распространилось как военный термин. Что касается dīzā, то еще с древних времен он был обычным, продуктивным компонентом сложных названий населенных пунктов Согда. Этот номенклатурный термин нетрудно увидеть в названии селения Ургутского района Ispānzā¹⁰. Следовательно, первоначальное название городского квартала Čāk'ārdizā относится еще к X веку. Протекавший близ крепости Чакардиза главный городской канал носил то же название. Второе его название — *Джу и-Арзиз* 'Свинцовый проток'¹¹.

Gälčä. В современном узбекском языке имеется слово gälčä со значениями: 1. 'приземистый, низкорослый'; 2. 'человек, который ни слова не понимает на чужом языке'¹². Обычно это слово передает пренебрежительное отношение к ротозеям, людям невнимательным, невосприимчивым. Однако это вторичное значение, приобретенное словом gälčä. Его первоначальная семантика лишена какого-либо оскорбительного оттенка, ибо gälčä образовано от согд. γag 'гора' и аффикса -čā (переход *r* в *l* — закономерное явление и в таджикском, и в узбекском языках) и имело значение «горец, человек, живущий в горах». Именно это значение и вошло в топонимию, а затем стало употребляться как название этнической группы. В эпоху исламских завоеваний область в верховьях Мургаба (Мерва) называли Гарч или Гарчистон, то есть «Горная область». В источниках упоминается и «самаркандский Гарчистан» — по-видимому, как пишет В. В. Бартольд, горная область в верховьях Зеравшана¹³. Возможно, название Гальча (селение Самаркандского района) связано с проникновением сюда горных таджиков, говоривших в прошлом на особом диалекте и не понимавших «языка самаркандцев».

Šivār. Узбекский топонимист С. Караев в своем топонимическом словаре приводит ряд географических названий с компонентом šivār: Ortā-šivār — перевал («Средний шивар»), Šävārdi — степь (Узбекская ССР); Akšubār, Šubār, Šubār'öl — названия местностей в Казахстане; Šäbārte — озеро в Восточной Монголии и др.¹⁴ По его мнению, Šivār — монгольское слово со значением «болото», «заболоченное место», а топоним *Сибирь* — его фонетический вариант¹⁵.

Эта точка зрения подтверждается В. В. Бартольдом: «Шиберту (урочище к востоку от ущелья железных ворот в Байсунских горах) — собств. «глинистое место» (монгольское слово, часто встречающееся сре-

⁸ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Сочинения, т. I. М., 1963, стр. 238.

⁹ О. И. Смирнова. Очерки из истории Согда. М., 1970, стр. 49.

¹⁰ О. И. Смирнова отмечает, что первоначально этот топоним употреблялся как *Аспангарматдизи* (согд., 'sp'ntgrmt'dyz' дословно: «диза богини Аспан (дармат)»). Подробно об этом см.: О. И. Смирнова. Места домусульманских культов в Средней Азии, стр. 96—97.

¹¹ «История Самарканда», т. I. Ташкент, 1969, стр. 121.

¹² «Узбекско-русский словарь». М., 1959, стр. 641.

¹³ В. В. Бартольд. Таджики. Исторический очерк. — Сочинения, т. II, ч. I. М., 1963, стр. 457. О других значениях этого термина см. там же, стр. 458.

¹⁴ С. Қораев. Географик номлар маъносини биласизми? Тошкент, 1970, стр. 105—106.

¹⁵ Там же, стр. 109.

ди названий урочищ)»; «Шире шиберту — собств. «глинистое место» — географическое название, очень обыкновенное у монголов»¹⁶. В современном монгольском языке *шивэр* 'пот (на ногах)'; 'заболоченная чаща'; 'накрапывающий, падающий редкими каплями дождь'¹⁷.

Очевидно, *шивэр* — географический термин, употреблявшийся в эпоху тимуридов, — был заимствован местными таджиками и узбеками. А. З. Розенфельд пишет, что в юго-восточном Таджикистане не встречаются названия болот, в местных же таджикских говорах слово *шибер/шивер* означает «болото»¹⁸.

В Галляаральском районе (Самаркандская обл.) под термином *шивер* (*шибер*) понимают густой выгон, травянистую местность возле воды. В Ургенче, Хиве, Янгибазаре, Ханке (Хорезмская область) *шавыр* (*шабыр*)/*шабир* означает «выгон, пастбище»¹⁹.

Как видно из вышесказанного, это слово в разное время и в разных местностях употреблялось в различных, семантически близких значениях. Самаркандский топоним *Шивар* также образован от монг. *шивэр* и первоначально использовался как географический термин, характеризующий ландшафт, — «заболоченная, травянистая местность». В результате частого употребления он превратился в топоним. Действительно, местность *Шивар* расположена в низине, под арыками, куда все время стекает вода и где растут густые травы.

Išrāthanā. Это название мавзолея весьма необычно: оно означает «дом», «комната для увеселений». Согласно легенде, мавзолей был построен по приказу эмира Тимура. Восхищенный красотой здания, правитель сказал, что этот дом радует глаз и не вызывает мрачных раздумий о смерти, а потому не может служить усыпальницей и должен быть «Домом радости» (Ишрат-хана), мавзолей же построят в другом месте. В действительности же мавзолей был воздвигнут в 1464 году, спустя шестьдесят лет после смерти Тимура, по приказу жены Султана Абу Саида Хабибы Султан-бегим и предназначался для скончавшейся в юные годы их дочери Султан-Хавенд-бика. Позднее это здание было превращено в усыпальницу женщин и детей из рода Тимуридов²⁰.

Примечательно мнение об этимологии этого топонима Махмуда Дияри, самаркандского знатока арабских и персидских рукописей. В вакуфных документах, имеющих отношение к мавзолею Ишрат-хана, он обнаружил слово *ашарат*, произносившееся по-узбекски как *ишрат*²¹. Таким образом, название мавзолея происходит от арабского числительного *ашарат* 'десять' и узбекско-таджикского слова *хона* 'комната, дом' (*Ашарат-хона* 'десять комнат'), в местном произношении превратившееся в *Ишратхона*. Археологические раскопки последних лет подтверждают, что мавзолей насчитывал десять помещений.

Ištihan. В отношении этого топонима (букв. 'выпил хан') пока трудно сказать что-либо определенное. По мнению О. И. Смирновой, он образован от согд. *štyyan* 'восьмиарычный'²².

¹⁶ В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. 1, стр. 82; ч. 2, стр. 373.

¹⁷ «Монгольско-русский словарь». М., 1957, стр. 649.

¹⁸ А. З. Розенфельд. Заметки по гидронимии юго-восточного Таджикистана. — В сб.: «Топонимика Востока». Новые исследования. М., 1964, стр. 175.

¹⁹ «Ўзбек халқ шевалари луғати». Тошкент, 1971, стр. 309.

²⁰ Г. А. Пугаченкова. Ишратхона. Ишрат-хана (на узбекском и русском языках). Ташкент, 1970, стр. 3—5, 9—10.

²¹ М. Диярий. Ишратхонами ёки Ашаратхона? — «Фан ва турмуш». Тошкент, 1970, № 8, стр. 18.

²² О. И. Смирнова. Очерки из истории Согда, стр. 62.

Buluñyur — топоним монгольского происхождения и означает 'мутная, грязная, тинистая вода'²³.

Рассмотрим существующие гипотезы относительно этимологии топонима **Sämärkänd**.

Совершенно очевидно, что второй компонент этого топонима — **känd** — фонетический вариант согдийского **k'nd**, **k'd**, **k'nt**, **k't**²⁴, означавшего «дом», «укрепленное поселение», «город». С указанными значениями это слово было заимствовано тюркоязычными народами еще в древние времена (возможно, в начале нашей эры). Его мы встречаем в древнетюркских письменных памятниках. Так, в буддийской сутре **Sek'iz jük'mäk'** («написан уйгурским письмом, памятник относительно ранний по времени»²⁵) этот термин встречается в следующей строке: **känd uluř ev barq etgäli jagat'ali saqinč saqinsar** 'если задумает создать города и селения, дома и усадьбы'²⁶.

Видимо, **känd** у древних тюркских народов первоначально означало только «город», а селение называлось **uluř**. Эти термины часто выступали и как парное слово²⁷. Позднее, в памятниках XI века **känd** употребляется также в значении «крепость», «село», «деревня»²⁸. Очевидно, термин **känd** (в качестве определяемого компонента) закрепился и в древнетюркских топонимах (об этом см. ниже).

Обратимся к рассмотрению первого компонента топонима **Sämärkänd** — **Sämär**.

У греческих авторов упоминается согдийский город *Мароканда*. В. В. Бартольд пишет: «Название одного из городов, Мараканды, сохранилось в современном Самарканде...» и далее: «Главный город согдийцев на Зеравшане по местоположению и названию (Мароканды) приблизительно соответствовал современному Самарканду»²⁹. Б. Г. Гафуров также считает, что крупнейшим городским поселением в Согде «являлось то, которое греки называли Мароканда — местное название Смараканда (современный Самарканд)»³⁰. В китайских источниках встречаются формы *Самоцян*, *Сиваньгинь*, *Сивиньгинь*, *Самогянь*, *Лимогянь* — названия города и владений в древнем царстве Кан³¹; у Марко Поло (XIII в.) — *Санмаркан*, *Сармакан*³².

В источниках встречается различное написание этого топонима (*Самариана*, *Сараманка*, *Саканна*, *Сан-ман-ген*³³, *Сумрон*, *Шамиркент*, *Самаран*, *Шамроят*³⁴). В Средней Азии и за ее пределами название *Самарканд* распространилось на селения, каналы, кварталы, улицы, но

²³ Ц. Д. Номинханов. Монгольские элементы в этнонимике и топонимике Узбекской ССР. — «Ученые записки Калмыцкого научно-исследовательского института литературы и истории при Совете Министров Калмыцкой АССР», 1962, вып. 2, стр. 271.

²⁴ О соответствующих вариантах и значениях этого термина и в других языках подробно см.: В. И. Абаев. Этимологические заметки. — «Труды Института языкознания АН СССР», VI. М., 1956, стр. 442—448.

²⁵ «Древнетюркский словарь» (далее — ДТС). Л., 1969, стр. XXXVI.

²⁶ ДТС, стр. 290.

²⁷ ДТС, стр. 80, 168, 290; ср. еще: **balik uluř** 'города и селения' (там же, стр. 80).

²⁸ ДЛТ, т. I, стр. 295, 329, 330, 414; «Бобурнома» (далее — БН). Ташкент, 1960, стр. 98.

²⁹ В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. 1, стр. 111, 172.

³⁰ Б. Г. Гафуров. Таджики, стр. 75.

³¹ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, стр. 74, 260—267, 310.

³² «Книга Марко Поло». М., 1955, стр. 77, 270.

³³ Х. Ҳасанов. Ўрта Осиё жой номлари тарихидан. Ташкент, 1965, стр. 50.

³⁴ С. Қораев. Указ. раб., стр. 101.

это произошло позднее. О происхождении названия самого города Самарканда существуют различные противоречивые версии, нашедшие отражение в легендах.

В. А. Никонов считает, что «дотопонимическое значение может быть только одно. Если их много, значит, они неверны»³⁵. Это в какой-то мере касается и известных этимологий топонима *Самарканд*.

В книге Абу Тахир Ходжа Самарканди «Самария» (XIX в.)³⁶ приводятся различные сведения легендарного и полуполулегендарного характера из арабских и персидских исторических источников. Название *Самарканд* связывается с собственным именем *Самар (Шамар)*. В одних источниках это Еменский царь, в других — персидский или тюркский правитель. Одна из легенд утверждает, что *Канд* — название тюркского рода, а другая — что это имя девушки. Согласно легенде, приведенной в «Абдулла-наме»³⁷, сын Абраха сына Африкиса Абу Карб Самар Яруш хитростью завладел городом и разрушил его стены. По имени Самара город стали называть *Самар канд* (перс. *kand* 'разрушать, выкопать, раскопать').

Имя полумифического царя Емена *Самара (Шамара)*, завоевателя Мавераннахра, встречается в нескольких исторических (в основном арабских) источниках, однако связываемые с ним легендарные события не подтверждаются точными историческими данными. Поэтому нет достаточных оснований утверждать, что первая часть топонима *Самарканд* является именем собственным.

Можно допустить, что первоначальной формой первого компонента был *шамар*. Тогда логично было бы отождествить ее с географическим термином *шамар*, означающим «маленький пруд», «водоем»³⁸, «арык»³⁹. Древний Самарканд (Афрасиаб) возник возле арыка Сияб-Карасу. Вполне возможно, что укрепленное поселение стали называть *шамарканд*, то есть «селение возле арыка», «селение с арыком». Примечательно, что *самар, самара* в переводе с арабского означает «плод», «урожай». «ягода», что согласуется с плодородием земель вокруг Самарканда. Однако известно, что этот топоним существовал еще до эпохи арабских завоеваний.

Географическое название, кроме своего топонимического значения, может приобрести и новое, «от-топонимическое»⁴⁰ значение. Так, например, название *Сибирь* связано с представлением о суровом таежном крае, а *Кызыл-кум* — с представлением о бесконечных песчаных барханах. С понятием Самарканд связано «от-топонимическое», символическое представление о городе садов, древнем городе исторических памятников. Таким образом, топоним *Самар* и арабское *самара* — всего лишь омонимы.

Узбекский географ-топонимист Х. Хасанов предполагает, что первый компонент топонима *Мароканда* восходит к древнеперсидскому *хамара* (букв. 'сборище')⁴¹; в сочетании с *канд* топоним означает «место, где собирались люди». Если даже предположить, что *hā* в греческом произношении мог выпасть, то остается все-таки не ясным, каким образом на-

³⁵ В. А. Никонов. Введение в топонимику. М., 1965, стр. 62.

³⁶ Абу Тахир Ходжа. Самария (перевод В. Л. Вяткина). — «Справочная книжка Самаркандской области» (СКСО). Самарканд, 1898, вып. VI, стр. 153—162.

³⁷ Ҳофиз Таниш Мир Муҳаммад Бухарий. Абдуллонома (Шарафномаи Шоҳий), II жилд. Тошкент, 1969, стр. 239—240.

³⁸ «Персидско-русский словарь», т. II. М., 1970, стр. 114.

³⁹ «Абдуллонома», примечания, стр. 353.

⁴⁰ В. А. Никонов. Указ. раб., стр. 60.

⁴¹ Х. Хасанов. Указ. раб., стр. 50.

чальный *h* в местном произношении превратился в *s*. Быть может, *маро* — греческое слово?

Более достоверные, на наш взгляд, исторические источники связывают этимологию этого топонима с тюркской почвой. Выдающийся ученый XI в. А. Бируни в своей книге «Қонуни масъудий» писал, что Самарканд на тюркском языке — *Самизканд*. У Махмуда Кашгари: «кэнд *کند* — у огузов и на языке живущих близко к ним людей означает «селение, деревня (кишлак)», у многих тюрков, кроме того, и «округ, область (вилаят)». Из-за обширности территории, занимаемой Самаркандом, его называют *سمر کند* «толстый город» (*семиз шахар*); это слово персы употребляют в форме Самарканд *سمرقند* ... Весь Мавераннахр, земли от Янканда до Востока, считают тюркскими городами потому, что названия Самарканд, Семизкенд, Ташканд-Шаш... все по-тюркски. *Канд* — по-тюркски „город“ (шахар)»⁴². Подобное толкование можно найти и в книге историка Мирханда «Равзатус сафо»⁴³, и в «Бабур-намэ»⁴⁴, и в «Абдулла-намэ»⁴⁵.

Как уже отмечалось, слово *k'änd* употреблялось тюркоязычными народами с древних времен. Многие топонимы Средней Азии X—XI веков, образованные с помощью форманта *k'änd*, — тюркского происхождения, например: *Inčk'änd*, *Orduk'änd*, *Özk'änd*, *Taşk'änd*, *Jänk'änd* и др.⁴⁶ Вместе с тем «географы X в. при описании Туркестана приводят большое число названий, образованных с *k'et* и *k'ed*»⁴⁷, вне сомнения, имеющих согдийское (иранское) происхождение.

Иначе говоря, слово *k'äd*, *k'et* употреблялось согдийцами, а варианты его *k'änd*, *k'ent* — тюрками, причем сначала только в значении «город», а затем — «селение». Этого мнения придерживается и А. Л. Хромов. Изучая топонимию и диалектные особенности языка населения верховьев Зеравшана (Фальгар и Матча), он пришел к заключению, что «тсвенными на *-канд* относятся к тюркскому топонимическому слою»⁴⁸. А. Л. Хромов приводит замечание В. Ф. Минорского о том, что в топонимию Азербайджана и Закавказья согдийский по происхождению формант *канд* был, вероятно, привнесен тюрками-огузами⁴⁹. Следует думать, что через тюркское посредство *кэнд* проник в топонимию Ирана⁵⁰.

Интересно, что в китайских источниках название *Самарканд* не встречается до VI в. н. э. Кроме того, как пишет А. Н. Бернштам, «вызывает также сомнение, что уже в начале II в. Самарканд носил такое название»; и далее: «Согдийская транскрипция, согласно Рейхельду, точно передает имя «Самарканд» (*Sm'rkndh*), что скорей отвечает Самарканду VII в., а не II в.»⁵¹.

⁴² ДЛТ, т. I, стр. 330; т. III, стр. 164.

⁴³ С. Қораев. Указ. раб., стр. 101.

⁴⁴ «Бабур-намэ» (перевод М. Салье). Ташкент, 1958, стр. 59.

⁴⁵ «Абдуллонома», стр. 240.

⁴⁶ ДЛТ, индекс-лугат. Ташкент, 1967, стр. 398—400.

⁴⁷ В. В. Бартольд. Сочинения, т. I, стр. 173—187.

⁴⁸ А. Л. Хромов. Согдийская топонимия верховьев Зеравшана. — В сб.: «Топонимика Востока». Исследование и материалы. М., 1969, стр. 94.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ В. И. Савина. О типах словообразования топонимов Ирана. — В сб.: «Топонимика Востока». Новые исследования. М., 1964, стр. 169.

⁵¹ А. Н. Бернштам. Согдийская колонизация Семиречья. — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры». М.—Л., 1940, вып. VI, стр. 38.

Основываясь на сказанном выше, можно полагать, что в топониме *Самарканд* формант *канд* — тюркского происхождения, а *самар* восходит к тюркскому *semiz* букв. 'толстый, жирный', в переносном смысле — «богатый, обширный, большой (о городе)». Переход *z* в *r* объясняется известным фонетическим явлением «ротацизма».

Возможно, что согдийское *Смараканда* (по Б. Г. Гафурову) на тюркской почве превратилось в *Семизкенд* ($r > z$), а впоследствии произошло и переосмысление.

Таким образом, наиболее вероятными, на наш взгляд, этимологиями топонима *Самарканд* являются две следующие:

1) топоним образован в результате сочетания тюркских слов *semiz* и *k'änd* (*k'ent*), что означает «большой, богатый город»;

2) топоним образован в результате сочетания персидского гидрографического термина *šātäg* и *k'änd*, что означает «поселение возле арыка, канала» или «селение (город) с арыком».

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

С. А. СОКОЛОВ

ДВУХКОМПОНЕНТНЫЕ СВЕРХФРАЗОВЫЕ ЕДИНСТВА, ОДНОТИПНЫЕ СО СЛОЖНОСОЧИНЕННЫМИ И СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В турецком языке, особенно в произведениях художественной литературы, кроме обычных сложносочиненных и сложноподчиненных предложений союзного типа, употребляются синтаксические конструкции, однотипные с соответствующими сложными предложениями, но графически-пунктуационно оформленные как два самостоятельных, отдельных предложения, чему соответствует в случае фонации и иное просодическое оформление.

Сравнение сложных предложений, содержащих противительные и причинные союзы, с теми синтаксическими конструкциями, которые мы условно именуем «двухкомпонентными сверхфразовыми единствами», показывает, что при наличии интонационного и пунктуационного различий и выражения ими определенных смысловых оттенков, связанных со смысловой акцентуацией антиципирующего и результирующего элементов, сравниваемые синтаксические конструкции имеют чрезвычайно много общего как с точки зрения семантического содержания, так и с формально-синтаксической точки зрения (одинаковая синтаксическая схема построения). Можно также заключить, что смысловые и структурные связи компонентов сверхфразового единства, оформленных как отдельные предложения, являются более тесными, чем у двух обычных предложений, соседствующих в потоке речи. Если мы произнесем первое — антиципирующее предложение и опустим второе — результирующее, то у нас останется впечатление недоговоренности: второе предложение, произнесенное отдельно, без предваряющего антецедента, будет лишено определенного смысла.

Приведем для сравнения примеры:

а) сложносочиненные предложения с противительными союзами *şakat, ama, lâkin* и двухкомпонентные сверхфразовые единства с теми же союзами:

Kaşasının içindekileri kestirmek kolay değildi, şakat bir şeyler tasarladığı yine de belliydi (Burhan Arpad. Telefonda birisi).

‘Было нелегко определить, что у него было на уме, но было ясно, что у него были какие-то планы’.

Vücudum altında bacaklarımın büküldüğünü ve başımın fena halde döndüğünü hissederek, ona yaklaştım; şakat gözlerim bir şey görmüyordu ve ellerim beceriksiz, titrek pencerenin kenarını tutuyordu (Yakup Kadri Karaosmanoğlu. Bir Serencam).

‘Чувствуя, что у меня подкашиваются ноги и страшно кружится голова, я подошел к ней, но мои глаза ничего не видели и бессильные, дрожащие руки держались за подоконник’.

Ne halde olduğunu öğrenebilmesi için bu, lâzımdı. Fakat ihtiyar ve hastalıklı bir kaymakam mütekaiddi olan Arif Bey, gecenin heyecanlarından sonra her halde turşu gibi yatıyor olmalıydı (Reşat Nuri Güntekin. Değirmen).

‘Это было нужно, чтобы узнать, в каком он состоянии. Но старый и болезненный каймакам в отставке Ариф-бей после пережитых ночью треволнений, несомненно, лежал в изнеможении, как выжатый лимон’.

Nesrin elbette melek değildi, ama şimdi objektif olmanın âlemi yok (Haldun Taner. Piliç makinası).

‘Несрин, конечно, была не ангелом, но сейчас не до объективной оценки’.

Sebebini hiç anlıyamadım ama, teyzem kocası ile bir kavgaya tutuşttu (Aziz Nesin. Çamaşık günü) [энклиза союза *ama*].

‘Я совершенно не мог понять причину, но моя тетушка затеяла ссору со своим мужем’.

Kadın bu. Ayıplanamaz. Ama hak var, vicdan var (Haldun Taner. Salt insana yönelik).

‘Она женщина. Нельзя ее осуждать. Но существует справедливость, существует совесть’.

Kasketli, Ivan Ivanoviçe sopayı bir daha indirmek ister, lâkin Ivan Ivanoviç yattığı yerde kaybolur (Nâzım Hikmet. Ivan Ivanoviç var mıydı, yok müydü?).

‘Человек в кепке хочет еще раз опустить дубину на Ивана Ивановича, но Иван Иванович исчезает с того самого места, где лежал’.

İçinde kimler ve neler vardı, farkedemiyordum. Lâkin birkaç zamandır bu arabalara dair bende hâsıl olan bir tecessüs itiyadile bunu da tetkike koyuldum (Yakup Kadri Karaosmanoğlu. Bir Serencam).

‘Кто и что было внутри, я не мог различить. Но, привыкнув уже в течение некоторого времени проявлять интерес к этим повозкам, я начал внимательно следить за ней’.

б) сложноподчиненные предложения с причинными союзами *çünkü*, *zira* и двухкомпонентные сверхфразовые единства с теми же союзами:

Onu hepimiz severiz, çünkü o buna lâyıktır (Oya Kaynak. Türkçede bağlaçlar. Türk dili, sayı 209, 1969).

‘Мы все его очень любим, потому что он заслуживает этого’.

Tipiye tutulmaktan korkuyordu. Çünkü kar hemen yağmak üzere idi (Yakup Kadri Karaosmanoğlu. Baskın).

‘Он боялся быть застигнутым метелью. Потому что вот-вот должен был начаться снегопад’.

Hele Nur Babanın derğâhında bu âkibet derhal hissedilir, zira bu genç ve haval mürşit, diğer mürşitler gibi, ilâhiler, neyler, sazlarla gerilen sinirleri idare etmek kabiliyetinden mahrumdur ve onun riyaset ettiği sofralar,

ekseriya ya bir tekme ile devrilmek veya sesi fazla çıkan bir puse ile perişan olmak âkibetine mahkûmdur (Yakup Kadri Karaosmanoğlu. Nur Baba).

Такие последствия особенно чувствуются в обители Нур-Баба, потому что этот молодой и ветреный владыка лишен способности руководить людьми, нервы которых возбуждены пением псалмов, музыкой флейт и сазов, как это делают другие владыки, и столы, за которыми он председательствует, обычно, рано или поздно, подвергаются участи быть опрокинутыми ударом ноги, а компания бывает сконфужена слишком громким звуком поцелуя¹.

Müştak Bey — Alamam efendim, bunda bir yanlışlık var. Zira bana nikâh ettiğiniz kız değildir (Ibrahim Şinasi. Şair evlenmesi).

‘Муштак-бей — Я не могу взять [ее], Эфенди, здесь произошла ошибка. Так как это не та девушка, с которой вы меня обручили’.

Рассматривая употребление союзов *çünkü* и *zira*, А. Н. Кононов указывает на возможность двух типов паузации: «Подчинительные союзы *çünkü*, *zira* употребляются как после соединительной паузы (на письме — запятая), так и после разделительной паузы (на письме — точка), сближаясь во втором случае с союзным словом *mademki*»¹.

Однако разделительная пауза является также паузой конца предложения.

Аналогичные типы паузации (и пунктуации) наблюдаются при употреблении союза *tâki* (перс.) Ср. примеры, приводимые А. Н. Кононовым:

Açık söylüyorum tâki, herkes anlasın (Гъльб Д. Гъльбов. Турска граматика. София, 1949).

‘Я говорю ясно, чтобы было понятно всем’.

...yabancıнын çevrinden kaçıp geldim. Tâki, kendi kanından kendi candan bu küçük insan cemiyetinin içine karışayım... diye (Yakup Kadri Karaosmanoğlu. Yaban).

‘...я бежал [к ним] от несправедливости чужих людей. С тем, чтобы влиться в это небольшое общество людей, [родное] мне по крови, по душе»².

Сравнение сложных предложений с синтаксическими комплексами, состоящими из двух самостоятельно оформленных частей, построенных по такому же синтаксическому плану, с включением тех же союзов, что и соответствующие сложные предложения, позволяет сделать вывод, что вторые из сравниваемых синтаксических единиц не могут считаться (даже со ссылкой на своеобразие турецкой пунктуации) абсолютно тождественными сложным предложениям. С другой стороны, их части тяготеют друг к другу в семантическом отношении сильнее и взаимообусловлены синтаксически в большей степени, чем два обычных самостоятельных предложения, соседствующие в потоке речи. С нашей точки зрения, такие конструкции представляют собой синтаксические единицы особого порядка, которые условно можно называть «двухкомпонентными (союз-

¹ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, § 1091.

² См.: там же, § 1092.

ными) сверхфразовыми единствами». В таких двухкомпонентных «сверхфразовых единствах»³ (при внешней формальной изолированности) глубинные семантико-синтаксические связи теснее, чем у двух обычных самостоятельных, отдельных предложений, соседствующих в потоке речи.

В коммуникативном отношении такой синтаксический прием может быть объяснен стремлением сделать особый акцент на второй части конструкции. С этой целью после первой части делается более продолжительная пауза, которая подчеркивает, что «продолжение следует» и что это продолжение несет большую смысловую нагрузку.

Можно привести и другие примеры несоответствия пунктуации действительным семантико-синтаксическим отношениям в турецком языке. Это наблюдается, например, при выражении прямой речи, когда глагол речи в авторской ремарке пишется после точки с заглавной буквы⁴:

Kadın yavaşça: — İşte o gün olmaz mı diye düşünüyorum... Dedi kekeleyerek (Melih Cevdet Anday. Aylaklar).

‘Женщина, заикаясь, произнесла: «Я думаю, будет ли вот такой день...»’

Genç kız ağlıyarak: — Ne yapayım, seviyorum... Diye bar bar bağıryordu (Melih Cevdet Anday. Aylaklar).

‘Девушка плакала и громко кричала: «Что я могу поделать, я люблю [его]»’.

Esnaf da böylelerinin arkasından: — Babanın pašalığı para etmez, çalış da adam ol! Diye söyleniyordu (Melih Cevdet Anday. Aylaklar).

‘Мастер говорил вполголоса вслед таким людям: «Генеральское звание отца ничего не стоит, трудись и сам выходи в люди!»’.

Sonra hâlâ pencerenin yanında gülen Bediaya feci bir nazarla baktı: — Hain!

Dedi (Ömer Seyfettin. Antiseptik).

‘Он бросил трагический взгляд на Бедиа, которая все еще продолжала смеяться, стоя у окна. «Предательница!» — сказал он’.

Bedia birdenbire:

— Ah...

Diye haykırdı (Ömer Seyfettin. Antiseptik).

‘Бедиа внезапно вскрикнула: «Ах...!!!»’

— Ne yaptın, ne oldu?

Diyorlardı (Ömer Seyfettin. Antiseptik).

‘«Что ты сделала, что случилось?» — говорили они’.

Bedia:

— Hiç bir şey yapmadım. Bu şişedeki su kaçırды. Benim kabahatim yok. Cevabını verdi (Ömer Seyfettin. Antiseptik).

‘Бедиа ответила: «Я ничего не сделала. Его заставила бежать жидкость, что в этом флаконе. Я не виновата»’.

³ Термин «сверхфразовое единство» в ином приложении используется в кандидатской диссертации Н. И. Серковой «Сверхфразовое единство как функционально-речевая единица» (М., 1968).

⁴ См.: А. Н. Кононов. Указ. раб., § 1093, примеч. 1.

Вопрос об относительности пунктуационного знака «точка» как пограничного сигнала предложения в письменной речи ставился исследователями и других языков⁵.

В отдельных случаях вторые части двухкомпонентных синтаксических конструкций рассматриваемого типа могут оказаться даже вынесенными в начало следующего абзаца, чему трудно дать объяснение, если не считать индивидуальных особенностей языка автора:

Hilmi Efendi: «Bunların hepsi bir tarafa! Ya kadınsızlık! — diye sizlardı».

Maamañih iki aydanberi, meçhul bir kadın eli ona bir macera hazırlıyor gibiydi (Yakup Kadri Karaosmanoğlu. Baskın).

‘Хильми-бей сокрушался: «Все это [сводится] к одному! Ох, уж это отсутствие женщин!».

Однако вот уже два месяца неизвестная женская рука, казалось, готовила для него приключение’.

...bütün gözler size, şimdiye kadar susmuş, en sona kalmış, en sona kaldığı için de son hükmü verme tekelini âdeta kendiliğinden almış olana dönecektir.

Nitekim öyle olurdu (Haldun Taner. Salt insana yöneliş).

‘...все взоры обратятся к вам, которые до сих пор молчали, больше всех медлили и поэтому само собой приобрели исключительное право вынести последнее заключение.

Так оно и получалось’.

Наиболее типичными двухкомпонентными сверхфразовыми единствами в современном турецком литературном языке являются следующие:

а) двухкомпонентные сверхфразовые единства с противительными отношениями между вводящей и результирующей частями; в начале второй части (предложения) стоят союзы *fakat* (араб.), *ama — amma* (араб.), *lâkin* (араб.), *tamañih — maamañih* (араб.). Эти двухкомпонентные сверхфразовые единства построены по тому же синтаксическому плану, что и сложносочиненные предложения с противительными союзами:

Onun yalnız dumana ve ateşe ihtiyacı vardı. Fakat bir an geldi ki, bunaldığını hissetti ve hava almak ihtiyacile dışarıya çıktı (Yakup Kadri Karaosmanoğlu. Bir Serencam).

‘У него была потребность только в дыме и огне. Но наступил момент, когда он почувствовал, что ничего не соображает и, желая подышать свежим воздухом, вышел на улицу’.

Nişan günü koşke bütün aile efradı çağırılacaktı. Fakat bir gün evvel kuzen geldi (Ömer Seyfettin. Antiseptik).

‘В день обручения в дом должны были съехаться все члены семьи. Но за день до этого приехал двоюродный брат’.

«Başka» amacımızı özetliyor. Ama bizim moruk söyler, «Başka» diye Türkçede çingeneye derlermiş (Haldun Taner. Salt insana yöneliş).

⁵ См.: Л. Л. Иофик. Сложное предложение в новоанглийском языке. Л., 1968, стр. 207; см. также: Е. А. Реферовская. Синтаксис современного французского языка. Сложное предложение. Л., 1969, стр. 227.

‘Слово «иной» кратко выражает наши цели. Но наш «папаша» говорил, что так по-турецки называют цыган’.

Seni iyi okuttuğu anlaşılıyor, Alinin. Ama koru kendini.

‘Ясно, что Али тебя как следует проучил. Но смотри, проявляй осторожность’;

б) двухкомпонентные сверхфразовые единства с отношениями присоединения; в начале второй части (предложения) стоят союзы и союзные наречия: *nitekim*, *hattâ* (араб.), *zaten* (араб.), *yani* (араб.), *meğer* (перс.) и др.:

O her zaman böyle yapar, nitekim şimdi de bu işleri becerdi (А. С. Emre. Türk dilbilgisi, § 228).

‘Он всегда так делает, вот и сейчас он справился с этими делами’.

«Ve»siz yazı yazılabilir. Nitekim bu yazımda hesabıma bir tek «ve» yoktur (Refik Halid Karay. «Ve» israfını önlemeli — Ettore Rossi. Manuale di lingua turca, vol. II, стр. 141).

‘Можно писать и без «ve». Вот, например, в этой моей статье нет ни одного «ve», принадлежащего мне’.

Artık her taraftan barit abus cevaplar almağa başlamıştım. Hattâ birisi o kadar sinirlendi ki beni kolumdan tutup kahvenin çardağı altına götürdü ve dedi ki: Efendi, rica ederim, bu kadar telâşa lüzum yok (Yakup Kadri Karaosmanoğlu. Bir Serencam).

‘Я уже начал получать от всех холодные равнодушные ответы. А один человек даже так рассердился, что взял меня за руку, отвел под навес кофейни и сказал: «Эфенди, прошу вас, не волнуйтесь так»’.

Ataman işbirliği çağrularına böyle sabotajla karşılık veren Ankaralılara artık tilciklerinin yettiği kadar yüklendi. Hattâ Sungur bir «Salt İnsan Antolojisi» çıkarıp inadına onlardan kimseyi almamayı teklif etti (Haldun Taner. Salt insana yöneliş).

‘Атаман, не жалея подходящих выражений, обрушился на анкарцев, которые ответили саботажем на призывы о сотрудничестве. Даже Сунгур предложил при издании «Антологии абсолютного человека» назло не включать никого из них’.

Demindenberi Hanımefendi ile ne kadar hararetili, hattâ ne kadar sinirli bir tarzda konuştuğumuzun tabii farkına varmışsınızdır. Zaten o kadar gizli de konuşmuyorduk (Yakup Kadri Karaosmanoğlu. Nur Baba).

‘Вы, конечно, заметили, как взволнованно, даже нервно, мы разговаривали с госпожой. Собственно, мы и не скрывали, о чем шла речь’.

Kaç defa karar almış, kaç defa onar yıllık plânlar yapmışız ki, şu eğitim işlerimizi bir sonuçlandıralım. Yani okulsuz on yedi bin köyü okulsuzluktan, öğretmensiz okulları öğretmensizlikten kurtaralım... (Fakir Baykurt. Efkâr tepesi—Yangeldimcilik).

‘Сколько раз мы решали, сколько раз составляли десятилетние планы, чтобы привести к какому-то результату наши мероприятия по просвещению. То есть дать школы семнадцати тысячам деревень, которые их не имеют, дать учителей школам, которые их не имеют...’

Союз *yani* используется в некоторых случаях для «парцелляции»⁶ как простых предложений с однородными членами, так и сложных предложений:

Bu yüzde yüz gerçek bir olaydır. Hemen şu yaşadığımız günlerde olmuştur. Yani havalara yeni yeni sputnikler yeni yeni roketler attığımız günlerde (Fakir Baykurt. Efkâr tepesi—Cankurtaran).

‘Это полностью проверенный факт. Это произошло, можно сказать, в наше время. То есть в те дни, когда мы запускаем все новые и новые спутники и ракеты’.

Derinden derine «Niğâr, Niğâr, Niğâr!» diye iniyor ve tırnaklarile göğsünü yırtıyordu. Meğer bu ızdırabında ne kadar haklı imiş (Yakup Kadri Karaosmanoğlu. Nur Baba).

‘Он глухо произносил: «Нигяр! Нигяр! Нигяр!» и ногтями царапал себе грудь. Оказывается, его страдания были такими оправданными!’

в) двухкомпонентные сверхфразовые единства с причинно-следственными отношениями между антиципирующей и результирующей частями; в начале второй части (предложения) стоят союзы *çünkü* (перс.), *zira* (перс.). Такие двухкомпонентные сверхфразовые единства построены по тому же синтаксическому плану, что и сложноподчиненные предложения с причинными союзами:

Kompozitöre de koreografi yazdırması beklenebilirdi ama, yazdırmadı. Çünkü bekleneni, ilk akla geleni yapmamakla da ayrıca ün almıştı (Halidun Taner. Salt insana yönelik).

‘Можно было ожидать, что она заставит композитора написать балетную музыку, но не смогла этого сделать. Потому что он был особенно известен тем, что не делал ничего такого, что, прежде всего, приходило в голову и чего от него ждали’.

Вторые компоненты сверхфразовых единств могут начинаться с союзных речений с союзом *ki*: *şu var ki, şu kadar ki, öyle ki, kaldı ki, şu kadar var ki*, а также *oysa*:

Genç kadın şimdiye kadar hiç bu kadar şaikane bir ibadet sesi duymamıştı; öyle ki, onlar sustukları zaman faslın tekrarını rica etti (Yakup Kadri Karaosmanoğlu. Nur Baba).

‘Молодая женщина до сих пор никогда еще не слышала такого прочувствованного пения молитвы; так что попросила повторить эту часть, когда они смолкли’.

Bolu dağında karayolları ekipleri devamlı çalışmaktadır; ne var ki aradan yarım saat geçmeden kar yolu tekrar kapamaktadır (Oya Kaynak. Türkçede bağlaçlar).

‘В горах Болу все время работают команды дорожников; но через какие-нибудь полчаса снег снова нарушает движение по дороге’.

Utandı, şaşkın ve perişan kaldı. Öyle ki Nur Babanın yanına gidip de niyaz için yatağına doğru eğilirken nerede olduğunu, ne yaptığını bilmiyor,

⁶ О явлении синтаксической парцелляции см.: Г. Н. Рыбакова. О некоторых особенностях парцелляции одночленного сложноподчиненного предложения. — «Вопросы синтаксиса сложного предложения в школе и вузах». Тезисы конференции. Краснодар, 1966, стр. 74—77.

kulakları uğulduyor, kalbi, göğsünü kıracak bir şiddetle çarpıyordu (Yakup Kadri Karaosmanoğlu. Nur Baba).

‘Она смутилась и растерялась настолько, что, когда подошла к Нур-Баба и наклонилась над его кроватью для благословения, не понимала, где находится и что делает, в ушах у нее звенело, сердце стучало с такой силой, словно собиралось разорвать грудь’.

Şimdi hazırlanmıştır. Oysa sinemaya gidemeyeceğiz (Ояа Каупак. Türkçede bağlaçlar).

‘Он сейчас собрался (подготовился). Однако мы не сможем пойти в кино’.

Употребление союза *ve* в начале предложения, часто наблюдающееся как в «османском» языке, так и в современном турецком, в коммуникативно-синтаксическом отношении представляет собой явление того же порядка, что и рассмотренные выше случаи двухкомпонентных сверхфразовых единств. При этом собственно соединительная функция союза *ve* уступает здесь место присоединительной функции:

Hendek Adapazarı tarafında Düzceye mütemaildir. Ve bu usat Hendek'i yağma etmişlerdi ve ettikten sonra gitmişlerdi (Mustafa Kemal. Söylev ve demeçleri).

‘Хендек находится в районе Адапазары в сторону Дюздже. И мятежники разграбили Хендек и потом ушли’.

Kaval hakkında hadis vardır. Velâkin şimdilerde pek itibar gördüğü yoktur (Fakir Baykurt. Efkar tepesi—Bir eski kaval).

‘Существует предание о свирели. Но в наше время она не пользуется слишком большим почетом’.

Рассмотренные выше синтаксические конструкции еще раз — быть может, особенно наглядно — доказывают необходимость выходить иногда в синтаксических исследованиях, даже не ставящих целью изучение синтаксиса связного текста, за пределы предложения. В более же широком смысле это служит доказательством правомерности постановки вопроса о целесообразности «расширить рамки синтаксиса, введя в него новый раздел — синтаксис связного текста»⁷.

⁷ И. П. Севбо. Структура связного текста и автоматизация реферирования. М., 1969, стр. 5.

Ж. М. ГУЗЕЕВ

О СОСТАВЕ ФОНЕМ СОВРЕМЕННОГО КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Состав фонем современного карачаево-балкарского языка до сих пор еще окончательно не определен.

Согласно автору первой научной грамматики карачаево-балкарского языка У. Д. Алиеву, в карачаево-балкарском языке 8 гласных (*a, e, o, ö, u, ü, y, i*) и 25 согласных (*b, v, g, γ, d, ž, z, s, ž, j, k, q, l, m, n, η, p, r, t, ŷ, f, x, c, č, š*) фонем¹.

Последующие работы не внесли изменений в состав гласных фонем карачаево-балкарского языка, чего нельзя сказать о составе согласных.

В. И. Филоненко, в отличие от У. Д. Алиева, не включал в состав согласных фонем *v, ž, c, j, ŷ*².

Ш. Х. Акбаев выделил 26 согласных фонем: *b, p, g, k, γ, q, d, t, ž, č, z, s, ž, š, l, m, n, η, r, x, x', h, j, ŷ, f, c*³, в их числе три самостоятельные фонемы: *x, x', h*. Этому же мнению придерживаются М. А. Хабичев⁴, А. М. Байрамкулов⁵ и У. Б. Алиев⁶.

А. М. Аппаев, в отличие от всех других исследователей, включил в состав фонем карачаево-балкарского языка *š'*⁷.

В монографии, специально посвященной исследованию фонологической системы современного карачаево-балкарского языка, А. Ж. Будаев выделяет следующие согласные фонемы: *b, p, d, t, z, s, g, k, ž, č, ž, š, j, ŷ, γ, q, r, l, m, n, η, x, v, c, f*⁸.

У. Б. Алиев считает, что в карачаево-балкарском языке имеются 33 согласные фонемы, в том числе следующие семь самостоятельных мягких фонем: *l', n', ž', r', k', g', x'*⁹.

Таким образом, число согласных фонем в карачаево-балкарском языке по определению исследователей колеблется в пределах от 20 до 33.

¹ У. Д. Алиев. Карачаево-балкарская грамматика. Кисловодск, 1930, стр. 24—25.

² В. И. Филоненко. Грамматика балкарского языка. Нальчик, 1940, стр. 16.

³ Ш. Х. Акбаев. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка. Черкесск, 1963, стр. 65.

⁴ М. А. Хабичев. Карачаево-балкарский язык. — В кн.: «Языки народов СССР», т. II. Тюркские языки. М., 1966, стр. 214.

⁵ А. М. Байрамкулов. Къарачай тилни фонетикасы. — «Тюркологический сборник. Материалы по карачаево-балкарскому и ногойскому языкам». Черкесск, 1967, стр. 27.

⁶ У. Б. Алиев. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М., 1972, стр. 20.

⁷ См.: «Къарачай-малкъар тилни грамматикасы». Нальчик, 1966, стр. 31.

⁸ А. Ж. Будаев. Система фонем современного карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1968, стр. 90.

⁹ У. Б. Алиев. Указ. раб., стр. 20.

В тюркологической литературе имеется немало работ, авторы которых утверждают, что в связи с заимствованием большого количества слов из русского языка в фонологических системах языков тюркской группы появились заимствованные фонемы. Так, К. М. Мусаев, например, пишет: «За советский период в киргизском языке возникли новые фонемы *f, v, x, ž, c*, в казахском — *f, v, c, č, ž*»¹⁰.

Аналогичные утверждения относительно фонем *v, f, ž, c* содержатся в работах некоторых исследователей карачаево-балкарского языка, в частности А. М. Апшаева¹¹ и А. Ж. Будаева¹².

Другие ученые подходят к вопросу заимствования русских фонем более осторожно. М. А. Исаев¹³, А. И. Васильев¹⁴, например, считают, что одним из основных показателей заимствования фонем является обязательное наличие определенных противопоставлений в системе консонантизма или вокализма. С этим нельзя не согласиться.

Заслуживает внимания также следующее высказывание Е. М. Верещагина: «Критерием, на основании которого можно судить, заимствована фонема или нет, следует считать факт появления ее в речи монолингвов»¹⁵.

Остановимся в свете сказанного выше на фактах карачаево-балкарского языка. Например, такие заимствования из русского языка, как *vaɣɑn, suɣɑn, sɛmɛnt, žurnɑl* и т. д., употребляются без каких-либо фонетических изменений только теми карачаевцами и балкарцами, которые в совершенстве владеют русским литературным языком, то есть билингвами. В речи же карачаевцев и балкарцев, не владеющих или слабо владеющих русским языком, то есть монолингвов, вышеприведенные слова произносятся как: *baɣɑn, čuɣɑn, čɛmɛnt||sɛmɛnt, žurnɑl*¹⁶. В малкарском же диалекте карачаево-балкарского языка эти слова произносятся так же, как и в русском языке. Это объясняется тем, что в исходных словах данного диалекта фонемы *c, ž* имеются, например: *celek* 'ведро', *cydam* 'терпение', *žuburaŋ* 'суслик', *žeti* 'семь' и т. п. Эти же слова в литературном карачаево-балкарском языке, в котором отсутствуют фонемы *c, ž*, произносятся как *čelek, čydam, žuburaŋ, žeti*.

В связи с изложенным нельзя не признать справедливым следующее мнение Е. М. Верещагина: «В настоящее время русские фонемы, встречающиеся в речи говорящих на национальных языках народов СССР, вводятся только билингвами. В речи монолингвов они не употребляются. Поэтому их нельзя считать заимствованными»¹⁷.

Таким образом, следует признать, что в карачаево-балкарском литературном языке нет фонем, заимствованных из русского.

В свете рассматриваемой проблемы особого внимания, на наш взгляд, заслуживает согласный *f*. Существует мнение, что фонема *f*, как и *v, ž, c*, в карачаево-балкарский язык заимствована из русского и, упо-

¹⁰ См.: «Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху», т. II, М., 1969, стр. 20.

¹¹ См.: «Къарачай-малкъар тилни грамматикасы», стр. 31.

¹² А. Ж. Будаев. Указ. раб., стр. 90.

¹³ М. А. Исаев. Языковое строительство как один из важнейших экстралингвистических факторов развития языка. — В сб.: «Язык и общество». М., 1968, стр. 95.

¹⁴ А. И. Васильев. Имеются ли в тюркских языках фонемы, заимствованные из русского? — «Советская тюркология», 1971, № 6, стр. 98.

¹⁵ Е. М. Верещагин. О проблеме заимствования фонем. — В сб.: «Язык и общество», стр. 170.

¹⁶ А. Ж. Будаев. Указ. раб., стр. 87.

¹⁷ Е. М. Верещагин. Указ. раб., стр. 170.

требляясь только в русских словах, в живой речи карачаевцев и балкарцев заменяется фонемами родного языка *p* или *b*¹⁸.

Однако факты литературного языка свидетельствуют о том, что *f* употребляется и в исконных карачаево-балкарских словах, например: *küi* 'закрома', *uf* 'дуновение', *uik'üg-* 'дуть', *türiü* 'рашпиль', *xuylü* 'спешка', *fotku* 'опилки', *fulmu* 'мучная пыль', *ulykui* 'груз', *šerf* 'косо', *qulf* 'очерченный круг, отметина', *qufu* 'выступ на поверхности земли', *döžef* 'силач, борец' и др. К тому же такие арабские заимствования, как *xarf* 'буква', *zarf* 'печать', *defter* 'тетрадь', *syfat* 'образ', *fajda* 'польза', *k'ef* 'пьяный', *K'afug* 'инovereц', *faxmu* 'талант' и так далее, уже давно вошли в активную лексику карачаево-балкарского языка. В живой речи карачаевцев и балкарцев — и монолингвов, и билингвов — фонема *f* в приведенных словах не заменяется фонемами *p* или *b*.

Кроме того, следует добавить, что согласный *f* в карачаево-балкарском языке фонематически противопоставляется, наряду с другими согласными, и согласным *p* и *b*: *k'ef*—*k'el* 'приходи', *k'es-* 'резать', *k'eñ* 'широкий', *k'em* 'недостаток', *k'er* 'колодка'; *qufu*—*qugu* 'пустой', *qumu* 'его песок', *qulu* 'его раб', *qubul-* 'кокетничать'; *fatar*—*satar* 'продаст', *žatar* 'ляжет', *batar* 'утонет'.

На основании вышеизложенного звук *f* следует считать фонемой карачаево-балкарского литературного языка.

Как уже говорилось, отдельные исследователи выделяют в карачаево-балкарском языке мягкие согласные фонемы. Так, У. Б. Алиев утверждает, что, в отличие от других тюркских языков, в карачаево-балкарском согласные *l'*, *n'*, *ž'*, *r'*, *k'*, *g'*, *x'* «...являются палатализованными, как и в русском языке: *bil'amıq* 'мучная похлебка', *žil'amıq* 'слеза', *bel'ay* 'люлька', *g'ax'ınık'* 'первая зелень весной', *g'ux* 'грязь', *g'ıpaħ* 'грех', *g'ayır* 'инovereц', *k'amağ* 'женский пояс', *pek'ax* 'венчанье', *k'afug* 'инovereц', *K'amal*, *K'azım* и др.»¹⁹.

Общезвестно, что твердость или мягкость согласных в тюркских языках обусловлена законом сингармонизма. Поэтому палатализованность или непалатализованность согласных в карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, фонематического значения не имеет. Что касается примеров, приведенных У. Б. Алиевым, то в них согласные *l'*, *ž'*, *g'*, *k'*, *x'*, *r'*, *n'* фонематически не могут быть противопоставлены согласным *l*, *ž*, *g*, *k*, *x*, *r*, *n*, так как в карачаевском варианте языка слова *žil'an*, *bil'amıq*, *g'ux* и т. д., выражая те же понятия, произносятся с твердыми *ž*, *l*, *g*; ср.: *bil'amıq*||*bylamıq*, *žil'an*||*žulan*, *g'ux*||*guh*.

Выше уже упоминалось, что некоторые авторы (Ш. Х. Акбаев, М. А. Хабишев, У. Б. Алиев) считают *x'* и *h* самостоятельными фонемами карачаево-балкарского языка. Однако эти согласные не могут быть противопоставлены фонематически и выступают только как варианты фонемы *x*, причем звук *x'* употребляется в исконных словах карачаево-балкарского языка (*x'ajıux'* 'юла', *tuğx'uk* 'выступ, печной карниз', *tuğx'uk* 'репейник', *ıgħ'oduk* 'пепел; искра')²⁰ и в кабардино-черкес-

¹⁸ См.: Ш. Х. Акбаев. Указ. раб., стр. 65, 66, 100; А. Ж. Будаев. Указ. раб., стр. 126; «Малк'ар тили орфографиясы бла пунктуациясы». Нальчик, 1970, стр. 8; У. Б. Алиев. Указ. раб., стр. 20.

¹⁹ У. Б. Алиев. Указ. раб., стр. 19—20.

²⁰ Мы не можем согласиться с А. М. Байрамкуловым и А. Ж. Будаевым, утверждающими, что звук *x'* в карачаево-балкарском языке встречается только в кабардино-черкесских заимствованиях. (См.: А. М. Байрамкулов. Указ. раб., стр. 27; А. Ж. Будаев. Указ. раб., стр. 89).

ских заимствованиях (х'отух' 'ленивый', х'айх' 'печь'), а *h* — только в арабизмах (harip 'бедный', Dahir, Ibrahim)²¹.

Итак, карачаево-балкарский язык имеет следующий состав согласных фонем: *b, p, d, t, z, s, g, γ, k, q, ʒ, č, j, й, r, l, m, n, η, f, x, š*.

Как уже отмечалось, все исследователи сходятся на том, что число гласных фонем в карачаево-балкарском языке равно восьми: *a, e, o, ö, y, i, u, ü*.

Однако определение состава гласных фонем карачаево-балкарского языка, так же как и других тюркских языков, зависит от подхода к сущности сингармонизма.

В. А. Богородицкий²² и Н. С. Трубецкой²³, например, предложили по-разному оценивать состав гласных в корнях и аффиксах, считая, что первый определяется свободным, а второй — вынужденным законом сингармонизма.

Вслед за В. А. Богородицким и Н. С. Трубецким исследователи карачаево-балкарского языка также по-разному оценивают состав гласных в корнях и аффиксах. В частности, А. Ж. Будаев считает, что в карачаево-балкарском языке следует различать в корнях восемь, а в аффиксах две гласные фонемы²⁴.

А. А. Реформатский рассматривает сингармонизм тюркских языков как «фундаментальное структурно-типологическое явление, затрагивающее не только все уровни фонетического яруса структуры языка, но и ярус морфологический»²⁵. При этом в фонетическом ярусе структуры языка он выделяет три уровня:

- 1) подфонемный уровень (фонетический, вариативный);
- 2) фонемный (фонематический) уровень;
- 3) надфонемный (суперсегментный) уровень, то есть связанный не со свойствами самих фонем, а с различными накладками²⁶.

Исследуя сингармонизм тюркских языков по уровням, А. А. Реформатский регистрирует на подфонемном уровне в вокализме «классическую восьмерку гласных», а в консонантизме учитывает «твердую» и «мягкую» разновидности согласных по нёбному сингармонизму. На фонемном же уровне при наличии только нёбного сингармонизма (именно так дело обстоит в карачаево-балкарском языке) «количество единиц вокализма сокращается до четырех, так как передняя и задняя гласные попарно образуют одну фонему: *e, a=A; i, y=I; ö, o=O; ü, u=U*»²⁷.

Точка зрения А. А. Реформатского на сингармонизм тюркских языков нам кажется весьма убедительной, и, исходя из этого, можно заключить, что в современном карачаево-балкарском языке имеются четыре гласные фонемы *A, U, Y, O*, разновидностями которых соответственно являются пары: *a* и *e*, *u* и *ü*, *y* и *i*, *o* и *ö*.

Следовательно, карачаево-балкарские слова типа *bal* 'мед' — *bel* 'поясница', *tuz* 'соль' — *tüz* 'ровный, правильный', *tyš* 'вне' — *tiš* 'зуб', *soz* 'тащи' — *söz* 'слово' и т. д. различаются не гласными фонемами *a—e*, *u—ü*, *y—i*, *o—ö*, как это обычно считают, а твердой и мягкой суперсег-

²¹ Звуки *х'* и *h* в карачаево-балкарском алфавите обозначаются буквой *x*.

²² В. А. Богородицкий. Законы сингармонизма в тюркских языках. — «Вестник научного общества татароведения», 1927, № 6, стр. 65.

²³ Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 118.

²⁴ А. Ж. Будаев. Указ. раб., стр. 42.

²⁵ А. А. Реформатский. Иерархия фонологических единиц и явления сингармонизма. — В сб.: «Исследования по фонологии». М., 1966, стр. 198.

²⁶ Там же, стр. 189.

²⁷ Там же, стр. 196.

ментной накладкой. Более наглядно это можно проиллюстрировать, записав приведенные слова в виде *bal'*—*'bal*, *tuz*—*'tuz*, *tyš*—*'tyš*, *soz*—*'soz*, где (') — знак мягкости всего слова в целом, а отсутствие этого знака обозначает твердость.

На основании этих примеров нетрудно заключить, что в карачаево-балкарском языке не только твердые и мягкие согласные являются разновидностями одних и тех же фонем, но и передние и задние гласные — *a* — *e*, *u* — *ü*, *y* — *i*, *o* — *ö* также представляют собой разновидности фонем *a*, *u*, *y*, *o*.

Таким образом, как мы считаем, в современном карачаево-балкарском литературном языке имеется 26 фонем: 22 согласные (*b*, *p*, *d*, *t*, *z*, *s*, *ž*, *č*, *g*, *γ*, *k*, *q*, *j*, *й*, *š*, *r*, *l*, *m*, *n*, *η*, *x*, *f*) и 4 гласные (*a*, *o*, *y*, *u*).

В. Я. ПИНЕС

О ФОНЕМЕ /k/ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос появления в тюркских языках новых фонем в связи с заимствованием слов из русского языка вряд ли можно считать окончательно решенным.

Длительный контакт русского и тюркских языков народов СССР, развитие двуязычия обусловили возникновение в речи носителей тюркских языков определенных отклонений от нормы, называемых интерференцией¹. Однако, как известно, разные структурные уровни языка подвержены контактными изменениям в различной степени. И если лексика сравнительно легко проницаема для явлений языковой интерференции, то фонологическая структура языка в этом отношении значительно более закрыта. Поэтому, «прежде чем признать те или иные фонемы заимствованными, необходимо провести кропотливую исследовательскую работу в каждом данном языке, учитывая многие конкретные факторы, включая особенности звукового состава данного языка и степень владения его носителем русским языком»². Тем не менее получили распространение довольно категоричные утверждения, что в связи с русскими лексическими заимствованиями в тюркских языках появились и новые фонемы.

Так, например, считается, что в азербайджанском языке функционирует фонема /k/ — «задняяязычная глухая смычная, употребляющаяся только перед гласным заднего ряда. Эта новая для азербайджанского языка фонема встречается лишь в заимствованиях из русского или через русский язык»³. В подтверждение этого обычно приводятся такие слова, как *komsomol*, *konsert*, *konflikt*, *kollektiv*, *bulka*, *majka* и др.

Однако, как нам кажется, к утверждениям о якобы действительном существовании в азербайджанском языке фонологически самостоятельной единицы — фонемы /k/ приводит лишь желание установить норму произношения заимствованных слов в соответствии с правилами русской орфоэпии⁴.

¹ См.: U. Weinreich. Languages in contact. New York, 1957, стр. 5.

² А. Т. Базиев, М. И. Исаев. Язык и нация. М., 1963, стр. 141; см. также: А. И. Васильев. Имеются ли в тюркских языках фонемы, заимствованные из русского? — «Советская тюркология», 1971, № 6, где дан краткий обзор некоторых точек зрения по данному вопросу.

³ «Грамматика азербайджанского языка». Баку, 1971, стр. 21—22; см. также: А. К. Алекперов. Фонематическая система современного азербайджанского языка. Баку, 1971, стр. 88.

⁴ См.: М. Ш. Ширәлијев. Азәрбајҹан дили орфоэпијасынын әсаслары. Баку, 1970, стр. 11.

В большинстве случаев заимствующий иностранные слова произносит их с заменой некоторых чуждых ему артикуляционных особенностей в соответствии с речевыми навыками своего родного языка. Это явление, называемое фонетической субституцией, особенно широко распространено в речи тех, кто мало знаком с фонетической системой иностранного языка. Причем иноязычные звуки заменяются наиболее близкими им по артикуляции звуками родного языка⁵.

Если же «заимствующий народ более или менее знаком с тем языком, из которого производится заимствование, или если заимствованные слова достаточно многочисленны, тогда чужие звуки, не похожие ни на одну из фонем заимствующего языка, могут сохраниться в более или менее точной передаче, нарушающей фонетическую систему данного языка. При этом возникает много территориальных и социальных различий (разрядка наша. — В. П.)»⁶.

Именно это последнее обстоятельство обычно не учитывается при оценке фонематического статуса заимствуемых звуков, что, в частности, относится и к звуку [k] в азербайджанском языке.

А. К. Алекперов отмечает, что звук [k] никогда не был чужеродным для азербайджанского языка. Например, в словах *sagga* 'борода', *togga* 'пояс', *hogga* 'афера' и других первый из удвоенных согласных произносится как [k]. «Благодаря заимствованиям из русского языка, — делает вывод А. К. Алекперов, — азербайджанский консонантизм активизировал корреляцию заднеязычных смычных (в особенности это относится к начальной позиции)»⁷.

Безусловно, артикуляционный уклад носителя азербайджанского языка вполне приспособлен для произнесения [k], но самостоятельной единицей фонологической системы азербайджанского языка данный звук в настоящее время не является. Исключив русские заимствования, мы не сможем найти в азербайджанском языке для [k] ни одной минимальной пары, в которой этот звук выступил бы в качестве смыслоразличительного элемента.

Что же касается самих заимствований, то в связи с тем, что артикуляция [k] все-таки в целом непривычна для носителей азербайджанского языка, наблюдается довольно устойчивая субституция звука [k] на [g] или [k']. Противопоставления же [k — g] и [k — k'] релевантны лишь для билингвов-интеллигентов, достаточно хорошо владеющих русским языком. Для большинства же носителей азербайджанского языка, умеющих лишь объясняться по-русски, эти противопоставления практически не существенны.

Только у билингвов, уровень образования которых достаточно высок, можно наблюдать произнесение заимствованных слов по русским орфоэпическим правилам, что является отличительной чертой так называемой «интеллигентской» фонетики.

Е. Д. Поливанов, например, описывая фонетическую систему языка русской интеллигенции, отмечает в качестве ее характерных черт:

1) наличие третьей фонемы *l* (помимо твердого и мягкого *l*) — *l* «среднее» так называемого западноевропейского типа. В русском «интеллигентском» словаре данный звук встречается в ряде иностранных заимствований;

⁵ См.: М. Блумфилд. Язык. М., 1968, стр. 489.

⁶ Там же, стр. 490.

⁷ А. К. Алекперов. Указ. раб., стр. 88.

2) наличие гласного звука, характерного для французских слов типа *boeuf*, *coeur* и т. д., произносящегося, например, в слове «блеф»;

3) наличие звука типа французского *u* (*lune*) или немецкого *ü* (*Tür*)⁸.

Происхождение указанных черт «интеллигентской фонетики» объясняется, понятно, влиянием иностранных (западноевропейских) языков, знакомство с которыми (как и употребление большинства по крайней мере „иностраннных“ слов) было специфической привилегией интеллигенции⁹. Таким образом возникли фонетические признаки данного «социально-группового диалекта».

Точно так же ряд фонетических признаков, обусловленных главным образом социальными факторами, составляет отличительную черту «диалекта» билингов, причем эти признаки в большинстве случаев чужды речевым навыкам подавляющей массы носителей азербайджанского языка — монолингвов¹⁰.

Наблюдения над языковым мышлением некоторых носителей азербайджанского языка — билингов показали, что произношение ряда заимствованных слов с [k] усвоено ими именно из письменного языка, то есть находится в зависимости от уровня образования.

Мы далеки от мысли, что в качестве нормы произношения в заимствованных словах необходимо установить, например, замену [k] → [g]. Однако вряд ли эти звуки можно рассматривать как реализации различных фонем. В настоящее время это, скорее всего, факультативные варианты одной фонемы ([g]), а по отношению к языковой норме — индивидуальные, социально обусловленные варианты; субституция же [k] → [g] не препятствует опознанию слова.

Что касается существования минимальных пар (квазиомонимов), которые обычно рассматриваются как доказательство фонологической значимости звука [k]¹¹, то в данном случае нельзя не признать справедливым следующее высказывание Л. Р. Зиндера: «...функция фонемы заключается не в том, чтобы различать слова или словоформы (хотя потенциально фонема такой способностью обладает), а в том, чтобы опознать эти единицы»¹². И, как было отмечено выше, замена [k] → [g] не является помехой в опознании соответствующих словоформ.

⁸ Е. Д. Поливанов. Фонетика интеллигентского языка. — В кн.: Е. Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию. М., 1968, стр. 232—234.

⁹ Там же, стр. 233.

¹⁰ Многие особенности фонетической системы языка, связанные с появлением в нем иноязычной лексики, не подвергшейся фонологической адаптации, позволяют говорить о «сосуществовании фонологических систем», одна из которых — обычная, а другая (хотя и может быть весьма фрагментарной) — охватывает заимствованные слова. Методология подобного описания изложена в работе: С. С. Fries and K. L. Pike. Coexistent phonemic systems. — «Language», vol. XXV, 1949, № 1.

С этой точки зрения изучались фонологические системы целого ряда языков, в частности русского. См.: Н. Куцера. Inquiry into coexistent phonemic systems in Slavic languages. — «American contributions to the Forth International Congress of slavists». 'S-Gravenhage, 1958. Автор последней работы отмечает, что такая точка зрения «облегчает задачу исчерпывающего фонологического анализа языка и помогает исключить из фонологического описания несообразности и обеспечить его полноту» (стр. 20).

¹¹ Кстати, помимо указанных А. А. Ахундовым трех минимальных пар, противопоставляющих [k] и [g] (см.: А. А. Ахундов. Азербайжан дилинин фонемлар системи. Баку, 1973, стр. 253), можно отметить и другие квазиомонимы: *kağr* 'кап' — *gağr* (3-е лицо ед. числа императива от глагола *gağr* 'хватать, схватить'), *kurs* 'курс' — *gurs* 'плотный, массивный', *jakut* 'якут' — *jağut* 'яхонт', 'рубин', 'сапфир', *kran* 'кран' — *gkan* 'мера веса'.

¹² Л. Р. Зиндер. О «минимальных парах». — В кн.: «Язык и человек». М., 1970, стр. 109.

Наличие небольшого числа омонимов ни в коей мере не препятствует коммуникации. Если же фонемное противопоставление /k/ — /g/ рассматривать как средство исключения омонимии, то с таким же успехом можно было бы ввести в азербайджанский язык фонему /c/ для различения омоформ типа *siḡk'ä* 'в цирк' — *siḡk'ä* 'уксус'.

Последний пример, кстати, наглядно иллюстрирует существующие в системе азербайджанской орфоэпии противоречия. С одной стороны, признается закономерной и оправданной субституция чуждого звука [c] → [s], с другой — предписывается конечное [k] в слове *siḡk* 'цирк' произносить без палатализации (так же, как и в слове *siḡk* 'цинк'), тем самым нарушая и сингармонизм. Правда, практическое произношение не следует указанным рекомендациям, и слово *siḡk* в дательном падеже произносится как *siḡk'ä*¹³.

Следует отметить, что само выражение «заимствование фонем» вряд ли можно считать корректным с точки зрения фонологии, поскольку в нем отождествляются понятия звука и фонемы.

С заимствованием иноязычной лексики в речи носителей заимствующего языка может использоваться¹⁴ новый звук, то есть не свойственная этому языку совокупность артикуляционно-акустических признаков, а не фонема — единица, имеющая функциональную значимость только в строго определенной фонетической системе, характеризующей исключительно данный язык.

Решение же вопроса, возникла ли при этом новая фонема или указанный звук следует квалифицировать лишь как признак фонетики коллектива билингов, «требует обсуждения на высокой теоретической базе с привлечением широкого фактического и статистического материала, точного и хорошо проверенного»¹⁵.

¹³ В речи билингов часто, однако, наблюдается колебание [s] → [c(ts)].

¹⁴ Термин «использование» предлагает ввести в теорию языковых контактов Е. М. Верещагин (см.: Е. М. Верещагин. О проблеме заимствования фонем. — В кн.: «Язык и общество». М., 1968, стр. 167—168).

¹⁵ Н. А. Баскаков. Письмо в редакцию. — «Советская тюркология», 1972, № 3, стр. 138.

Ф. Р. ЗЕЙНАЛОВ

О НЕОБХОДИМОСТИ СОЗДАНИЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО СЛОВАРЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Как известно, языки тюркской группы объединяет общность грамматического строя, основного словарного состава, фонетической системы и т. д.

В ходе исторического развития отдельные тюркские языки обособились в самостоятельные литературные языки. Обособление прежде всего отразилось на лексическом составе языков. Словарный состав каждого из тюркских языков в результате развития литературы, искусства, науки и т. п., особенно интенсивного после Великой Октябрьской социалистической революции, непрерывно пополнялся новыми понятиями и терминами, как созданными на базе собственного языка, так и заимствованными. Благодаря этому процессу стало возможным издание на отдельных тюркских языках художественной (оригинальной и переводной), общественно-политической и научной литературы по самым различным отраслям знания. В связи с тем, что указанный процесс в каждом из тюркских языков развивался в значительной степени самостоятельно и независимо от других родственных языков, новое лексическое и терминологическое пополнение словаря в каждом случае приобрело свои специфические особенности, приведшие в конечном итоге к обособлению этого пласта лексики.

В результате, несмотря на общность словарного состава языков тюркской системы и ряд других объединяющих их особенностей и черт, восприятие издающейся на том или ином тюркском языке литературы, особенно научной, затруднено для представителей других тюркоязычных народов. А это в известной мере осложняет научные контакты между представителями одной профессии и не способствует успешному развитию отдельных отраслей науки.

Все это в полной мере и прежде всего относится и к области лингвистики.

Известно, что исследование специфики того или иного современного языка невозможно без изучения его связей с родственными языками. Грамматический строй тюркских языков, например, следует изучать комплексно, а результаты научных поисков должны стать достоянием широкого круга ученых.

К сожалению, исследования, выполненные на материале того или иного тюркского языка, в силу указанных причин имеют лишь локальное значение и остаются недоступными научной общественности.

Причина этого заключается, с одной стороны, в отсутствии реферативного журнала, с другой — в отсутствии общего словаря лингвистических терминов. Поскольку образование терминов, в том числе и лингвистических, не производится искусственно, а подчинено соответствующим закономерностям, то было бы вполне естественным, если бы в родственных языках они были бы общими и выражали одни и те же понятия, хотя бы для каждой из групп: огузской, кыпчакской, карлукской и др.

Известно также, что лингвистические термины создаются как на базе лексики самих тюркских языков, так и на основе заимствованной русской и интернациональной лексики. Возникает вопрос: почему термины, образованные первым, да и вторым путем, должны в различных тюркских языках резко отличаться друг от друга?

В современных тюркских языках зачастую для обозначения идентичных лингвистических понятий употребляются совершенно различные термины.

Например, «именительный падеж» передается так: *адлыг хал* (азерб.), *темел хал* (гаг.), *атау септик* (каз.), *баш болуш* (карач.-балк.), *баш падеж* (кум.), *баш килеш* (тат.), *адаарыннын падежи* (тув.) *баш дүшүм* (туркм.), *yalın dirim*, *yalın hal*, *mücerret hal* (тур.), *бош келишик* (узб.), *баш келиш* (уйг.), *атооч жөдөмөсү* (кирг.) и т. д.

Термин «гласный звук» в различных языках также звучит по-разному: *саит сәс* (азерб.), *вокал сес* (гаг.), *дауысты дыбыстар* (каз.), *ачыкь тауш* (карач.-балк.), *созукь авазлар* (кум.), *сузыклар* (тат.), *ажык үн* (тув.), *чекимли сес* (туркм.), *унли* (узб.), *ünlü*, *saıt* (тур.), и т. д.

В современном турецком языке наряду с традиционными терминами употребляются и неологизмы. Например: *ad*, *adil*, *belirteç*, *eylem*, *ükleme*, *anlatım*, *dirim* и т. д.

В современных тюркских языках огузской группы в основном совпадают только названия всех знаменательных и отчасти служебных частей речи.

Термины с интернациональной основой (типа азерб. *адјектив*, *аморф*, *ассимилјасија*, *атрибут*, *биолингвистика*, *диалог*, *лексика*, *табу*, *субстантив*, *топонимика*, *семантика* и т. д.) также образуются не единообразно.

Несмотря на все сказанное выше, мы не ставим вопроса об унификации лингвистических терминов в тюркских языках, ибо осуществление этого связано с весьма большими трудностями. Наша задача значительно скромнее: по возможности облегчить пользование тюркологами лингвистической (да и литературоведческой) литературой на отдельных тюркских языках. Для этого, на наш взгляд, следует создать сравнительный словарь лингвистических терминов тюркских языков.

Прежде всего необходимо составить словник наиболее употребительных русских терминов. Соответствующие термины на тюркских языках расположить вслед за русским в алфавитном порядке не терминов, а названий языков, например: азерб., башк., каз. и т. д.

На основе такого словаря с заглавными русскими терминами можно будет в дальнейшем подготовить и издать для каждого из тюркских языков сравнительный словарь лингвистических терминов с заглавными словами на данном языке.

Для облегчения пользования словарями их можно снабдить соответствующими индексами.

Приведем несколько примеров статей предлагаемого нами словаря:

Существительное *исим* (азерб.), *исим* (гаг.), *затесім* (каз.), *ат* (кар.), *эататооч* (кирг.), *существительное, ат сёз* (кум.), *исем* (тат.), *чуже ады* (тув.), *ат* (туркм.), *isim, ad* (тур.), *от* (узб.), *исим* (уйг.).

Прилагательное *сифат* (азерб.), *аламетчи* (гаг.), *сын есім* (каз.), *сыфат* (кар.), *сын атооч* (кирг.), *прилагательное, сыпатлав сёз* (кум.), *сыйфат* (тат.), *демдек ады* (тув.), *сыпат* (туркм.), *sifat* (тур.), *сифат* (узб.), *сүпәт* (уйг.).

Числительное *сај* (азерб.), *сайылык* (гаг.), *сан есім* (каз.), *санау* (кар.) *сан атооч* (кирг.), *числительное, санав сёз* (кум.), *сан* (тат.), *сан* (тув.), *сан* (туркм.), *sayı adi, ist-i adet* (тур.), *сон* (узб.), *сан* (уйг.).

Местоимение *эвэзлик* (азерб.), *адерлик* (гаг.), *есімдик* (каз.), *ал-машлар* (кар.), *ататооч* (кирг.), *местоимение* (кум.), *алмашлык* (тат.), *ат орну* (тув.), *чалышма* (туркм.), *adil, zatir* (тур.), *олмош* (узб.), *ал-маш* (уйг.).

Глагол *фе'л* (азерб.), *ишлик* (гаг.), *етістік* (каз.), *этим* (кар.), *этиш* (кирг.), *глагол* (кум.), *фигыль* (тат.), *глагол, кылык сөзү* (тув.), *ишлек* (туркм.), *fiil, eylet, yüklet* (тур.), *феъл* (узб.), *пеил* (уйг.).

Наречие *зэрф* (азерб.), *ишалемет* (гаг.), *үстеу* (каз.), *сёзлеу* (кар.), *тактооч* (кирг.), *наречие* (кум.), *рәвеш* (тат.), *наречие* (тув.), *халлар* (туркм.), *zarf, belirteç* (тур.), *равиш* (узб.), *рэвиш* (уйг.).

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

В. Д. АРАКИН

Н. К. ДМИТРИЕВ И ЕГО ВКЛАД В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ТЮРКОЛОГИЮ

(К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Конец XIX и начало XX в. ознаменовались выдающимися открытиями и успехами в области тюркологии: обнаружение Н. М. Ядринцевым в 1889 г. в урочище Кошо Цайдам в Монголии (в 400 км к западу от Улан-Батора) каменных стел с древнетюркскими руническими письменами, гениальная расшифровка их В. Томсенем и В. В. Радловым, исследование языка памятника в честь Кюль-Тегина П. М. Мелиоранским, открытие памятника в честь Тоньюкука, сделанное Е. Н. Клеменц, в честь Кули-чура — Л. В. Котвичем, обнаружение и прочтение многочисленных уйгурских рукописей и т. д. Все это, естественно, отвлекало внимание тогда еще немногочисленных тюркологов от теоретического и практического изучения современных тюркских языков.

Именно в этот период начал свою исследовательскую деятельность Николай Константинович Дмитриев, получивший отличную общелингвистическую подготовку на историко-филологическом факультете Московского университета, где ему посчастливилось в 1916—1920 гг. слушать лекции ближайших учеников академика Ф. Ф. Фортунатова, сыгравшего, как известно, значительную роль в развитии сравнительно-исторического метода. Здесь же он, помимо классических языков, изучил болгарский и сербский. Однако Восток, интерес к которому возбудил в нем отец, бывавший в странах Ближнего Востока, манил к себе воображение молодого филолога. И еще до окончания университета Н. К. Дмитриев приступает к изучению турецкого, персидского и арабского языков в Московском Лазаревском институте восточных языков, впоследствии Московском институте востоковедения, студентом которого он являлся с 1918 по 1922 г. За это время Н. К. Дмитриев приобрел основные знания также в области азербайджанского, татарского и

башкирского языков, занимаясь ими сверх программы. Таким образом, к моменту окончания двух высших учебных заведений славист и тюрколог Н. К. Дмитриев владел всеми основными индоевропейскими языками и тюркскими языками огузской и кыпчакской групп.

Эти обширные познания, совершенное владение научной методологией фортуновской школы и исключительное трудолюбие позволили ученому занять впоследствии выдающееся место в тюркологии.

Н. К. Дмитриев очень рано определил круг своих научных интересов, в который, по его собственному свидетельству, входили: 1) сравнительная грамматика тюркских языков; 2) изучение современных тюркских языков Кавказа, Крыма, Поволжья и Приуралья; 3) проблемы *Turco-Slavica*; 4) фольклор тюркских народов.

Уже один перечень этих проблем свидетельствует о широте диапазона тюркологических исследований Н. К. Дмитриева.

Однако тюркология того времени, хотя и обогащенная блестящими открытиями и исследованиями, не располагала еще всем необходимым для создания фундаментальных трудов по сравнительной грамматике тюркских языков. Правда, в XIX и в начале XX в. появился ряд описательных грамматик по отдельным тюркским языкам — азербайджанскому¹, татарскому², якутскому³, алтайскому⁴, казахскому⁵, чувашскому⁶, турецкому⁷, однако работы эти были созданы в разное время и отражали влияние различных лингвистических школ и направлений. Единственным фундаментальным трудом, в котором была сделана попытка использовать при изучении языка материал и других тюркских языков, правда, без особой научной методологии, было исследование Н. Ф. Катанова по урянхайскому (тувинскому) языку⁸. Другим крупным недостатком грамматических трудов того времени было навязывание тюркским языкам при описании их морфологической структуры грамматической схемы, свойственной индоевропейским языкам.

Другим недостатком этих работ было почти полное отсутствие в них раздела о синтаксисе, что, впрочем, являлось характерным для большей части трудов младограмматического направления.

Н. К. Дмитриев, прошедший отличную языковедческую школу у учеников акад. Ф. Ф. Фортунатова — проф. В. К. Поржезинского — по сравнительному языковедению и акад. А. А. Шахматова — по русскому языку, отлично понимал сложившуюся в то время в тюркологии обстановку. Он видел, что даже в описании таких относительно изученных языков, как турецкий, имеется немало неясных мест. Он понимал, что «подготовительным этапом к созданию сравнительно-исторической грамматики тюркских языков должна послужить сравнительно-описательная грамматика современных тюркских языков, ориентированная на то, чтобы исследовать внутренние законы развития языков этой груп-

¹ М. А. Казем-Бек. Грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1839.

² М. И. Иванов. Татарская грамматика. Казань, 1842.

³ O. Böhtlingk. Über die Sprache der Jakuten. SPb., 1851.

⁴ «Грамматика алтайского языка. Составлена членами Алтайской миссии». Казань, 1869.

⁵ П. М. Мелиоранский. Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. I. Фонетика и этимология. СПб., 1894; ч. II. Синтаксис. СПб., 1897.

⁶ Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898; его же. Опыт исследования чувашского синтаксиса, ч. I. Казань, 1903; ч. II. Симбирск, 1923.

⁷ Лучшая из существовавших тогда грамматик: J. Dény. Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli). Paris, 1920.

⁸ Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903.

пы, проявляющиеся в их фонетике, грамматическом строе и словарном составе»⁹. Как специалист по турецкому языку, Н. К. Дмитриев, естественно, обратился к исследованию строя этого языка. Вскоре он понял, что схема турецкой грамматики нуждается в перестройке. Свои взгляды он последовательно излагал в лекциях студентам турецкого отделения Ленинградского института живых восточных языков, Ленинградского и Московского университетов, а также слушателям курсов переводчиков.

Важнейшим научным трудом ученого, как бы подводящим итог целому этапу в проводившихся им грамматических исследованиях, явилась небольшая по объему, но исключительно ценная по своему содержанию книга «Строй турецкого языка»¹⁰, по достоинству оцененная тюркологами¹¹.

Для того чтобы разработать свою оригинальную грамматическую концепцию, Н. К. Дмитриев должен был предварительно исследовать ряд неясных вопросов турецкой грамматики. Известно, что в турецком, впрочем, так же, как и в других тюркских языках, пространственные отношения выражаются, во-первых, так называемыми пространственными падежами, во-вторых, с помощью особой группы существительных (*üst* 'верх', *alt* 'низ', *iç* 'нутро' и т. д.), например: *odanın içinde* 'в комнате'. В грамматиках крупнейших знатоков турецкого языка Ж. Дени, А. Н. Самойловича, В. А. Гордлевского рассматриваемая группа имен с особым значением и функционированием хотя и упоминается, но место ее в системе языка не определяется. Н. К. Дмитриев выделил эти имена в особую группу, дав им название «служебных имен», и предложил рассматривать их как особую часть речи¹². Эта трактовка стала впоследствии общепринятой¹³.

Н. К. Дмитриев исследовал также соотношение указательных местоимений в турецком языке¹⁴. В грамматиках того времени трехчленный турецкий ряд указательных местоимений рассматривался на основе топографического признака, то есть *bu* 'этот', *o* 'тот' и *şu* 'вон тот'. Н. К. Дмитриев установил два двучленных ряда — пространственный: *bu* 'этот', *o* 'тот' и развившийся из него временной: *bu* 'этот', *şu* 'этот', 'нижеследующий'. Разрешение этой проблемы позволило по-новому подойти и к третьему вопросу — определению наречий места в турецком языке. Н. К. Дмитриев показал, что в тюркских языках существуют два типа наречий места¹⁵. Первый тип — это наречия места, восходящие к указательным местоимениям с промежуточной стадией, представленной только в турецком, азербайджанском и отчасти гагаузском язы-

⁹ «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков». Под общей редакцией члена-корреспондента АН СССР Н. К. Дмитриева, ч. I. Фонетика. М., 1955, стр. 7.

¹⁰ Н. К. Дмитриев. Строй турецкого языка. Л., 1939, 60 стр. Переиздана в 1960 г. Издательством восточной литературы: Н. К. Дмитриев. Турецкий язык. М., 1960.

¹¹ См. рец. А. Н. Кононова (сб. «Светское языковедение». М. — Л., 1941, стр. 209—301) и В. А. Гордлевского («Избранные сочинения», т. IV. М., 1968, стр. 356—357).

¹² Н. К. Дмитриев. Служебные имена в турецком языке. — В сб.: «Советское языковедение», 1937, III, стр. 129—145. Перепечатана в кн.: Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 114—132.

¹³ См., например: «Грамматика туркменского языка», ч. I. Фонетика и морфология. Под ред. Н. А. Баскакова, М. Я. Хамзаева и Б. Чарыярова. Ашхабад, 1970, стр. 422—434.

¹⁴ Н. К. Дмитриев. Указательные местоимения в османском языке. — «Доклады АН СССР», серия В, 1926, № 1, стр. 97—99. Перепечатана в кн.: Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков, стр. 19—22.

¹⁵ Н. К. Дмитриев. Наречия места в турецком языке. — В сб.: «Памяти академика Л. В. Щербы (1880—1944)». Л., 1951, стр. 152—164. Перепечатана в кн.: Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков, стр. 27—42.

ках: *bu-ra*, *şu-ra* и *o-ra*, где *-ra* восходит к служебному имени *ara* 'промежуток'; к ним прибавлялись аффиксы падежей, аффикс *-ca*, аффиксы принадлежности. Другой тип представлен в остальных тюркских языках окаменелыми формами пространственных падежей указательных местоимений. Однако, по свидетельству Ф. Д. Ашнина, Н. К. Дмитриев не считал этот вопрос окончательно разрешенным, что подтверждается и его докладом на Совещании по вопросам описательной грамматики, лексикографии и диалектологии в Институте языкознания Академии наук СССР в мае 1953 г. «Спорные вопросы описательных грамматик тюркских языков»¹⁶.

К вопросам, разрешенным Н. К. Дмитриевым, следует отнести определение значения и места формы на *-miş* в системе турецкого глагола. По этому вопросу среди тюркологов не было единого мнения. Н. К. Дмитриев установил наличие в турецком языке двух форм на *-miş*: одна форма встречается еще в орхонских памятниках VII—VIII вв. и в турецком языке имеет значение перфекта; вторая представляет собой форму глагола *i-tek* 'быть' и образует особую категорию модальности с субъективным оттенком: «говорят, кажется, оказывается» и т. п.

В книге «Строй турецкого языка» Н. К. Дмитриев по-новому осветил и многие другие вопросы. Им, например, была высказана новая точка зрения на классификацию и состав частей речи. В основу новой методики описания строя тюркских языков Н. К. Дмитриев положил выделенные им грамматические категории; например, в группе имени таковыми являются: 1) категория сказуемости, 2) категория принадлежности; 3) категория склонения¹⁷, 4) категория определенности и неопределенности, каждая из которых имеет свои способы оформления. Позднее эти категории были подробно освещены в соответствующих статьях¹⁸, а сама схема описания грамматики в дальнейшем утвердилась в тюркологии¹⁹. В этой же книге был изложен новый взгляд ученого на одну из кардинальных проблем синтаксиса тюркских языков — проблему придаточных предложений. К числу таких предложений Н. К. Дмитриев отнес и часто встречающиеся в турецком языке деепричастные и причастные обороты с самостоятельным подлежащим²⁰.

Наконец, Н. К. Дмитриев в этой своей работе впервые ввел в тюркологическую литературу понятие фонемы, рассмотрев каждый турецкий аффикс с позиций фонологии как теоретическое единство нескольких вариантов²¹.

Все изложенные выше разработанные Н. К. Дмитриевым положения, явившиеся результатом его большой исследовательской работы, вошли в золотой фонд отечественной тюркологии, получив признание как современников, так и тюркологов более молодого поколения.

Н. К. Дмитриев никогда не был кабинетным ученым. Человек неистощимой энергии, одержимый страстью к познанию нового, Н. К. Дмитриев принимал деятельное участие в различных экспедициях: на Север-

¹⁶ См.: «Вопросы языкознания», 1953, № 5, стр. 122—123.

¹⁷ Н. К. Дмитриев. Строй турецкого языка, стр. 28—31, 51.

¹⁸ Н. К. Дмитриев. К истории аффиксов сказуемости. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II. Морфология. М., 1956, стр. 5—16; *его же*. Категория принадлежности. — Там же, стр. 22—38; *его же*. Категория числа. — Там же, стр. 65—72.

¹⁹ Ср.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М. — Л., 1956, стр. 67—101; «Грамматика туркменского языка», ч. I, стр. 85—118.

²⁰ Н. К. Дмитриев. Строй турецкого языка, стр. 56—57.

²¹ Там же, стр. 7—8.

ный Кавказ, в Башкирию, Туркмению, Крым. Экспедиции позволили ему собрать ценнейший фактический материал по малоизвестным тогда башкирскому, кумыкскому и другим языкам, который лег в основу таких его фундаментальных работ, как «Грамматика кумыкского языка» (1940) и «Грамматика башкирского языка» (1948).

Почти полное отсутствие в то время материалов по кумыкскому языку побудило Н. К. Дмитриева обратиться к изучению этого языка. Личные наблюдения в местах, населенных кумыками, позволили ему подробно осветить некоторые характерные особенности фонологического строя кумыкского языка (явления *сандхи* и комбинаторные изменения согласных внутри слова)²² и его морфологической системы²³. При этом прежде всего был рассмотрен глагол, как наиболее сложная часть речи. Все эти материалы были использованы позже для написания грамматики (включая и синтаксис) кумыкского языка²⁴, явившейся, по определению Э. В. Севортяна, «первым в тюркологии научным описанием этого языка, имеющим также и общетюркологическое значение»²⁵.

Н. К. Дмитриев начал изучать башкирский язык еще в студенческие годы. Позже он неоднократно посещал Башкирию в составе экспедиций Академии наук (1928—1929 гг.) и как участник научных конференций. Тесные контакты с носителями башкирского языка, которым Н. К. Дмитриев свободно владел, во многом способствовали успешному научному описанию ученым фонетического строя этого языка²⁶ и разработке широкой программы его исследования²⁷.

Из предисловия к «Грамматике башкирского языка» стало известно, что рукопись этого уникального труда, написанного еще в 1940 г., погибла во время блокады Ленинграда. Н. К. Дмитриев восстановил ее в 1945 г., и она увидела свет в 1948 г., а в 1950 г. вышла в переводе на башкирский язык²⁸. «Монография Н. К. Дмитриева, — говорится в редакционной статье сборника «Вопросы башкирской филологии», — может считаться образцом систематического изложения фактов конкретного языка. Поэтому не удивительно, что вскоре после выхода в свет она стала настольной книгой каждого башкироведа и тюрколога»²⁹.

Постепенно вовлекая в круг своих исследований новые, малоизученные тюркские языки, Н. К. Дмитриев не мог, конечно, пройти мимо тогда еще бесписьменного гагаузского языка.

²² *N. K. Dmitrijew. Materialien zur kumuckischen Phonetik.* — «Le Monde Oriental», 1936, XXX, стр. 181—190. Перепечатана на русском языке в кн.: *Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков*, стр. 285—293.

²³ *N. K. Dmitrijew. Morfologia della lingua turca dei cummuchi (Caucaso).* — «Rivista degli studi Orientali», 1935, XV fasc. I, стр. 76—96; fasc. II—III, стр. 172—198. Перепечатана на русском языке в кн.: *Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков*, стр. 294—341; *Н. К. Дмитриев. Очерки по кумыкскому синтаксису.* — В сб.: «Языки Северного Кавказа и Дагестана», вып. I. М., 1935, стр. 41—67.

²⁴ *Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка.* М.—Л., 1940, 205 стр.

²⁵ *Э. В. Севортян. Из истории развития советской тюркологии (памяти Н. К. Дмитриева).* — «Известия АН СССР», 1955, т. XIV, № 12, стр. 163.

²⁶ *N. K. Dmitrijew. Étude sur la phonétique bachkire.* — «Journal Asiatique», 1927, Avr. — Juin, CCX, стр. 193—252.

²⁷ *Н. К. Дмитриев. Башкорт теленең өйрәнәү мәсьәләһенә.* — «Белем». Өфө, 1928, № 7—8, стр. 86—90; № 9, стр. 64—67. Переведена на русский язык Т. М. Гариповым: К вопросу об изучении башкирского языка. — В сб.: «Вопросы башкирской филологии». М., 1959, стр. 17—23.

²⁸ *Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка.* М.—Л., 1948, 276 стр. Перевод на башкирский язык: Башкорт теленең грамматикаһы. М., 1959, стр. 9.

²⁹ «Вопросы башкирской филологии». М., 1959, стр. 9.

Многие зарубежные тюркологи считали этот язык диалектом турецкого языка³⁰. Н. К. Дмитриев, тщательно изучив материалы диалектов бессарабских гагаузов, собранные В. А. Мошковым³¹, показал, что гагаузский язык следует считать «особым языком тюркской группы»³², в чем с ним согласился известный славист-балканист проф. С. Б. Бернштейн. Этот малоизвестный тюркский язык, затерявшийся в нетюркском окружении, получил подробную научную характеристику в трудах Н. К. Дмитриева, первым из отечественных тюркологов описавшего его фонетический строй³³, морфологию и синтаксис³⁴.

Н. К. Дмитриев выявил также семантические отличия гагаузской лексики от турецкой и выделил наиболее крупные пласты заимствований — греческий, славянский, романский³⁵.

По инициативе Н. К. Дмитриева при Институте языкознания Академии наук СССР в Москве была создана особая Комиссия по гагаузоведению, разработавшая проект гагаузского алфавита на основе русской графики, который и был утвержден в 1957 г.

Внимание Н. К. Дмитриева привлекал также и азербайджанский язык. Частые контакты с носителями азербайджанского языка, лекции, беседы и т. п. способствовали глубокому постижению исследователем характерных особенностей этого языка.

Будучи создателем оригинальной схемы описания грамматического строя тюркских языков, Н. К. Дмитриев смог приложить ее и к азербайджанскому языку, разумеется, с учетом индивидуальных особенностей последнего. Как справедливо отмечает акад. М. Ш. Ширалиев, «Н. К. Дмитриев является одним из основоположников научной грамматики современного азербайджанского литературного языка»³⁶. Следуя своему учению о грамматической категории, Н. К. Дмитриев ввел в грамматику азербайджанского языка раздел об основных синтактико-морфологических категориях, отнеся к ним: 1) категорию сказуемости, 2) категорию принадлежности, 3) категорию падежа³⁷. Ученый охарактеризовал способы выражения женского рода в азербайджанском языке как пережиток в нем категорий рода³⁸. Н. К. Дмитриев показал, что в системе глагола имеется четыре глагольных вида: 1) законченный, 2) незаконченный, 3) однократный, 4) многократный³⁹. Наконец, уче-

³⁰ Ср.: *T. Kowalski. Les Turcs et la langue turque de la Bulgarie du nord-est.* — «Prace Komisiji Orientalistycznej», 1933, № 5.

³¹ См.: *В. А. Мошков. Наречия бессарабских гагаузов.* — В кн.: *В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен*, ч. X. СПб., 1904.

³² *Н. К. Дмитриев. К вопросу о словарном составе гагаузского языка.* — В кн.: *Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков*, стр. 272.

³³ *N. K. Dmitrijew. Gagausische Lautlehre.* — «Archiv Orientalni», 1932, IV, № 2, стр. 208—224; № 3, стр. 349—362; 1933, V, № 1, стр. 96—113. Перепечатана на русском языке в кн.: *Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков*, стр. 202—250; *его же. Долгие гласные в гагаузском языке.* — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. I. Фонетика. М., 1955, стр. 203—208.

³⁴ *Н. К. Дмитриев. Гагаузские этюды.* — «Ученые записки Ленинградского государственного университета», серия филологических наук, 1939, вып. 1, № 20, стр. 3—27. Напечатана также в кн.: *Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков*, стр. 251—270.

³⁵ *Н. К. Дмитриев. К вопросу о словарном составе гагаузского языка.* — В кн.: *Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков*, стр. 271—284.

³⁶ *М. Ш. Ширалиев. Н. К. Дмитриев и азербайджанское языкознание.* — В сб.: «Структура и история тюркских языков». М., 1971, стр. 20.

³⁷ «Грамматика азербайджанского языка». Раздел об общих грамматических категориях. Баку, 1951, стр. 89—97.

³⁸ *Н. К. Дмитриев. О категории грамматического рода в азербайджанском языке.* — «Известия Академии педагогических наук РСФСР», 1952, вып. 40, стр. 96—100. Перепечатана в кн.: *Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков*, стр. 350—355.

³⁹ *Н. К. Дмитриев. Преподавание родного языка в национальной школе.* — «Известия АПН РСФСР», 1952, вып. 40, стр. 34 и сл.

ный наметил задачи, стоящие перед азербайджанским языкознанием, указав на необходимость исторического изучения азербайджанского языка⁴⁰.

Н. К. Дмитриев интересовался также строем туркменского и балкарского языков, о синтаксических особенностях которых он читал лекции студентам Ленинградского университета в 1940—1941 гг. К сожалению, эти труды увидели свет только в 1962 г., после смерти их автора⁴¹.

Ряд работ Н. К. Дмитриева посвящен словарному составу тюркских языков. Он исследовал мимемы в турецком⁴², гагаузском, азербайджанском и туркменском языках⁴³.

Особое внимание Н. К. Дмитриева привлекала лексика башкирского языка⁴⁴ и связи последнего с другими языками — арабским⁴⁵ и русским⁴⁶.

Вся огромная работа, проделанная в области тюркологии, создала необходимую исходную базу для разработки сравнительной грамматики и лексикологии тюркских языков.

Сектор тюркских языков Института языкознания Академии наук СССР, возглавлявшийся в течение ряда лет Н. К. Дмитриевым, приступил к созданию «Исследований по сравнительной грамматике тюркских языков». Были написаны три тома и отдельный том «Историческое развитие лексики тюркских языков». Этот фундаментальный труд включает целый ряд статей Н. К. Дмитриева по сравнительной фонетике, морфологии и синтаксису⁴⁷.

Работа над четвертым томом, содержащим исследования по историческому развитию лексики тюркских языков, должна была, по мысли Н. К. Дмитриева, завершиться составлением этимологического словаря тюркских языков⁴⁸.

Однако увидеть опубликованным этот труд Н. К. Дмитриеву уже не довелось.

⁴⁰ Н. К. Дмитриев. Некоторые вопросы азербайджанского языкознания. — «Труды Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова». Баку, 1949, вып. 3. Перепечатано в кн.: Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков, стр. 344—349.

⁴¹ Н. К. Дмитриев. Синтаксис балкарского языка. — В кн.: Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков, стр. 358—395; *его же*. Основные вопросы туркменского синтаксиса. — Там же, стр. 395—430.

⁴² Н. К. Дмитриев. Beiträge zur osmanischen Mimologie. — «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», Bd XXXIV, N. 1—2, Wien, 1927, стр. 105—122. Перепечатана на русском языке в кн.: «Строй тюркских языков», стр. 59—85.

⁴³ Н. К. Дмитриев. Skizze der südtürkischen Mimologie. — «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», Bd XXXIV, N. 1—2, стр. 18—47. Перепечатана на русском языке в кн.: «Строй тюркских языков», стр. 85—109.

⁴⁴ Н. К. Дмитриев. Собачьи клички у башкир. — «Доклады АН СССР», 1928, № 15, стр. 328—330; *его же*. О парных словосочетаниях в башкирском языке. — «Известия АН СССР», 1930, № 7, стр. 501—522. Перепечатана в кн.: Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков, стр. 133—152.

⁴⁵ Н. К. Дмитриев. Арабские элементы в башкирском языке. — «Записки коллегии востоковедов», т. V, Л., 1930, стр. 119—135. Перепечатана в кн.: Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков, стр. 187—202.

⁴⁶ Н. К. Дмитриев. Варваризмы в башкирской речи. — «Записки коллегии востоковедов», т. IV, Л., 1929, стр. 73—105. Перепечатана в кн.: Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков, стр. 433—464; *его же*. Русско-башкирские языковые отношения. — В кн.: «Строй тюркских языков», стр. 465—482.

⁴⁷ «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков». Под общей редакцией члена-корреспондента АН СССР Н. К. Дмитриева, т. I. Фонетика. М., 1955, стр. 115—116, 182—192, 192—198, 198—203, 249—254, 261—265, 265—274, 274—279, 281—289, 298—303, 320—322, 322—326, 326—329; т. II. Морфология. М., 1956, стр. 5—16, 22—38, 65—72; т. III. Синтаксис. М., 1961, стр. 19—51.

⁴⁸ См.: «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 3.

В настоящее время Сектор тюркских языков Института языкознания Академии наук СССР приступил к созданию сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. Проф. Э. В. Севортян с группой сотрудников ведет работу над составлением этимологического словаря тюркских языков.

Отличная подготовка, полученная Н. К. Дмитриевым в Московском университете по славистике, глубокое теоретическое знание и практическое владение им сербским и болгарским языками позволили ученому успешно разрабатывать проблему турецких заимствований в этих языках.

Проблема сербско-турецкого лексического взаимодействия заинтересовала Н. К. Дмитриева еще в бытность его студентом Лазаревского института восточных языков, а в 1922 г. этот интерес усилился под влиянием знакомства с известным славистом проф. А. М. Селищевым (1886—1942), считавшим изучение славяно-турецких языковых взаимоотношений актуальным.

Прекрасно понимая, что лексический турецкий пласт в сербском языке весьма подвижен и находится в определенной зависимости от отношения пишущего по-сербски к официальному турецкому языку, Н. К. Дмитриев обратился к фольклорным материалам, содержащим, по его мнению, вполне отстоявшийся, проверенный временем лексический материал. С этой целью он обследовал произведения сербского фольклора, собранные известным деятелем сербской культуры Вуком Караджичем (1787—1864). В результате Н. К. Дмитриевым была написана диссертация «Этюды по сербско-турецкому взаимодействию», принесшая ему в 1925 году ученую степень кандидата филологических наук и привлекая к молодому ученому внимание научной общественности. Академик И. Ю. Крачковский, например, в том же году писал: «За последние годы среди молодого поколения начинает выделяться своими работами, частью уже напечатанными, московский ученый Н. К. Дмитриев...» и далее: «...среди работ Н. К. Дмитриева, посвященных ей (то есть *Turco-Balkanica* — В. А.), помимо ряда рецензий и мелких статей, выделяется большой труд о турецких заимствованиях в сербских народных песнях. Выводы этой работы были им доложены в заседании Научного исследовательского института при Ленинградском университете и вызвали полное одобрение тюркологов и славистов, как со стороны темы, так и разработки материала...»⁴⁹

К сожалению, этот труд, открывший собой целую серию исследований по проблеме *Turco-Slavica*, не был полностью опубликован⁵⁰.

Естественным для ученого оказался переход от исследования турецкого языка и турецкого лексического пласта в сербском языке к изучению тюркизмов в русском языке. Эта проблема, благодаря горячей полемике, развернувшейся между П. М. Мелиоранским и Ф. Е. Коршем в связи с тюркизмами в тексте «Слова о полку Игореве»⁵¹, получила шумную известность.

⁴⁹ Архив АН СССР, ф. 1568, оп. I, д. 97, л. 1—2.

⁵⁰ Н. К. Дмитриев. Этюды по сербско-турецкому языковому взаимодействию, I—V. — «Доклады АН СССР», серия В, 1928, № 2, стр. 17—22; № 12, стр. 268—275; 1929, № 5, стр. 89—95, № 6, стр. 103—108.

⁵¹ П. Мелиоранский. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве». — «Известия ОРЯС», 1902, т. VII, кн. 2; Ф. Е. Корш. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве». — Там же, 1903, т. VIII, кн. 4; П. Мелиоранский. О турецких элементах в языке «Слова о полку Игореве» (ответ Ф. Е. Коршу). — Там же, 1905, т. X, кн. 2; Ф. Корш. По поводу второй статьи проф. П. Мелиоранского. — Там же, т. XI, кн. 1.

Н. К. Дмитриев, следуя традициям П. М. Мелиоранского, настаивавшего на документальном исследовании тюркских элементов в русском языке, свою первую работу по проблеме *Turco-Rossica* посвящает исследованию тюркизмов в документах XVII в. — «Собрании писем Алексея Михайловича» (М., 1856) и уставе «Урядника сокольничьего пути». Ученый устанавливает тюркское происхождение упоминающихся в этих документах имен сокольничьих и кличек соколов. В это же время известный специалист по русскому языку проф. Б. А. Ларин, впоследствии академик, обратился к Н. К. Дмитриеву с просьбой установить этимологию и язык-источник некоторых аргоизмов. Так появилась работа Н. К. Дмитриева из области *Turco-Rossica* — «Турецкие элементы в русских арго»⁵². Автор здесь высказался за необходимость строгого учета данных сравнительно-исторической фонетики при установлении тюркского языка-источника заимствования и за географический принцип при территориальной локализации слова.

Завершающим трудом по данной проблеме явилось исследование о тюркских элементах в русском словаре, задуманное ученым еще в 1941—1942 гг.⁵³ Научное обоснование происхождения русских тюркизмов потребовало от Н. К. Дмитриева изложения принципиальных соображений относительно квалификации заимствования как тюркизма, определения времени его проникновения в русский язык и установления языка-источника. Статья содержит ответы на все эти и многие другие вопросы. Основным методом обработки тюркизмов автор считает этимологию, проводимую со строгим учетом данных истории культуры соответствующего тюркского народа и особенностей контекста. Иными словами, Н. К. Дмитриев, вслед за П. М. Мелиоранским, стоит за исследование языка памятников древнерусской литературы. Зафиксированные в этих памятниках тюркизмы он рекомендует: 1) рассматривать как в фонетическом, так и в семантическом и грамматическом планах (включая синтаксис); 2) учитывать семантическую сторону тюркизмов, что дает возможность ставить вопрос о путях их заимствования; 3) устанавливать, в какой части тюркоязычной территории данный тюркизм бытовал. Н. К. Дмитриев рекомендует также учитывать содержание данного тюркизма, для чего необходимо установить, насколько тот или иной предмет и признак или то или иное действие характерны для жизненного уклада интересующего исследователя тюркоязычного народа (принцип тематической локализации).

Отличаясь высокой научной принципиальностью, Н. К. Дмитриев, несмотря на глубокое знание материала тюркских языков, не считал для себя возможным дать во всех случаях исчерпывающий ответ. Исключительной требовательностью к себе и научной добросовестностью объясняется то, что ученый рассматриваемую заимствованную лексику свел в три больших раздела: 1) тюркизмы, подтвержденные фактами (всего 230 единиц); 2) тюркизмы, требующие дополнительной аргументации (всего 56 единиц) и 3) слова, причисляемые к тюркизмам в порядке гипотезы (всего 32 единицы).

Высказанные Н. К. Дмитриевым теоретические соображения составили методологическую основу совместной работы тюркологов и русистов по составлению словаря тюркизмов в русском языке.

⁵² Н. К. Дмитриев. Турецкие элементы в русских арго. — «Язык и литература», 1931, т. VII, стр. 159—179. Перепечатана в кн.: Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков, стр. 483—502.

⁵³ Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря. — «Лексикографический сборник», вып. 3. М., 1958, стр. 3—47. Перепечатана в кн.: Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков, стр. 503—569.

Интерес к фольклорным произведениям возник у Н. К. Дмитриева еще в студенческие годы, о чем свидетельствуют его ранние переводы «Сербских народных сказок» Вука Караджича, увидевшие свет лишь в 1956 г.

Н. К. Дмитриев отлично понимал огромную роль фольклора в жизни тюркоязычных народов, многие из которых не имели в прошлом своей письменной литературы. Кроме того, Н. К. Дмитриев хорошо знал, что устное народное творчество как нельзя лучше отражает живой язык, и поэтому пользовался каждым удобным случаем, чтобы записать татарские, крымскотатарские, азербайджанские, башкирские народные песни, башкирские пословицы и поговорки, туркменские и башкирские народные сказки.

Хотя Н. К. Дмитриев специально историей науки не занимался, однако именно ему мы обязаны⁵⁴ интересными сведениями о жизни и трудах известного историка Турции и отличного знатока турецкого языка проф. В. Д. Смирнова⁵⁵, татарского ученого и просветителя Каюма Насыри⁵⁶, выдающегося отечественного слависта проф. А. М. Селищева⁵⁷, живо интересовавшегося тюркологией, казанского лингвиста проф. В. А. Богородицкого⁵⁸ и, наконец, удивительного знатока бесчисленного количества языков акад. Ф. Е. Корша⁵⁹, в лице которого «объединялись классик, славист, иранист, арабист, тюрколог, арменист, санскритолог, финно-угровед, монголист, специалист по фонетике, текстолог, блестящий переводчик, пушкинист, знаток метрики (в том числе арабской, персидской, тюркской), поэт и прозаик»⁶⁰.

Этот удивительный человек настолько увлек Н. К. Дмитриева, что он попытался «обрисовать творческий облик ученого». Его благородная попытка была вознаграждена высокой оценкой, данной дочерью Ф. Е. Корша этому труду. «Вы с такой любовью и чуткостью изобразили его образ, — писала она, — точно Вы въявь его видели и наслаждались общением с ним. Любовь творит чудеса; она может воскрешать любимый образ, вызывать из мира забвения дорогие конгенитальные души. Всякий, кто прочтет Ваш труд, получит возможность реального общения с дорогим для Вас и нас, неповторимым Федором Евгеньевичем. Большое спасибо за теплоту и правду о нем»⁶¹.

Н. К. Дмитриев разработал и многие вопросы, связанные с преподаванием русского и родного языков в национальной школе. В своих многочисленных трудах по этой проблеме он ясно высказался в пользу сопоставительного метода с опорой на родной язык⁶², наметив тем самым принципиально новое направление в методике преподавания

⁵⁴ Н. К. Дмитриев. Труды русских ученых в области тюркологии. — «Ученые записки МГУ», 1946, т. III, кн. 2, вып. 107, стр. 63—70.

⁵⁵ N. K. Dmitriyev. V. D. Smirnov. A memoir. — «Journal of the Royal Asiatic Society», 1927, стр. 408—410.

⁵⁶ Н. К. Дмитриев. Каюм Насыри как филолог. — В сб.: «Каюм Насыри (1825—1945)». Материалы научной сессии, посвященной 120-летию со дня рождения. Казань, 1947, стр. 39—61.

⁵⁷ Н. К. Дмитриев. А. М. Селищев и тюркская филология. — «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ», 1947, вып. 4, стр. 66—83.

⁵⁸ Н. К. Дмитриев. От редактора. — В кн.: В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Изд. 2-е. Под ред. Н. К. Дмитриева. Казань, 1951, стр. 3—5.

⁵⁹ Н. К. Дмитриев. Федор Евгеньевич Корш. Изд-во МГУ, 1962, 56 стр.

⁶⁰ А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Л., 1972, стр. 159.

⁶¹ Архив АН СССР, ф. 1568, оп. 1, д. 24, л. 1—2.

⁶² См., напр.: Н. К. Дмитриев, В. М. Чистяков и Н. З. Бакеева. Очерки по методике преподавания русского и родного языков в татарской школе. М., 1952, 242 стр.

этих дисциплин. В день 50-летнего юбилея ученого сотрудники Института методов обучения Академии педагогических наук приветствовали его «как крупнейшего специалиста в области советской тюркологии и как выдающегося деятеля на ниве просвещения народов Советского Союза»⁶³.

За выдающиеся заслуги в развитии советской тюркологии член-корреспондент Академии наук СССР, действительный член Академии педагогических наук РСФСР, доктор филологических наук, профессор Н. К. Дмитриев был награжден орденами и медалями, ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки Туркменской ССР, Башкирской АССР, Чувашской АССР.

Жизнь этого неутомимого ученого и замечательного человека оборвалась 22 декабря 1954 года.

Через год после смерти Н. К. Дмитриева его старший коллега и учитель академик В. А. Гордлевский прислал в оргкомитет по чествованию памяти Н. К. Дмитриева записку. «Болезнь удерживает меня, — писал он, — от участия в заседании коллектива научных работников, идущего по неовозделанному еще пути, указанному Дмитриевым. Ученый-теоретик, он проник в глубины тюркских языков, но он помнил и о практических задачах — об общеобразовательной школе: знание линий схождения и расхождения тюркских языков и языка русского подняло изучение в национальной школе как родного языка, так и языка русского, и в этом общественно-политическая и культурная заслуга ученого»⁶⁴.

К этой авторитетной и справедливой оценке деятельности выдающегося ученого остается только присоединиться.

---

⁶³ Архив АН СССР, ф. 1568, оп. 1, д. 88, л. 1—2.

⁶⁴ Там же, д. 125, л. 1.

А. МОЛЛАЕВ

Н. И. ИЛЬМИНСКИЙ О ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКЕ И ЭТНОГРАФИИ

Имя Н. И. Ильминского — видного представителя казанской школы русских тюркологов — в туркменском языкознании упоминается незаслуженно мало, хотя именно он одним из первых начал изучение туркменского языка. Поэтому на этой стороне деятельности Н. И. Ильминского стоит остановиться подробнее.

Николай Иванович Ильминский (1822—1891) был родом из Пензы, но вся его научная деятельность связана с Казанью, одним из крупных научных центров того времени. Выдающийся тюрколог и арабист, Н. И. Ильминский многие годы преподавал турецкий, татарский и арабский языки в Казанской духовной академии, питомцем которой он являлся, а также в Казанском университете. Трехлетнее пребывание ученого на Востоке в 1851—1854 гг. значительно способствовало успеху его последующей научной деятельности.

Много сделал Н. И. Ильминский для просвещения народов окраин царской России: «Он совершил подвиг, величие которого состоит в том, что он первый расширил границы своего сострадания из мира, в котором живут люди его круга, в мир обездоленных... инородцев Восточной России»¹. Созданная им особая система церковно-школьного образования нерусских детей на их родном языке справедливо именуется «системой Ильминского».

Научные заслуги Н. И. Ильминского были отмечены избранием его в 1854 г. членом-корреспондентом Русского археологического общества², в 1865 г. — членом Исторического общества штата Пенсильвания (США), а затем членом-корреспондентом Академии наук по разряду восточной литературы (1870 г.), почетным членом Казанской духовной академии (1875 г.)³ и пр.

В лингвистическое наследие Н. И. Ильминского входит целый ряд трудов по казахскому (по старой терминологии — киргизскому), татарскому, чувашскому, алтайскому и другим тюркским языкам. Его работы «Материалы к изучению киргизского наречия» (Казань, 1860), «Вступительные лекции в курс турецко-татарского языка» (Казань, 1861), «О фонетических отношениях между чувашским и тюркским язы-

¹ «Николай Иванович Ильминский» (сб. статей). Казань, 1916, стр. 3.

² См.: «Состав Императорского Географического общества по 1-е мая 1864 года». — «Известия Археологического общества», т. V, вып. 5, 1865, стр. 406.

³ См.: П. Знаменский. На память об Ильминском. Казань, 1892, стр. 317

ками» (Казань, 1865), «Воспоминания об И. А. Алтынсарине» (Казань, 1891) и другие считаются в тюркологии классическими. Особо заслуживает быть отмеченной образцовая «Грамматика алтайского языка» (Казань, 1869), написанная Н. И. Ильминским в соавторстве с известным тюркологом В. И. Вербицким и архимандритом Макарием⁴.

Заслуживают внимания и труды Н. И. Ильминского по туркменскому языку, интерес к которому возник у ученого в период его работы в качестве переводчика в экспедиции В. Д. Дандевилля, проводившей в 1859 г. съемку восточного берега Каспийского моря от Мангышлака до персидской границы. «Памятником моего участия в этой экспедиции, — писал Н. И. Ильминский, — осталось некоторое, очень малое, количество материала туркменского языка»⁵. Но даже это «малое количество материала» послужило основой для серьезных наблюдений над диалектами туркменского языка, изложенных Н. И. Ильминским в письме академику А. А. Шифнеру⁶. Поскольку указанная работа Н. И. Ильминского ранее упоминалась лишь в библиографических справках, ниже приводится более подробное ее изложение⁷.

Во вступительной части статьи сообщаются сведения о туркменском языке, собранные предшествующими исследователями (Н. Н. Муравьевым, И. Ф. Блаффамбергом) и приводится отрывок из сказки «Хысрав», которую автор слышал в Александр-форте на Мангышлаке.

Н. И. Ильминский общался с представителями двух туркменских племен: *ёмут* и *эсенли*. Сравнивая диалекты этих племен, он выявил их сходные и различительные черты. Таким образом, можно утверждать, что данная статья представляет собой одно из первых научных исследований по туркменской диалектологии.

В работе Н. И. Ильминского рассматриваются фонетические, грамматические и лексические особенности туркменского языка. Автор останавливается на таких явлениях **фонетики**, как озвончение некоторых согласных звуков в абсолютном начале слов (например, *d, g* вместо *t, k*: *däg* ~ تاغ 'гора'⁸, *däš* ~ تاش 'камень', *g'erek'* ~ گرك 'нужный'); особое произношение туркменами *δ* и *θ* наподобие арабских *ذ* и *ث*; переход *p* в интервокальной позиции в звук *f* (например, *ta filir* ~ تاپيلور 'найдется'); сохранение гуттуральных (фрикативных) *g* — غ, *g'* — گ в корневых словах (например, *sigir* 'корова', *ugul* 'сын') и т. д.

Исследователь обращает внимание и на специфические особенности гласных туркменского языка. Так, по его мнению, гласные *a* и *e* в

⁴ См.: А. Е. Крымский. Тюрки; их мови та літератури, I. Тюркські мови, вип. II. Київ, 1930, стр. 175. Как известно, еще П. М. Мелиоранский отметил заслуги Н. И. Ильминского в деле составления «Грамматики алтайского языка» (см.: П. М. Мелиоранский. Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. II. Синтаксис. СПб., 1897, стр. V—VI).

⁵ Н. И. Ильминский. Воспоминания об И. А. Алтынсарине. Казань, 1891, стр. 19.

⁶ N. Ilminsky. Ueber die Sprache der Turkmenen. Aus einem Briefe des Herrn Ilminsky an A. Schiefner. Orenburg, 29 December, 1859. — «Bulletin de l'Academie imperiale des sciences de St-Petersbourg». Nouvelle serie, 1860, t. I, стр. 563—571; то же: «Mélanges Asiatiques», t. IV, livr. 1, 1863, стр. 63—74.

⁷ В переводе с немецкого языка данной работы Н. И. Ильминского большую помощь оказал канд. филол. наук Ф. Е. Вейсалов.

⁸ Примеры приводятся в транскрипции, близкой к принятой журналом «Советская тюркология».

начале слов имеют аспирацию. Однако, употребляя термин «аспирация», Н. И. Ильминский имеет в виду протезу звука *h* в таких словах, как *haǰǰig* вместо *aǰǰig* 'жеребец', *haǰǰigmak* вместо *aǰǰigmak* 'реветь' (об осле), *helemek'* вместо *elemek'* 'просеивать', хотя существование аспирации и в современном понимании (т. е. гортанный взрыв, кнаклаут) в туркменском литературном языке подтверждается его материалами. [По нашим осциллографическим записям, продолжительность аспирации (кнаклаута) гласных в начале слов *ata*, *aǰar*, *entek'*, *eder* достигает 10—20 мсек].

Касаясь вопросов **морфологии**, Н. И. Ильминский отмечает сходство систем склонения имен существительных и личных местоимений в туркменском и турецком языках, а именно: после консонантного ауслута вместо аффиксов *-nīŋ*, *-ga*, *-nī* употребляются *-īŋ*, *-a*, *-ī*. Автор обращает внимание на тот факт, что конечный звук слова, оканчивающегося на гласный, с присоединением показателей дательного падежа или причастия прошедшего времени приобретает долготу. В качестве примера приводятся слова: *ada* 'остров', *jīlki* 'лошадь' (в собирательном значении), *oka* 'читать'. Следовательно, именно Н. И. Ильминский впервые был поднят вопрос о комбинаторно-грамматической долготе в туркменском языке⁹. Каждое существительное, по утверждению автора, может принимать уменьшительный аффикс *-ǰik*, за исключением односложных корней, которые оформляются аффиксом *-ǰaǰaz*. Имена числительные ученый делит на количественные, порядковые (образуются посредством показателя *-lanǰi*) и дробные (для обозначения последних употребляется слово *raı*, стоящее в исходном падеже). Подробно рассматриваются образование, употребление и спряжение глагольных форм, причастия и деепричастия. Как указывает Н. И. Ильминский, глагольный аффикс настоящего времени *-ǰag*, *-ǰug* возник из глагола *dig-* 'стоять' — *دور*, где *d* подверглось йотированию.

Третья часть статьи посвящена **лексике** туркменского языка. Автор начинает с описания и толкования некоторых употребительных терминов, связанных с мореходством. Затем им приводится терминология родства, ряд терминов по животноводству, названия частей тела. Терминам по мореходству и рыболовству уделено особое внимание: приводятся названия моря и его участков, различных рыб и рыбных изделий, лодки и ее частей и т. д. Этимология термина *ajlak* 'залив', по мнению автора, восходит к глаголу *ajlanmak* 'кружиться, обвиваться'. Материалы, приведенные в статье Н. И. Ильминского, имеют практическое и теоретическое значение для изучения профессиональной лексики туркменского языка.

Следует отметить, что ёмудский и эсенилинский¹⁰ диалекты стали объектами специальных исследований туркменских языковедов в совет-

⁹ Употребленный нами термин «комбинаторно-грамматическая долгота» включает как долготу, возникающую при выпадении интервокального согласного, так и долготу, связанную с определенными морфологическими категориями.

¹⁰ Правда, в списке современных туркменских диалектов мы не найдем эсенилинского, но есть основания полагать, что эсенили — это общее название одной из двух этнографических ветвей туркмен, в которую входят човдуры и ставропольские туркмены. По свидетельству Ф. А. Михайлова, эсенили принадлежат к гокленскому племени [Ф. А. Михайлов. Туземцы Закаспийской области и их жизнь (этнографический очерк). Ашхабад, 1900, стр. 29]. Но в схеме родового деления современных гокленов эсенили отсутствует: Г. Кульманов. Геокленский диалект туркменского языка (на территории СССР). Канд. дисс. Ашхабад, 1960.

ское время¹¹, и материалы, собранные туркменскими диалектологами, в основном подтверждают правильность выводов Н. И. Ильминского.

Необходимо, однако, сделать и несколько замечаний.

Во-первых, хотя Н. И. Ильминский и зафиксировал наличие кратких и долгих гласных звуков в туркменском языке, однако смысловозначительная функция признака долготы—краткости им не была отмечена. Этимологическая долгота в словах *öt, ödaňal, öt jakar, öbaňa, pëňä, lü* и т. д. указана им посредством черточки над долгими гласными, однако регистрация этой долготы проведена непоследовательно. Некоторые слова отмечены как имеющие долгие гласные, хотя в современном произношении долгота в них не регистрируется. Например, *jäbi* вместо *jabī, köjun* вместо *kojun||koj* (в ёмудском диалекте *gojun*), *üňuk* вместо *ogňuk* и др.

Во-вторых, Н. И. Ильминский, первым высказавший мысль об апикальном произношении туркменами интердентальных *ð* и *ʃ*, все же не конкретизировал этот факт, ибо хотя в современном ёмудском диалекте эти звуки и произносятся как апикальные, в човдурском диалекте и диалекте ставропольских туркмен они являются дорсальными. Думается, что човдуры и ставропольские туркмены произносили эти звуки дорсально и во времена Н. И. Ильминского.

В-третьих, иногда автор, по-видимому, под влиянием субъективного слухового восприятия передает фонетические формы многих аффиксов вместо широких гласных через узкие или наоборот. Например, слова *barır, bilir, tañilır g'erek', baňma, baňıma* соответственно должны звучать как *barağ, biler, tañılar g'erek', bāñmī, baňırmī* и т. д. Последнее замечание относится, по крайней мере, к речи представителей ёмудского диалекта.

Несмотря на отмеченные погрешности, работа Н. И. Ильминского, несомненно, представляет собой серьезный вклад в изучение туркменского языка, и, думается, не будет преувеличением сказать, что это, по существу, первая краткая грамматика туркменского языка.

В отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина хранится архив Н. И. Ильминского (см. фонд 424, шифр 2), в котором, наряду с другими материалами по различным тюркским языкам¹², имеются карандашные заметки топонимико-этнографического характера, в которых зафиксированы названия родо-племенных подразделений туркменского племени *теке* и военных укреплений их от Кызыл-Арвата до Мары (Мерви). Эти сведения полностью совпадают с опубликованными данными М. Н. Галкина¹³, одного из участников экспедиции В. Д. Дандевиля, согласно которым текинское племя подразделяется на два рода — *утамыш* и *тогтамыш*, в свою очередь состоящие из 100 колен; названий укреплений же насчитывается 47. Между последними сведениями и данными Н. И. Ильминского имеются

¹¹ Х. А. Машаков. Човдурский диалект туркменского языка. Канд. дисс. Ашхабад, 1949; Дж. Амансарыев. Северные говоры ёмудского диалекта туркменского языка. Канд. дисс. Ашхабад, 1954 (на туркм. яз.); С. Куренов. Особенности говора туркмен Северного Кавказа (Ставрополья), ч. I—II. Канд. дисс. Ашхабад, 1959 (на туркм. яз.); К. Шамырадов. Западный говор ёмудского диалекта туркменского языка. Канд. дисс. Ашхабад, 1960 (на туркм. яз.).

¹² См., в частности, перевод с немецкого на русский язык извлечений из «Якутской грамматики» О. Бётлингга.

¹³ М. Н. Галкин. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868, стр. 8 и 12; ср. также: «История Туркменской ССР», т. I, кн. 2. Ашхабад, 1957, стр. 14.

некоторые фонетические расхождения. Однако фонетическая форма этнонимов и топонимов, содержащихся в заметках Н. И. Ильминского, представляется нам более достоверной и приемлемой. Например, Н. И. Ильминским зафиксированы этнонимы: *амаша, мергенлер, дукъ чага, чарыклылар, чашган* и топонимы: *Баши, Сюпча, Меһин, Акташаяк каласы, Багва*; у М. Н. Галкина этим же этнонимам и топонимам соответствуют: *алаша, мергеклер, Дукча-Ага, чырыклар, чапланъ, Баши, Сюпча, Мегин, Акташаяк, Багла*.

Кроме того, Н. И. Ильминский, перечисляя названия родовых подразделений и укреплений, в отдельных случаях в скобках указывает и патронимы, например: *салаклы (Байлы салак), векил (Мавлям-берди шейх, Атаназар бек), Кяриз (Нурберди хан)*¹⁴ и др.

Думаем, что сведения, оставленные тюркологом Н. И. Ильминским и этнографом М. Н. Галкиным, представляют большую ценность для современной туркменской диалектологии и этнографии.

---

¹⁴ По мнению М. Н. Галкина, Нурберди хан был выходцем из Кизыл-Арвата (см.: М. Н. Галкин. Указ. раб., стр. 117); ошибочность этого утверждения несомненна.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

О. П. АНЖИГАНОВА

СЛОВСОЧЕТАНИЯ С НУМЕРАТИВНЫМИ СЛОВАМИ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

В тюркских языках одной из особенностей имени существительного как части речи является его способность выступать в качестве не только главного, стержневого компонента словосочетания, но и подчиненного члена — определения к ведущему имени существительному.

В позиции определения имя существительное может иметь форму родительного или основного падежа, принимая при этом аффикс притяжательности (образуется так называемое изафетное словосочетание второго и третьего типов). Некоторые же имена существительные могут сочетаться с другими существительными без всякого оформления, причем синтаксическая функция каждого члена словосочетания зависит от порядка слов: первый компонент является зависимым и выступает в качестве определения ко второму, главному члену.

В функции определения могут выступать имена существительные, указывающие на материал, форму или назначение предмета, пол и профессию человека, характер местности и т. д., например: хак. *toɣu k'ögä-päk'* 'шелковое платье', *čazu čig* 'степь' (букв. 'степь+земля'), *čäj čigčä* 'чайная чашка', *ügrätči xus* 'девушка-учительница'.

Подобные безаффиксные сочетания существительных в хакасском языке адекватны сочетаниям прилагательных с существительными в русском языке. Это объясняется тем, что существительные в таких случаях по своему значению близки к прилагательным, имеют общую с ними грамматическую форму атрибутива¹.

Кроме того, в хакасском, как и в других тюркских языках, распространены словосочетания, где зависимое имя существительное, определяя стержневое слово, характеризует его количественно, а не качественно. Такие существительные в тюркологической литературе называются нумеративными словами². Словосочетания с нумеративными словами состоят из числительного, нумеративного слова и имени существительного: *üs pas xoɣ* 'три головы овец', *riɣ sampaɣ ügrä* 'одна ложка супа', *čüs salkovaj axča* 'три рубля денег'.

¹ См.: Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. II, ч. I. М., 1952, стр. 176.

² См.: Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 92; Н. А. Баскаков, А. И. Инкижекова-Грекул. Хакасско-русский словарь. М., 1953, очерк «Хакасский язык», стр. 414; Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, стр. 65.

В этих словосочетаниях ведущий компонент находится в постпозиции, примыкая к сложному определению, состоящему из числительного и нумеративного слова и дающему количественную характеристику определяемому слову. В соответствующих русских словосочетаниях стержневым компонентом является сочетание числительного и имени существительного, выражающего единицу измерения и управляющего именем существительным, которое обозначает измеряемый или исчисляемый предмет.

Формально такие словосочетания в хакасском языке сходны со словосочетаниями, образованными по модели «числительное+имя существительное+имя существительное» и дающими имени существительному различные качественные характеристики, например: *üs torγu k'ögänäk'* 'три шелковых платья', *op aγas tura* 'десять деревянных домов' и т. п. Однако эти два типа словосочетаний отличаются друг от друга: во-первых, существующими между компонентами семантическими отношениями; во-вторых, в словосочетаниях типа *üs ras xoj* стержневое слово *xoj* характеризуется определением, состоящим из словосочетания *üs ras*, а в словосочетаниях типа *üs torγu k'ögänäk'* слово *üs* является определением к словосочетанию *torγu k'ögänäk'*; в-третьих, в словосочетаниях типа *üs torγu k'ögänäk'* 'три шелковых платья' можно изменить порядок слов, в результате чего без нарушения синтаксических отношений изменится значение словосочетания: *torγu üs k'ögänäk'* 'шелковых три платья'. В этом случае смысловая нагрузка падает уже не на слово *torγu*, а на *üs*. В словосочетаниях же с нумеративными словами нумератив всегда находится между числительным и существительным.

Нумеративные слова обозначают не конкретный предмет, а ту счетную категорию, к которой этот предмет относится³, причем для исчисления различных предметов употребляются только им одним свойственные нумеративы.

В хакасском языке существуют нумеративные слова как литературные, так и употребляющиеся лишь в разговорной речи.

Ниже рассматриваются различные словосочетания с нумеративными словами в хакасском языке⁴.

Словосочетания с определением, выраженным числительным в сочетании с точной единицей измерения или счета:

а) меры веса: *gramm*, *kilogramm*, *centner*, *tonna* и т. п. (*pis kilogramm ipäk* 'пять килограммов хлеба', *torγus tonna toγas* 'девять тонн пшеницы', *iki čüs gramm xajah* 'двести граммов масла');

б) меры расстояния: *millimetr*, *santimetr*, *metr*, *kilometr* (*üs millimetr pičik* 'два миллиметра бумаги', *ilig santimetr is* 'пятьдесят сантиметров материала', *op metr čip* 'десять метров ниток', *čüs kilometr čol* 'десять километров дороги');

в) меры объема, площади: *kubometr*, *litr*, *hektar* и т. п. (*čibirgĩ kubometr aγas* 'двадцать кубометров дров', *üs litr k'erodin* 'три литра керосина', *pir čüs čibirgĩ hektar čir* 'сто двадцать гектаров земли').

³ Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 92.

⁴ Данный вопрос в грамматиках хакасского языка специально не изучался, лишь в указанной работе Н. А. Баскакова и А. И. Инкижековой-Грекул приводятся примеры нумеративных слов: *ras* (*op iki ras mal* 'двенадцать голов скота') и *pičä* 'вещь' (стр. 414).

Подобные словосочетания образовались в хакасском языке только за последние пятьдесят-шестьдесят лет, так как слова, обозначающие точную меру счета и измерения, заимствовались из русского языка и прочно вошли в хакасский язык лишь после появления в Хакасии письменности.

Словосочетания с так называемыми «народными» нумеративами, в качестве которых выступают следующие слова, обозначающие предметы, используемые для измерения жидких и сыпучих веществ: *k'önäk* 'ведро', *ajax* 'миска', *saban* 'кадка', *samnax* 'ложка', *čigčä* 'чашка', *amzog* 'глоток', *k'ödäs* 'чугунок', *tozor*, *tüüs* 'туесок', *oos* 'горсть', *xaɣbaɣ* 'горсть'. Например: *Sin*, *xaɣyndas*, ***pir k'önäk un pirdäk*** (Хчн, 50) 'Ты, брат, дай-ка одно ведро муки'; *Apsax... üs samnax süit pozytty xuzužaxtuŋ aɣsypa* (Н. Д., 47) 'Старик влил в рот девочки три ложки молока'; ***Pir ajax ügüräni pir tynnaŋ tooza izibistim*** (С. Т., 287) 'Я съел мгновенно (букв. одним дыханием) целую миску супа'; *Ozyl Aɣyŋ, pir tozor aɣaɣa turɣyzyr, altyn čigčää ŋurp*, *Хаппуу Хылысха tutčadyr* (Ач А, 140) 'Озыл Арыг, поставив один туесок вина и наполнив золотую чашу, подает [eë] Ханныг Хылыс'; *Mylyxtaryn izik xyrinda turɣys salyp, pirää čirčäzä čäj izädirlär* (С. Т., 63) 'Поставив ружья возле двери, пьют по чашке чаю'; *...ton tik' salzaŋ, tizäŋ, pir oos tamky daa sal pirärgä ajabasyp* (С. Т., 121) '...если шубу сошьешь, то не поспеюсь, а насыплю даже горсть табаку'.

Словосочетания с нумеративами, используемыми для исчисления скота: *pas* 'голова', *öög* 'стадо, табун, отара', *k'izäk* 'группа, кучка', 'часть', *asɣur* 'жеребец' (когда определенное количество лошадей группируется вокруг одного или нескольких жеребцов). Например: ***On k'izäk čulyŋ čilbännäzä tuskän...*** (Н. Д., 7) 'Десять групп лошадей заволновались...'; *Saydajnyŋ pis pas čulyzyz, čä asɣury am daa imžäk äärcä* (Н. Д., 130) 'У Сагдая пять голов лошадей, но жеребец еще маленький' (букв. еще сосет сосок); *Каа-Хемниŋ tibiräänin muŋar öög malnyŋ xystynyzyr ojlasxanynaŋ tinpäčätkännärinäŋar maɣaa udaa istärgä kilisk'än* (С. Т., 26) 'Мне часто приходилось слышать, как освобождение Каа-Хема от льда уподобляют бегу тысячи табунов лошадей'; *Saryŋ tajny, pir asɣur čulyydan polar, pis asɣur čulya daa ornaspasyp* (Н. Д., 280) 'Я солового жеребца не только на лошадей с одним жеребцом, но и на пять жеребцов с лошадьми не променяю'.

Словом *k'izäk* могут измеряться и другие предметы: ***Pir k'izäk sitsä satčam...*** (М. Г., 38) 'Продаю один кусок ситца...';

Pir k'izäk it alyp čään,
Pir samnax mün iskän,
Stoldaŋ turybysɣan (ХК АА, 135)

'Один кусок мяса съел,
Одну ложку бульона выпил,
Встал из-за стола'.

Для измерения, исчисления различных предметов употребляются также следующие слова:

Тамур 'корень', 'жилка': *Хап pozyɣaɣ attyŋ xuzuɣyŋyŋaŋ üs tamyr xyl čulyr aɣan...* *pozyŋny sazynaŋ üs tamyr sas čulyr aɣan* (ХК АА, 207) 'Из хвоста рыжего коня вырвал три волоса, со своей головы сорвал три волосинки';

Роом 'охапка', 'вязанка'; **poos** 'связка'; **paɣam** 'связка': *Хаја, pir poos xoɣaŋ pir maɣaa* (Н. Д., 173) 'Ну-ка дай мне одну связку хариусов',

Toņas 'зернышко', **хагах** 'глазок', **nimīs** 'зерно', 'плод': **Kartčy pajlar** — хаас, хойбал pajлары, k'ämnär pos tirinän **pīr toņas** as öskirbinčälär, **pīr k'izäk' it** апубинčалар... (Н. Д., 296) 'Богачи-картежники — богачи из хаасов, койбалов, кто своим трудом не вырастил ни одного глазка зерна, не добыл ни одного куска мяса...';

Añmar 'амбар': Pu nimäni tapхан k'izäa хан **pīr añmar altyn pīrär** paза розунуң хузун pīrär (Хчн, 70) 'Кто отгадает это, тому хан даст один амбар золота и свою дочь';

Хаңаа 'телега': Pozуна **pīr хаңаа un alyan** (Хчн, 53) 'Себе взял одну телегу муки';

Aзыр 'вилы': Attarҗа **üzär aзыр ot tastap pīrär**gä (разг.) 'Дать коням по трое вил сена';

Toyyрам 'кусок', **toyyрамзы** 'кусок': Ipči **ninžä-dä toyyрамзы it** хузу-жахтуң алуна sal pīrḡän (разг.) 'Женщина положила перед девочкой несколько кусков мяса';

Tajnam 'то, что можно сжевать за один раз': ...ануң **ödözinän pīr samnax taa ügüä, pīr tajnam daa ipäk** aspaan (И. К., Чх, 32) 'Он не мог проглотить ни одной ложки супа, ни одного куска мяса';

Хар 'мешок': Min тундау abdyҗаны, **čüs хар түк** täa pīrzälär, it pol-basрун (Н. Д., 127) 'Я такой сундучок не смогу сделать, если даже мне дадут сто мешков шерсти'.

Некоторые обозначения старинных мер длины также выступают в качестве нумеративных слов:

Arsin 'аршин': Харуң Қаной irärčäa **üs čylda on arsin kidän tovar** pīrčä... (Н. Д., 61) 'Хапын супругам Қаной за три года работы дает десять аршин холста...';

Versta 'верста': Min **altу versta čolny түгчä lä irttim** (разг.) 'Я дорогу в шесть верст прошел быстро'.

Нумеративы arsin, versta, заимствованные из русского языка задолго до Великой Октябрьской социалистической революции, в настоящее время встречаются лишь в литературных произведениях, описывающих жизнь хакасского народа в далеком прошлом, и иногда в разговорной речи.

Xulas (расстояние между раскинутыми в стороны руками): ...otys **xulas хара хул аҗамзынаң** адуң аҗамзылар салҗан čyлаҗотха (Н. Д., 127) '...коны привязал к пикулькам⁵ черным волосяным арканом в тридцать саженей';

Xarys (расстояние между расставленными большим и указательным пальцами): Амду **pīr харызах оолах** püür istindä čurtarča (Хн, 57) 'Теперь мальчик в один вершок живет внутри у волка'.

Возможно присоединение к некоторым нумеративным словам аффикса обладания -lyy: Ol kizäktän kizäk'k'ä kilip, istildirä čooxtanуp odyҗан: «Хара халтар асхуҗ чöҗыл... alton **üs pas; халтар асхуҗ, čibirgī хулуннуҗ pīi** — хугух pīr...» (Н. Д., 134) 'Он шел от одной группы к другой и вслух говорил: «Нет темномухортого жеребца... шестьдесят три головы; мухортого жеребца и двадцати кобыл с жеребятами — сорок один...»; слово же k'üp 'день' вообще не употребляется в качестве нумератива без аффикса -lyy; **Alty k'ünnig čirgä** ojлар parybysхан (АА, 34) 'Убежал в места, до которых доедешь за шесть дней'; Хамауңдауу **üs тамуҗ čагух saзы üs күн-**

⁵ *Пикулька* — областное название растения из семейства присовых. См.: «Хакасско-русский словарь». М., 1953, стр. 326.

nīg čirgä čitirä čarup turγanday (ХК АА, 205) 'Блеск от трех волосинок на лбу виден на земле, на расстоянии трех дней (ходьбы)'.
 Иногда нумеративное слово принимает аффикс -ča, придающий все-

му словосочетанию оттенок сравнения и приблизительности: *Pir харбахча tus tastabystym, анаң čäjni, kičizäk'* соҥаһаң unadybyzyp, хазанҥа салы-
 bystym (С. Т., 50) 'Бросил соли одну горсть, потом растолок чай в ма-
 ленькой ступе, бросил в котел'.

Нумеративное слово может определять существительное самостоя-
 тельно, без сочетания с числительным; в этом случае указывается на
 единичность определяемого слова: *Am daa čirčäzä suγ butylkada paγ, čä*
tystanzyn... (Н. Д., 13) 'Есть еще в бутылке воды с чашечку, но пусть по-
 терпит...'; *Maγa myндаγ polar: čä myннаң myндар күнниг čir paγbyssa,*
altu хурлуу ах хаја polar (Хн, 30) 'Условие будет такое: если уйдет на
 расстояние в один день, то станет скалой с белыми полосами'; *Kizäk tää*
piskä mal халдыр, kizäk tää čon халдыр (ХК АА, 150) 'Оставь нам хотя бы
 одну часть скота, одну часть народа'.

Еще одной особенностью словосочетаний с нумеративными словами
 является то, что при перемене мест компонентов второй компонент обяза-
 тельно принимает аффикс принадлежности, и все словосочетание приоб-
 ретает форму так называемого изафета второго типа: *čirčä sūt* 'чашка
 молока' — *sūt čirčäzi* 'чашка для молока', *könäk suγ* 'ведро воды' — *suγ*
k'öpägi 'ведро для воды'. В словосочетании же, выражающем признак
 предмета, перестановка компонентов приводит к установлению предика-
 тивных отношений между сочетающимися словами: *tas tärbän* 'каменная
 мельница' и *tärbän* — *tas* 'мельница из камня' (букв. мельница —
 камень).

В зависимой части словосочетания вместо числительного могут упот-
 ребляться слова *kör* 'много', *as* 'мало', *čarup* 'половина', *anža*, *myңža*
 'столько', а иногда — существительные, с количественными признаками
 которых сравнивается определяемое слово. Например: *Köp хадыл туралар*
püdir salarҥа (Р.-Х., 106) 'Построить многоэтажные дома'; *Čobatsartyp*
aγalary pas kilgän, čarup könäk хоора хаар kiltir (Н. Д., 317) 'Со сторо-
 ны Чобата подошел их дедушка, принес полведра хариусов'; *Хам iki-üsčä*
töstär alystyrarҥа маһпаһан, Руčonnaң розаанда, anžox čirčä араҥа
хортладыр алһан (Н. Д., 212) 'Шаман, освободившись от Пычона, успел
 заменить двух-трех духов, столько же чашек вина выпил'; ...*kirlästä Sabi-*
zök sin хузызах турčä (Н. Д., 113) '...на крыльце стоит девочка, ровесница
 Сабиса'.

Для исчисления различных предметов в хакасском языке очень ча-
 сто используется слово *nimä* 'вещь'. Особенность употребления этого
 слова в нумеративном значении заключается в том, что оно заменяет со-
 бой названия исчисляемых предметов. При этом слово *nimä* не выступает
 в качестве зависимого компонента в словосочетаниях, а является только
 главным членом и имеет свои определения в виде числительных, а так-
 же различных слов, употребляемых для выражения неопределенного ко-
 личество предметов: *pir nimä* 'одна вещь, одна штука', *tört nimä* 'четыре
 штуки', *kör nimä* 'много вещей' и т. п. Исчисляемые же предметы стано-
 вятся известны из контекста или описываемой ситуации.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Н. Д.* — Николай Доможаков. Ыраххы аал. Абакан, 1960.
Хчн — «Хакас чон нымахтары». Абакан, 1955.
С. Т. — Салчак Тока. Араттың сөзі, ч. 2. Абакан, 1963.
М. Г. — Максим Горький. Рассказтар. Абакан, 1957.
ХКАА — «Хан Қицегей». — «Алтын Арығ. Алыптығ нымахтар». Абакан, 1958.
И. К. — Иван Қостяков. Чібек хур. Абакан, 1966.
Хн — «Хакас нымахтары». Абакан, 1964.
АА — «Алтын Арығ. Алыптығ нымахтар». Абакан, 1958.
Р.-Х. — «Русско-хакасский словарь». М., 1961.
-

А. ДАУЛЕТОВ

ФОНЕМАТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА НЕКОТОРЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ДИФТОНГОВ В СОВРЕМЕННОМ КАРАКАЛПАКСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

В современном каракалпакском литературном языке дифтонгов как особых самостоятельных фонем, противопоставленных монофтонгам, не существует. Имеются лишь фонетические дифтонги, представляющие собой в фонематическом отношении бифонемные сочетания, зависимым неслогообразующим элементом которых являются сонанты *j* или *w*. Эти сонанты, находясь перед гласными или после них, образуют восходящие и нисходящие ложные дифтонги¹.

Однако среди исследователей каракалпакского языка нет единого мнения по данному вопросу. Так, большинство ученых² считает, что все нисходящие дифтонги в каракалпакском языке представляют собой бифонемные сочетания. По мнению других исследователей³, *yj*, *ij*, *uw*, *iw*, артикуляционно состоящие из двух звуков, в фонологическом отношении являются монофонемами.

Восходящие фонетические дифтонги *je*, *wo*, *wö*, употребляемые в анлауте, до сих пор считаются дифтонгоидными, или дифтонгизированными, монофонемами.

В данной статье рассматривается фонематическая природа нисходящих (*yj*, *ij*, *uw*, *iw*) и восходящих (*je*, *wo*, *wö*) фонетических дифтонгов; другие дифтонги здесь специально не рассматриваются, ибо легко разлагаются на две фонемы — гласный + сонант или сонант + гласный (например, *aj*, *aw*; *ja*, *wa*).

Нисходящие фонетические дифтонги *yj*, *ij*, *uw*, *iw*, безусловно, должны считаться бифонемными сочетаниями по следующим соображениям.

1. Существуют пары слов, различающихся благодаря замене последнего согласного компонента этих дифтонгов другим согласным. Например, замена согласного *j* или *w* на *r* дает новое слово: *kij*—*kir*, *žuj*—*žur*, *suw*—*sur*, *güw*—*gür*; замена согласных *j* или *w* на *s* также образует другие слова: *tyj*—*tys*, *tij*—*tis*, *suw*—*sus* и т. д. Твердость или мягкость первого гласного компонента имеет смыслообразительное зна-

¹ О ложных и истинных дифтонгах см.: М. И. Матусевич. Введение в общую фонетику. М., 1959, стр. 80.

² Е. Д. Поливанов. Некоторые фонетические особенности каракалпакского языка. — «Труды Хорезмской экспедиции». Ташкент, 1933; Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. II. М., 1952, стр. 51; К. Убайдуллаев. Хэзирги заман каракалпак тили. Фонетика. Нөкис, 1965, стр. 39.

³ К. Н. Menges. Qaraqalpaq Grammar, I. Phonology. New York, 1947, стр. 58; Ж. Аралбаев. Қаракалпақ тілінің дауысты фонемалары. — «Известия АН КазССР», серия филологии и искусствоведения, вып. 1—2, 1959, стр. 152.

чение, например: *tyj*—*tij*, *žyj*—*žij* и др. Таким образом, *j* и *ω* не могут в фонематическом отношении составлять вместе с предшествующим гласным единого целого.

2. При фонематической интерпретации дифтонгов необходимо иметь в виду следующее замечание Л. Р. Зиндера: «Если сочетание гласных является бифонематическим, то входящие в его состав гласные отождествляются с имеющимися в данном языке гласными, встречающимися в других звукосочетаниях, и должны вести себя в фонематических противоположениях подобно последним»⁴. Так, в словах *tyj*, *tij* выступают гласные *y* и *i*, встречающиеся и во всех других сочетаниях, например: *tys*, *tis*. Фонемы *y*, *i*, в зависимости от фонетических условий, произносятся в известной степени различно, но вариативность при этом не столь сильна, чтобы они могли смешиваться с другими фонемами. Так, слова *tyj*, *tij*, *tys*, *tis* всегда противоплагаются словам *taj*, *tas*.

3. Морфологическая граница проходит между компонентами исследуемых дифтонгов. Например, *žibi*+*j*, *iri*+*j*, *quru*+*w*, *toqu*+*w*, *ünğü*+*w*; здесь *j* — аффикс деепричастия, способный сочетаться и с другими гласными (*žasa*+*j*, *beze*+*j*), *ω* — показатель неопределенной формы глагола, также сочетающийся с другими гласными (*žasa*+*w*, *beze*+*w*).

Слова, оканчивающиеся на указанные дифтонги, принимают аффиксы с гласным началом, как и всякие слова с согласным в ауслауте. В частности, аффикс принадлежности имеет следующие варианты: *-m*, *-η*, *-sy*/*-si*—прибавляются после гласных, а *-ym*/*-im*/*-um*/*-üm*, *-yη*/*-iη*/*-uη*/*-üη*, *-y/i*/*-u*/*-ü* — после согласных, например: *aγam/inim*, *aγaη/iniη*, *aγasy/ini*/*si*; *atym/tilim/ulum/külüm*, *atyη/tiliη/uluη/külüη*, *aty/tili/ulu/külü*; после дифтонгов — *syjym/šijim/suwum*/(*güwül*), *syjyη/šijiyη/suwuη*, *syjy/šijiy/suwu*.

Таким образом, последним компонентом дифтонгов *yj*, *ij*, *uω*, *üω* являются согласные — соответственно *j* или *ω*.

5. Слоговая граница проходит внутри компонентов этих дифтонгов. Если аффикс, присоединяемый к основе на *yj*, *ij*, *uω*, *üω*, начинается с гласного, то вторые компоненты дифтонгов (*j* и *ω*) обязательно относятся к следующему слогу. Ср.: *kij*—*ki*+*jim*, *kir*—*ki*+*rim*; *tyj*—*ty*+*jym*, *tyn*—*ty*+*nym*; *suw*—*su*+*wum*, *sus*—*su*+*sum*; *güw*—*gü*+*wül*, *gür*—*gü*+*rül*. В этих примерах *j* и *ω* так же, как *r*, *n*, *s*, относящиеся к корню (*kij*, *tyj*, *suw*, *güw*, *kir*, *tyn*, *sus*, *gür*), переходят к следующему слогу. По-видимому, дифтонги *yj*, *ij*, *uω*, *üω* и сочетания *ir*, *yn*, *us*, *ür* имеют одинаковую фонематическую и фонетическую разложимость.

6. По данным осциллограмм⁵, длительность дифтонгов *yj*, *ij*, *uω*, *üω* примерно в два раза больше длительности монофтонгов *y*, *i*, *u*, *ü*. Длительность дифтонгов *yj*, *ij*, *uω* в среднем почти равна длительности несомненных бифонематических сочетаний типа *ym*, *im*, *ul*. Ср. следующие значения длительности сочетаний *гласный*+*конечный согласный* в миллсекундах:

<i>tij</i>	— 215	<i>til</i>	— 230
<i>kij</i>	— 220	<i>kim</i>	— 205
<i>šij</i>	— 190	<i>sir</i>	— 225
<i>žij</i>	— 260	<i>žin</i>	— 265
<i>tyj</i>	— 215	<i>tyn</i>	— 210
<i>syj</i>	— 210	<i>sym</i>	— 200

⁴ Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Л., 1960, стр. 220.

⁵ Полученные осциллограммы анализировались по принципу, описанному в работах: Л. Р. Зиндер. Указ. раб., стр. 130; Л. В. Бондарко. Осциллографический анализ речи. Л., 1965.

žuj	— 210	žyl	— 225
myj	— 215	myŋ	— 225
quj	— 215	qym	— 205
puw	— 230	pul	— 210
buw	— 250	bul	— 250
suw	— 170	sum	— 200
žuw	— 190	žum	— 225
uw	— 215	ul	— 260
средн.	— 215	средн.	— 224

На основе этих данных можно считать, что указанные дифтонги с точки зрения длительности состоят из двух фонем, так как «...группу звуков следует считать реализацией одной фонемы, если ее длительность не превышает длительности других фонем данного языка»⁶.

Н. А. Баскаков⁷ первым обратил внимание на тот факт, что в каракалпакском языке гласные *e*, *o*, *ö* в абсолютном начале слова представляют собой дифтонгизированные гласные фонемы, иначе говоря, гласный *e* в своем начале имеет сонантный согласный звук *j*, а гласные *o*, *ö* начинаются с сонанта *ʃ*. Е. Д. Поливанов по этому поводу пишет: «Дифтонгизацию начальных полуузких в каракалпакском языке я называю максимальной потому, что здесь (как и в казахском, а, по-видимому, и в северно-хорезмском узбекском) дифтонг *ʃe*, восходящий к начальному *e*, оказывается равным в физическом отношении не начальному комплексу *je* (исконно состоящему из двух фонем: *j+e*). Вполне параллельной к этому *ʃe* нач. *e* оказывается и степень дифтонгизации, т. е. мощность начальных элементов в рефлексах двух других начальных полуузких: *иö* нач. *ө*, *ʃo* нач. *о*»⁸. На наличие сильно дифтонгизированных гласных в каракалпакском языке указывает С. Е. Малов: «Из гласных особого упоминания заслуживают начальные полуузкие *e*, *o*, *ö*, которые дифтонгизируются и признаются как *ʃe*, *ʃo*, *ʃö*. Например, *ʃeki* 'два', *ʃol* 'он', *ʃölym* 'смерть'. В отдельных индивидуальных случаях эта дифтонгизация так сильна, что я слышал и у меня имеется в записях: *ʃeki* 'два', *ʃepe* 'мать жены' и др.»⁹.

Ж. Аралбаев отмечает, что в каракалпакском языке, по сравнению с казахским и ногайским, дифтонги *ʃe*, *ʃo*, *ʃö* сильнее выражены¹⁰.

Гласный *e* в абсолютном начале слова в исконно каракалпакских словах произносится с согласным *j*, гласные *o* и *ö* — с согласным *ʃ*, например: *jet* 'делай', *wot* 'огонь', *wöt* 'желчь'. Сочетания *ʃe*, *ʃö* встречаются также в середине (*pijet* 'цель', *süwön* 'усач') и в конце (*bije* 'кобылица', *tüwö* 'не только') слова.

В практическом алфавите каракалпакского языка дифтонг *ʃe* в абсолютном начале слова обозначается одной буквой *e*, а в середине и в конце многосложных слов *ʃe* обозначается двумя буквами — *ʃe*, например: *et* [*jet*], *niyet* [*nijet*]. В абсолютном начале слова дифтонги *ʃo*, *ʃö*, а также гласные *o*, *ö* в первом слоге после согласных обозначаются соответственно буквами *o* и *ö*. В других фонетических позициях эти буквы не употребляются (исключение составляют слова, заимствованные из русского языка, где *o* употребляется и в непервых слогах). Фонема *ö*, кото-

⁶ Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 65.

⁷ Н. А. Баскаков. Краткая грамматика каракалпакского языка. Турткуль, 1931, стр. 13, 16; *его же*. Каракалпакский язык, т. II, стр. 31—32.

⁸ Е. Д. Поливанов. Указ. раб., стр. 11.

⁹ С. Е. Малов. Заметки о каракалпакском языке. Нукус, 1966, стр. 13.

¹⁰ Ж. Аралбаев. Указ. раб., стр. 149—151.

рая возможна и во втором слоге, передается буквой *e*, например, *сүџен* [süwön], *жуџен* [žuwön]. В этих словах дифтонг *шö* передается двумя буквами — *џе*.

Поскольку каракалпакские гласные *e*, *o*, *ö* в начале слова употребляются соответственно с сонантами *j*, *w*, можно было бы рассматривать дифтонг *je* как позиционный оттенок гласного *e*, встречаемый в анлауте, а дифтонги *wo*, *wö* — как позиционные оттенки соответствующих гласных *o* и *ö*. Такого мнения исследователи каракалпакского языка придерживаются и в настоящее время. Однако подобной точке зрения противоречат следующие фонематические и фонетические факты.

1. В каракалпакском языке сонанты *j* и *w* существуют как самостоятельные фонемы, причем они употребляются и в анлауте перед гласными *a* и *ä*. Эти сонанты противопоставляются другим согласным: *jar—tar—qar*, *jäki—päki—mäki*, *waz—taz—qaz*, *wäkil—bäkir—šäkirt*. Отсутствие сонантов *j* и *w* перед гласным *a* образует новые слова (*ar*, *az*), а отсутствие их перед *ä* приводит к бессмысленным звукосочетаниям.

Возможно и такое противопоставление: *jer—ter—ker*, *wor—tor—qor*, *wör—tör—kör*. Отсутствие сонанта *j* в анлауте перед *e* и сонанта *w* перед гласными *o* и *ö* также искажает слова до неузнаваемости, не образуя при этом новых слов.

Наличие в анлауте сочетаний фонем *ja*, *jä*, *wa*, *wä*, бифонематичность которых бесспорна, позволяет рассматривать и *je*, *wo*, *wö* как бифонемные сочетания, так как «...группу звуков... следует считать реализацией одной фонемы, если она встречается в таких положениях, где по правилам данного языка недопустимы сочетания фонем определенного рода»¹¹.

2. При фонематическом анализе необходимо учитывать весь лексический состав данного языка, в том числе и заимствованные слова. «Заимствуемое произношение играет особенно большую роль в тех случаях, когда в самом заимствующем языке имеются предпосылки для соответствующего фонематического противоположения»¹².

В каракалпакском языке встречаются заимствованные из русского языка слова, в которых гласные *e* и *o* употребляются и в анлауте, противопоставляясь в этой позиции соответствующим дифтонгам *je* и *wo*, если считать их монофонемами, ср. *elektr* 'электричество' — *jelekten* 'из сита', *oblast'* 'область' — *wobal* 'грех' и др. Следовательно, *je* и *wo* нельзя считать позиционными оттенками фонем *e* и *o* соответственно, а следует рассматривать либо как самостоятельные фонемы, противопоставленные всем другим гласным, в том числе и гласным *e* и *o*, либо как сочетание двух фонем — *j+e*, *w+o*. Фонемно-фонетический анализ подтверждает правильность второго предположения.

3. Экспериментальные данные указывают на то, что каждый из названных дифтонгов состоит из двух самостоятельных звуков:

а) по данным кинофотосъемки вначале отчетливо произносится губно-губной согласный *w*, а затем уже следует гласный *o* или *ö*. Следовательно, произносятся два самостоятельных звука: *w* и *o* или *ö*;

б) аудиторский анализ, в котором участвовали шесть носителей каракалпакского языка, показывает, что сочетания фонем *je*, *wö*, употребляемые в середине слова, воспринимаются слушателями так же, как *je*, *wö*, употребляемые в абсолютном начале слова. Эксперимент проводился следующим образом: на магнитофонную ленту записывались слова типа *nijet*, *žijek*, *süwön* и др. Из них выделялись через сепаратор вторые

¹¹ Н. С. Трубецкой. Указ. раб., стр. 66.

¹² Л. Р. Зиндер. Указ. раб., стр. 67.

слоги, функционирующие в каракалпакском языке как отдельные слова — *je* 'делай', *je*к 'сей', *wö*п 'расти', и снова записывались на магнитофонную ленту¹³. Выделенные слоги воспринимались слушателями как самостоятельные слова;

в) характер кривых осциллограммы позволяет предположить, что каждый дифтонг состоит из двух звуков — сонанта и гласного, хотя между компонентами *je*, *wo*, *wö* трудно провести границу, как и вообще на осциллограммах при сочетаниях *j* и *w* с гласными.

Таблица

Слова	Длительность дифтонгов	Слова	Длительность начального согласного	Длительность гласного	Длительность начального согласного+гласный
<i>je</i> р	240	<i>je</i> р	125	120	245
<i>je</i> с	300	<i>me</i> с	130	135	265
<i>je</i> з	270	<i>be</i> с	95	160	255
<i>je</i> м	280	<i>ne</i> м	130	130	260
<i>je</i> н	350	<i>le</i> к	105	135	240
<i>je</i> л	280	<i>be</i> л	100	170	270
<i>je</i> п	260	<i>ne</i> п	140	160	300
<i>je</i> т	290	<i>že</i> т	140	180	320
средн.	284	средн.	121	149	270
<i>wo</i> т	260	<i>mo</i> л	125	150	275
<i>wo</i> қ	260	<i>lo</i> қ	120	140	260
<i>wo</i> р	240	<i>mo</i> ј	135	140	275
<i>wo</i> с	245	<i>bo</i> с	100	190	290
<i>wo</i> з	290	<i>lo</i> м	110	145	255
<i>wo</i> л	295	<i>bo</i> л	120	185	305
<i>wo</i> р	260	<i>zo</i> р	115	180	295
средн.	265	средн.	118	161	279
<i>wö</i> т	235	<i>lö</i> к	110	135	245
<i>wö</i> р	235	<i>žö</i> н	140	170	310
<i>wös</i>	210	<i>mör</i>	135	165	300
<i>wön</i>	370	<i>dön</i>	90	180	270
<i>wöп</i>	250	<i>döp</i>	60	175	235
<i>wöl</i>	360	<i>nöl</i>	110	160	270
<i>wör</i>	290	<i>gör</i>	125	180	305
средн.	278	средн.	110	166	276

Как видно из таблицы, длительность *je*, *wo*, *wö* в среднем почти равна длительности бесспорно бифонематических сочетаний типа *le*, *me*; *lo*, *mo*; *lö*, *tö* и др. Кроме того, длительность *je*, *wo*, *wö* почти

¹³ О методе выделения отдельного звука из слова см.: Л. А. Варшавский, О. Б. Глушкова. Прибор для выделения звуков из слов и звукосочетаний. — «Научно-технический сборник», вып. 3. Л., 1957; Л. В. Бондарко. О характере изменения формантного состава русских гласных под влиянием мягкости соседних согласных. — «Ученые записки ЛГУ», серия филологических наук, вып. 40, № 237, 1960, стр. 84.

вдвое превышает длительность гласных *e*, *o*, *ö*. Все это подтверждает вывод о том, что *je*, *wo*, *wö* состоят из двух фонем;

г) на спектрограммах, полученных на спектрографе типа «Видимая речь», также различаются два звука — *j* и *e*, *w* и *o* или *ö*. Высокие составляющие сонантов вообще не фиксируются на спектрограммах. Тем самым сонанты *j* и *w* отличаются от последующих гласных *e*, *o*, *ö*, имеющих высокие составляющие (форманты). Наиболее низкие составляющие (основные тона) сонантов *j*, *w* сливаются с основными тонами последующих гласных. Таким образом, на спектрограмме можно заметить два звука — согласный сонант и гласный.

Рассмотренные выше факты позволяют отнести *yj*, *ij*, *iw*, *iw* к бифонемным сочетаниям, каждое из которых состоит из гласного+согласный сонант. Фонемно-фонетический анализ говорит и в пользу того, что *je*, *wo*, *wö*, употребляемые в анлауте, также представляют собой бифонемные сочетания, первыми компонентами которых являются *j* или *w*, а вторыми — соответственно *e* или *o*, *ö**.

* При выполнении данной работы автор пользовался ценными советами М. И. Матусевич, Л. Р. Зиндера и А. М. Щербака, которым приносит глубокую благодарность.

С. Ф. МИРЖАНОВА

ТЕРМИНОЛОГИЯ РОДСТВА В ДИАЛЕКТАХ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

По особенностям терминологии родства говоры башкирского языка делятся на два больших региона: 1) северный, включающий в себя айский, аргаяшский, сальютский, миасский говоры восточного диалекта и демский, средний, каридельский говоры южного диалекта; 2) южный, куда входит ик-сакмарский говор южного диалекта, кизильский и кубалаякский говоры восточного диалекта. Между этими регионами образуются вибрационные зоны на границах среднего и ик-сакмарского, среднего и кубалаякского, кубалаякского и миасского говоров. Для указанных зон характерно проникновение отдельных терминов, таких, например, как *baĉaj* 'старший дядя', употребляемого в северо-западных подговорах южного региона, и *äsäj||äzäj* 'бабушка по отцу', распространенного в среднем, кубалаякском говорах и у токсуранских башкир.

Наиболее развитую терминологию, характерную для южного региона, имеет ик-сакмарский говор. Даже лексика кизильского говора, во многом совпадающая с лексикой ик-сакмарского говора, имеет отклонения в области терминов родства и свойства. Общими для обоих говоров являются только термины *inäj* 'старшая тетья; женщина старше отца или матери'; *äsäj* 'мать, мама'; *ataj* 'отец', *olataj* 'дедушка' и другие общепашкирские термины, общим числом около шестидесяти, представленные и в литературном языке. Основные термины родства и свойства башкир были описаны в этнографических работах С. И. Руденко¹, Р. Г. Кузеева² и в монографии Т. Г. Баишева³. Лингвистический анализ башкирских терминов родства и свойства дается в статье Х. Г. Юсупова⁴. Наиболее полная историко-этнографическая характеристика башкирской терминологии родства и свойства с указанием их основных локальных особенностей, а также сопоставительный анализ башкирской системы родства с родственными системами тюрко-монгольских народов дается в работе Н. В. Бикбулатова⁵.

¹ С. И. Руденко. Башкиры. Опыт этнологической монографии, ч. II. Л., 1925, стр. 253—256.

² Р. Г. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир, ч. I. Уфа, 1957, стр. 35—39.

³ Т. Г. Баишев. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. М., 1955. Приложение, табл. I.

⁴ Х. Г. Юсупов. Термины родства в башкирском языке. — В сб.: «Вопросы башкирской филологии». М., 1959, стр. 123—135.

⁵ Н. В. Бикбулатов. Терминология и система родства башкир. — В кн.: «Археология и этнография Башкирии», т. II. Уфа, 1964, стр. 164—175.

В настоящей статье рассматриваются диалектные особенности терминологии родства и свойства говоров южного диалекта (ик-сакмарского, демского, среднего, каридельского) в сопоставлении с говорами восточного диалекта и устанавливаются функционально-семантические значения этих терминов.

Термины родства

Kartataj, karttaj, kartaj, каридельск. **kartätäj** букв. 'старый отец, дедушка'. Этот термин родства в демском, среднем, каридельском говорах употребляется в общем значении «дедушка, отец отца и матери». В ик-сакмарском говоре значение его сужено — «дедушка, отец отца». В каридельском говоре значение этого термина почти не дифференцировано, и в полной фонетической форме **kartätäj** означает «дедушка», а в стяженной, сокращенной форме **kartaj, kartuj** — «бабушка». Ср. северо-западные и гайнинский⁶ говоры башкирского языка — **kartätäj, kartataj, karttäj** 'дедушка', **kartuj** 'бабушка', язык сибирских татар — **karttaj** 'дедушка'⁷. Лексико-семантическое значение термина **kartataj—karttaj—kartaj** развивается следующим образом: в северных говорах он частично выражает широкое понятие старшего поколения дедушек и бабушек; в говорах восточного диалекта, а также в демском, среднем говорах южного диалекта этот термин закрепляется в значении более конкретном — «дедушка». С продвижением на юг в ик-сакмарском говоре, в котором значителен кыпчакский компонент, семантика термина **kartataj** предельно суживается: «дедушка, отец отца». Таким образом, каридельский, гайнинский и другие северные говоры отражают более древнее состояние системы родства башкир.

Ölataj букв. 'старший отец', 'дедушка'. Поскольку в южном регионе кыпчакские черты выражены ярче, именно в нем употребляется термин **ölataj, öläsäj** (< **o^oo ata^j, o^oo äsäj**) — кыпч. **ulu, ullu** 'старший, большой, великий'⁸. Ср. куман. **ulu ata**, кумык. **ullata** 'дед', **ullana** 'бабушка'⁹, язык сибирских татар **öllata, kartta** 'дедушка'¹⁰, каз. **uly ata**, к.-калп. **ulu ata** 'дедушка'.

Этот термин в башкирском литературном языке, кизильском, кубалякском говорах, а также в нугушском подговоре употребляется в общем значении «дедушка». В ик-сакмарском говоре он имеет несколько значений: 1. «дедушка, отец матери»; 2. «старшие братья родителей; родственники старше родителей, но моложе дедушки и бабушки»; 3. «все остальные мужчины села старше родителей», например: **İdelbäk' ölataj** 'дед Иделбек'; 4. «уважительная форма обращения ко всем мужчинам (своим и посторонним) этого возраста», например: **Ölataj, kajdañ gilän?** 'Откуда идешь, дедушка?'.

В ик-сакмарском говоре, за исключением юшатырского и нугушского подговоров, а также в кизильском говоре восточного диалекта употребляется форма **olata** 'глава племени' и **at(a)-olata** 'предки'.

⁶ Гайнинцы — исторические башкиры, живущие на территории Пермской области.

⁷ См.: Г. Х. Эхэтов. Себер татарлары теле, ч. I. Казан, стр. 16.

⁸ См.: Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. I. М., 1951, стр. 390.

⁹ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 34.

¹⁰ Д. Г. Тумашева. Восточный диалект татарского языка и его отношение к литературному языку и другим диалектам. — В сб.: «Вопросы диалектологии тюркских языков». Казань. 1960, стр. 49.

Kässäj, kärsäj, karsäj, (<kartäsäj) 'бабушка по отцу'; **öläsäj** 'бабушка по матери'.

В ик-сакмарском говоре функционирует термин **äsäj** 'мать', входящий также в качестве компонента в обозначение поколения бабушек. При этом поколение бабушек дифференцируется по отцовской и материнской линиям: **kärsäj** 'бабушка по отцу'; **öläsäj** 'бабушка по матери'. Ср. в кизильском, кубалякском говорах — **öläsäj** 'бабушка по отцу и матери', в говоре куйбышевских (иргизских) и оренбургских (суранских) башкир — **äsäj** 'бабушка', в среднем, кубалякском говоре — **äzäj** 'бабушка по отцу'.

В кизильском говоре бытует форма **öläs** 'бабушка', являющаяся усеченной, краткой формой от **öläsäj** < **ölo äsäj** 'старшая мать'. Любопытно привести здесь барабинскую форму **ülä** 'бабушка'¹¹ и шорскую **ülö. üldze** 'бабка и ее сестры', этимология которых пока не установлена; ср. также шор. **ulda, ula** 'дед и его братья родные и боковые'¹². По В. В. Радлову: шор. **ulda, uluda**. 1. 'дедушка'; 2. 'медведь'.

Во всех остальных говорах южного и восточного диалекта выступает единый термин **kärtnäj, kartinäj** 'бабушка по отцу и матери', в каридельском и других северо-западных говорах — **kartaj, kartyj**.

Таким образом, если во всех говорах южного и восточного диалектов для обозначения поколения дедушек и бабушек употребляется только два термина **kartataj** и **kartinäj, kärtätäj** и **kartyj** или **olataj** и **öläsäj** (кизильский, кубалякский говоры), то в ик-сакмарском говоре происходит дифференциация терминов, обозначающих старшие поколения родственников, точнее, наряду с вертикальной линией классификации выделяется еще и горизонтальная — старшие родственники по матери: **karttaj** и **kärsäj** (родители отца); **olataj** и **öläsäj** (родители матери). Такая дифференциация обусловлена, на наш взгляд, тенденцией к сохранению кыпчакских терминов **olataj, öläsäj**, не характерных для большинства говоров башкирского языка.

Кроме того, в ик-сакмарском говоре отмечаются следующие термины: **olataj** (в кизильском — **ара**) — родственники и вообще мужчины старше родителей, **inäj** — родственницы и вообще женщины старше родителей. Эти термины, употребляющиеся в значениях «дядя» и «тетя», характерны для говоров южного региона. В говорах северного региона в этих значениях (см. выше значения 2, 3, 4 при слове «**olataj**») употребляются термины **babaj, äbej**. Термины **babaj, äbej** распространены в настоящее время в вибрационной зоне (юшатырском, нугушском, бурзянском, юрматынском подговорах ик-сакмарского и среднего говоров), где раньше был распространен термин **olataj**. В бурятских говорах **bābaj** употребляется в значениях: 1. «отец, папа»; 2. «старший брат»; 3. «старшая сестра»; **tō bābaj** 'дед; отец отца'; **xölšö bābaj** 'дед по матери'¹³. В каридельском говоре параллельно бытует уважительно-ласкательная форма **ak babaj** (< **ак 'белый'**) и **ay äbej**. В ик-сакмарском говоре форма с компонентом **ак** отмечается в слове **ak bārāj** букв. 'белый ребенок': **Капа k'il, акрäräj itäjem** 'Иди-ка, приласкаю тебя, как малыша' (сурянский подговор).

¹¹ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. I, СПб., 1888, столб. 1843.

¹² Н. П. Дыренкова. Родство и психические запреты у шорцев. — В сб.: «Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР». Л., 1926, стр. 260.

¹³ См.: Б. В. Магжеев. Очерки эхирит-булагатского говора. — В сб.: «Исследования бурятских говоров». Улан-Удэ, 1968, стр. 25.

Итак, система терминов родства старшего поколения в говорах южного региона имеет следующий вид:

По линии отца	По линии матери	Значение
1) karttaj/kartaj	kartaj/olataj	'дедушка'
2) karsaj/kassaj/asaj/azaj	olasaj	'бабушка'
3) olataj, apa	olataj, apa	'старшие братья и все родственники старше родителей'
4) inaj	inaj	'старшие сестры и все старшие родственницы старше родителей'

В северном же регионе каждый термин обозначает родство по обеим линиям:

- 1) karttaj, kartätaj, kättaj 'дедушка';
- 2) kartnäj, kärtnäj, kartuj 'бабушка';
- 3) babaj 'старшие братья и все родственники старше родителей';
- 4) äbej 'старшие сестры и все родственницы старше родителей'.

При этом характерна одна деталь: в мужской ветви старшего поколения по линии отца наблюдается большая устойчивость терминологии, нежели в женской. Во всех говорах башкирского языка для обеих линий употребляется один термин kartataj. Новый термин с компонентом ol- вводится в женскую линию, а также для обозначения родственников младше дедушек и бабушек. Но в икском подговоре, который находится в зоне вибраций, происходит полная четырехчленная дифференциация терминов поколения дедушек и бабушек:

По линии отца

- 1) karttaj
- 2) karsaj

По линии матери

- 3) olataj
- 4) olasaj

Asaj, anaj, äme, ämä, ämäj (южный регион); inaj, änäj (северный регион) 'мать'. В говорах нет единства терминов, обозначающих «мать». Термин asaj распространен в ик-сакмарском, кизильском, кубалыкском говорах, частично в среднем говоре — в зонах, где функционируют термины olataj, olasaj, то есть главным образом в кыпчакских говорах.

Во всех остальных говорах башкирского языка устойчиво выступает термин inaj, распространенный по всей башкироязычной территории, включая кыпчакские говоры, в значении «старшие сестры и вообще старшие родственницы родителей».

В юшатырском подговоре параллельно с asaj выступает термин änäj, соответствующий мишарскому термину anaj, твердый вариант которого в башкирских говорах не употребляется, но зафиксирован в сказке «Сүлмәк анай». Девушка-сирота, которую отец бросил в лесу, оставив ей только сүлмәк 'казанок', поет:

Sülmäg anaj,	‘Матушка казанок,
Sülmäg anaj,	Матушка казанок,
Tamakhydlyktan	Без еды
Jödänem, anaj,	Измучилась, матушка,
Jödäneң, anaj!	Измучилась, матушка!’ ¹⁴

Башкирский термин *äsä*, *äsäj*, *äzäj* в значении «мать» широко распространен и в диалектах других тюркских языков кыпчакской группы: узб. *aşa*, *äçä*¹⁵, к.-калп. *äže*¹⁶, каз. *eže* ‘матушка’¹⁷, туркм. *eže* 1. ‘мать’; 2. ‘тетя’¹⁸, алт. *iže*¹⁹, шор. *içä*²⁰, чулым. *ädzä*²¹. Этот термин находит соответствие в монгольских языках: бурят. *ezy*, *ežu*, монг. *eži*, *ež*²².

Данный термин в тюркских языках обозначает также различных старших родственниц и родственников: кирг. *eže* 1. ‘старшая сестра’ (кажупеže ‘свояченица старше жены’); 2. ‘старшая жена по отношению к младшей’; 3. ‘форма обращения к старшей женщине’²³; тув. *aža* ‘тетя’; кумык. *eçe* ‘тетка’²⁴; туркм. (ёмуд. диал.) *yağgu eže* ‘бабушка по отцу’, *ežek’e* — ‘форма обращения к старшей сестре’²⁵; алт. *aşa* ‘отец’²⁶, шор. *aşa*, *aža* ‘старшие братья, дяди’²⁷; др.-тюрк. *aşa* ‘родственник’, *äçä* (Махмуд Кашгари) ‘старшая сестра’, *eçe* ‘старший брат, дядя’²⁸. В. И. Цинциус включает данный термин в число наиболее широко представленных в алтайских языковых группах названий²⁹.

Таким образом, термин *äsäj*, *äzäj* выступает как общеалтайский. В башкирском языке он имеет чрезвычайно узкий ареал, но как специфический термин принят и литературным языком.

Äme, *ämä*, *ämäj* бытует только в южной части южного региона в языке степных тунгауров (у лесных тунгауров когда-то бытовал термин *äbä* ‘старшая сестра родителей; тетя’, ныне замененный термином *inäj*).

Данный термин восходит к урало-алтайской языковой общности. Он отмечается в тюркских (туркм. диал. *ämme* ‘мама’³⁰, чув. *ama* ‘мать’; ‘самка; пчелиная матка’³¹, алт. *emegeñ*³², кирг. *eme* ‘старуха’³³), монголь-

¹⁴ С. Ф. Миржанова. Материалы по башкирскому фольклору. — Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 23, ед. хран. 5, л. 27.

¹⁵ «Ўзбек халқ шевалари луғати». Тошкент, 1971, стр. 328.

¹⁶ Т. Бегжанов. Термины родства в муйнакском говоре каракалпакского языка. — В сб.: «Вопросы диалектологии тюркских языков». Баку, 1966, стр. 190.

¹⁷ Г. Бедалиев, Х. Махмутов, Г. Мусабаев. Краткий казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1959, стр. 36.

¹⁸ «Түркмен дилиниң сөздүги». Ашгабат, 1962, стр. 795.

¹⁹ «Грамматика алтайского языка». Казань, 1869, стр. 53.

²⁰ Н. П. Дыренкова. Указ. раб., стр. 264.

²¹ А. П. Дульзон. Диалекты татар—аборигенов Томи. — «Ученые записки Томского педагогического института», т. XV, 1956, стр. 311—397.

²² Т. А. Бертагаев. К исследованию лексики монгольских языков. Улан-Удэ, 1961, стр. 70, 92; Б. В. Матхеев. Указ. раб., стр. 26.

²³ К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1965, стр. 943.

²⁴ Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 34.

²⁵ К. Шамуратов. Западные говоры ёмудского диалекта туркменского языка. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1960, стр. 25.

²⁶ «Грамматика алтайского языка», стр. 153.

²⁷ Н. П. Дыренкова. Указ. раб., стр. 260, 261.

²⁸ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 162.

²⁹ В. И. Цинциус. Алтайские термины родства и проблема их этимологии. — В сб.: «Проблема общности алтайских языков». Л., 1971, стр. 128.

³⁰ Г. Кульманов. Геокленский диалект туркменского языка. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1960, стр. 17.

³¹ В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 25.

³² Н. А. Баскаков. Алтайский язык. М., 1958, стр. 40.

³³ К. К. Юдахин. Указ. словарь, стр. 951.

ских (бурят., монг. *em*, *eme* 'женщина, жена; самка'; *emegep* 'старуха'³⁴), тунгусо-маньчжурских (маньчж. *eme* 'мать'; *emek'e* 'свекровь', *emile* 'самка'³⁵), финно-угорских (фин. *eme* 'мать'³⁶, хант. *imí* 'старуха, бабушка'³⁷) языках.

Abzuj, aʒaj, akaj 1. 'старший брат'; 2. 'все родственники и мужчины младше родителей, но старше говорящего'. Термин *abzuj* распространен во всем южном диалекте и в северо-восточных говорах восточного диалекта. В демском и каридельском говорах отмечаются фонетические варианты *abduj*, *abžuj*.

Ареал термина *aʒaj* охватывает все говоры башкирского языка, причем активность его функционирования снижается с продвижением на север — здесь он вытесняется термином *abzuj*; но и там (в демском, каридельском и других говорах) он активно употребляется как форма обращения к собеседнику в функции вводного слова: *Муп(а)aʒaj ber eš!* 'Вот, брат, дела!', *Мупаʒajuš!* < *Мупа aʒaj eš!* 'Вот тебе на!'

В кизильском говоре кроме термина *aʒaj* бытует форма *aʒa*, употребляющаяся в сочетании с именами собственными для выражения почтения, уважения: *Hiðejät aʒa*, *Altynyuž(a) aʒa*. В кубалаякском и миасском говорах выступает диалектный вариант *akaj*. Такой же вариант с глухим согласным *k* встречается в ногайском, узбекском, тувинском, шорском языках, в языке сибирских татар, а также в древнеуйгурском языке — *aka*³⁸. Термины *aʒaj*, *akaj* в кизильском, кубалаякском говорах имеют и звательную форму *aʒuj*, *akuj*. Термин *abzuj* в последних трех говорах вообще не употребляется.

Ene, kusty, myɢða, myɢtuɢj 1. 'младший брат'; 2. 'все родственники мужского пола младше говорящего'.

В ик-сакмарском и среднем говорах выступает диалектный синоним *myɢða*, в суряньском подговоре ик-сакмарского говора — форма *myɢtuɢj*. В говорах башкирского языка *myɢða* употребляется также как компонент мужских имен: *Myɢðabulat*, *Myɢðaхан*, *Išmyɢða*. Термин восходит к титулу *miɢza*, *tuɢza*. В башкирской семье самый младший сын не выделяется из хозяйства отца, он содержит старых родителей и наследует все их имущество. Поэтому данный термин имеет и социальный смысл.

Для ик-сакмарского говора в целом характерно употребление терминов родства и особенно свойства, также связанных с титулом привилегированного слоя: *bejem*, *bik'am*, *bik'äs*.

Термин *ene*, *enek'äj*, *enek'äs* распространен повсеместно в обоих диалектах, *kusty* встречается в основном в говорах южного региона. В среднем говоре *kusty* употребляется в значении «батрак»³⁹ или «слуга»⁴⁰. В демском говоре зафиксировано значение *kusty* как форма обращения к младшему по возрасту без различия пола. Данный термин является сугубо специфическим в башкирском языке и не имеет других фонетических вариантов.

Ара, араj 'старшая сестра'. Употребляется во всех говорах башкирского языка. В кизильском и кубалаякском говорах встречается только

³⁴ Б. В. Матхеев. Указ. раб., стр. 27.

³⁵ В. И. Цинциус. Указ. раб., стр. 137.

³⁶ М. Рясянен. Об урало-алтайском языковом родстве. — «Вопросы языкознания». 1968, № 1, стр. 46.

³⁷ Н. И. Терешкин. Очерки диалектов хантыйского языка. М.—Л., 1961, стр. 134.

³⁸ «Древнетюркский словарь», стр. 48.

³⁹ «Словарь башкирских говоров», т. II. Уфа, 1967, стр. 150.

⁴⁰ Х. Г. Юсупов. Указ. раб., стр. 127.

форма арај (звательная форма аруј), поскольку ара выступает там в значении «дядя, старший родственник». В каридельском и других северо-западных говорах, где арај выступает как недифференцированный термин, обозначающий «младший брат», «сестренка», ара является единственным термином для обозначения «старшей сестры».

Heңne, hylyv, karyndaş, tuyanum 'младшая сестра'. Термин heңne, heңpek'äj, heңpek'äş в указанном значении представлен во всех говорах. Только в юго-восточной зоне ик-сакмарского говора, в кизильском, кубалякском и среднем говорах, как и в казахском, киргизском языках, значение этого термина сужается: он употребляется лицами женского пола для обозначения «младшей сестры по отношению к старшим родственницам». Мужчины в этой зоне употребляют термин karyndaş, в среднем говоре — hägentäş, в каридельском — kärentäş.

В ик-сакмарском говоре параллельно с термином karyndaş активно употребляется термин hylyv, hylyvum 'сестренка' (букв. 'красивая') как форма обращения к младшим родственникам женского пола. Данный термин в том же значении бытует и в языке сибирских татар в форме solium⁴¹. В северо-восточных говорах (аргаяшском, миасском, сальютском) он употребляется в значении 'младшая свояченица'⁴².

Hujlum, hilum, xilum, ɟujlum — весьма специфический термин с неясным значением и узкой локализацией. Он бытует в ик-юшатырской зоне и на стыке с демским говором (ɟujlum) — как форма обращения мужчины к жене своего друга или к приятельнице своей жены, то есть форма обращения мужчины к более молодой женщине. Этот термин должен иметь этимологическую связь с чувашским šälläm, šänk'äl, šänk'älläm 'мой младший брат'⁴³; фонетическое соответствие h—š является характерным для башкирского и чувашского языков, например: башк. һудуғ/һуғ — чув. šähäg 'свистеть'; һағу—şуға 'желтый'; һуғ—şуғ 'вода'. Ср. в языке чулымских тюрков siñnim 'брат моего мужа, моложе его, сын старшего брата моего мужа'; у долган hiñil 'молодой (-ая)'⁴⁴.

Таким образом, термин hujlum, hilum, xilum, ɟujlum, чув. šälläm в древних тюркских языках Поволжья, очевидно, представлял собой твердый вариант общетюркского термина siñil в недифференцированном значении 'молодой, младший'. Ср. фонетические варианты в узбекских говорах: sejne, sijni, sini⁴⁵.

С другой стороны, термин hujlum, hilum, имеющий также фонетический вариант xilum, может быть сопоставлен с азерб. hala 'тетя'; тур. hala 'тетка, сестра отца', узб. xola 'тетка со стороны матери; вежливое обращение к старой женщине'; туркм. xelej 'жена', заимствованным из арабского языка. Правда, почти все арабские и персидские заимствования такого типа обычно распространены в широком ареале или во всяком случае знакомы большинству носителей башкирского языка. Ср. duð 'друг', äxirät, kyjamatlyk/kejämätlek', äšinä/äšnä 'друг, наперсник, единомышленник, верный человек'.

Термин tuyanum (tuyanaj) употребляется в демском, каридельском

⁴¹ Д. Г. Тумашева. О некоторых синтаксических и лексических особенностях тобольского говора: — В сб.: «Памяти В. А. Богородицкого». Казань, 1961, стр. 344—346.

⁴² «Словарь башкирских говоров», т. I. Уфа, 1967, стр. 267.

⁴³ В. Г. Егоров. Указ. раб., стр. 18.

⁴⁴ Л. А. Покровская. Термины родства в тюркских языках. — В кн.: «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 33.

⁴⁵ «Узбек халк шевалари луғати», стр. 354.

говорах и в говоре сурянских и иргизских башкир в значении «младший родственник; форма обращения к людям младшим по возрасту».

Ik'ätä, ik'ätäj 'младший брат, сестренка, ласковая форма обращения к младшим'. Этот термин зафиксирован в сурянском подговоре и в других не употребляется. Лишь в среднем говоре бытует термин *igät*—лит. *ėjarsän* 'ребенок, пришедший вместе с матерью к ее второму мужу; пасынок, падчерица', несомненно, семантически связанный с термином *igät* 'приданое, богатство невесты'⁴⁶, ср. чув. диал. *jek'er* 'наследство'⁴⁷.

В древнетюркских же языках: *egät* 'женщина, которую посылают прислуживать в комнате невесты в первую брачную ночь', *egätlä* 'давать служанку, обеспечивать служанкой'; *egätlig* 'невеста' (Махмуд Кашгари)⁴⁸.

Недифференцированный термин *ik'ätäj* (<*ikä*+ласкательный аффикс *täj*) находит соответствие в диалектах каракалпакского языка: северный диал. *ük'ä* 'обращение к младшему в семье (как к мальчику, так и к девочке)'⁴⁹, в говорах узбекского языка: *uk'a/uk'ä/ük'ä* (карлукские, кыпчакские, огузские) 1. 'младший брат'; 2. 'форма обращения к младшим по возрасту'⁵⁰.

Ul, ulan 'сын'. В ик-сакмарском говоре, как и во всех говорах южного и восточного диалектов, термин *ul* выступает в значениях 1. «сын»; 2. «внук». Форма *ulan* в диалектах самостоятельно употребляется редко. Она зафиксирована в говорах в сложных словах и словосочетаниях в значении «дитя», например, средн. *ulan arty* 'плацента'; *ulan aldy* 'воды'; айск., средн. *ulan jatkylyuu*, нугуш. *ulan jaŋtyuu/jaŋahu* 'плацента в утренний период'; демск. *ulan akyly kerev* 'впасть в детство', кизил. *ulan birgehe* 'воды (предродовые)'.

Лишь в северо-западных говорах *ulan* употребляется самостоятельно в значении «дитя», например: *Üt, ulanum!* 'Пройди, дитя мое!'. Ср. мишарское *olan* в том же значении⁵¹.

Однако форму множественного числа образует повсеместно лишь термин *ulan*, заключающий в себе значение обобщенной множественности: *ulanar, ulandar* (а не *ullar, uldar*). Форма *ullar* чаще употребляется в конкретном значении «их сын», например: *Berđäm ber ullary ägtejälä* 'Единственный их сын в армии'.

Ulaparum! — форма ласкового обращения к сыну. Зафиксирован в среднем говоре. Этимология не ясна, но возможна предположительная реконструкция. Если это слово не иноязычного происхождения, то оно должно быть сложным, причем первый компонент его — *ul*, а не *ulan*, поскольку в башкирском языке возникновение геминат связано главным образом с ассимиляцией согласных. В данном случае сонорный *n* перед *r* не может полностью ассимилироваться, а только переходит в *m* (*ulam-rar*). При этом совершенно необъясним компонент *-rar*. С учетом того, что в аргаяшском говоре отмечено ласкательное слово *alparum*—*tolparum*, рассматриваемый термин можно расчленить следующим образом:

⁴⁶ «Словарь башкирских говоров», т. I, стр. 69.

⁴⁷ Л. П. Сергеев. Диалектологический словарь. Чебоксары, 1968, стр. 16.

⁴⁸ «Древнетюркский словарь», стр. 165.

⁴⁹ У. Д. Доспанов. О некоторой близости терминологии родства у каракалпак и башкир. — В сб.: «Археология и этнография Башкирии», т. IV. Уфа, 1971.

⁵⁰ «Узбек халқ шевалари луғати», стр. 355.

⁵¹ «Диалектологический словарь татарского языка», стр. 326.

ul-alp-ar. Слово alpa⁵² в фольклоре означает «богатырь». В слове же ulalpaг 'сын-богатырь' второй сонант / перед закрытым слогом должен был выпасть или ассимилироваться: ulappaг.

Toŋkoš bala 'первый ребенок'. Термин бытует в нугушском подговоре, а также в восточных говорах: аргаяш., салъют., миас. toŋyoš 'первенец', ср. к.-калп. tuŋyuš 'первенец'⁵³; tuŋyuš muxabbat 'первая любовь', кирг. tuŋ||tuŋyüç 'первенец'⁵⁴.

Bäräj, bäpes, bäps, tänäj 'ребенок'. Во всех говорах южного диалекта термин имеет форму bäps, в демском же бытует форма bärek'äs. В говорах восточного диалекта ему соответствует bäräj, в аргаяшском, кизильском, кубалаякском параллельно употребляется tänäj. В северо-западных говорах, в айском, демском и отчасти в среднем встречается фонетический вариант bābāj. От этого термина образуется глагол: bāpes-lä, bārājđä, tänäjđä 'родить ребенка'.

Термины свойства

Для всех говоров башкирского языка существуют единые термины свойства как по мужской, так и по женской линии. Только в ик-сакмарском говоре в этом отношении наблюдается некоторая дифференциация.

Bej, bėjem 'свекровь'; bėjem, bėjëtem 'свекровь моя'; käjnä 'теща'. Во всех говорах, за исключением ик-сакмарского, для обозначения свекрови и тещи существует один термин käjnä. Ср. в языке крещеных ногайбаков и мишарей bijem 'свекровь'⁵⁵; тат. лит. biapa 'свекровь', biata 'свекор', biaya 'старший брат мужа'; чув. räjanam 'свекровь', räjatam 'свекор', räjaham 'деверь'⁵⁶. В ик-сакмарском говоре существуют также следующие два термина:

Bik'ä 'старшая сестра мужа'; ср. в нукратском говоре татарского языка bik'äm в том же значении⁵⁷.

Kajmbikä, käjmbik'ä, kämbik'ä 'старшая сестра жены'. Во всех остальных говорах башкирского языка в обоих значениях выступает единый термин — kajmbikä.

Bikäs, kajñheŋne, käjñheŋne, kajñdeŋne, käjñdeŋne 'золовка, младшие родственницы мужа по отношению к его жене'. Термин bikäs употребляется в ик-сакмарском говоре. В остальных говорах южного диалекта используется kajñheŋne с вариантами. В говорах восточного диалекта в этом значении выступает термин кудбаг букв. 'девушки'. При обращении образуется форма кудбагум. В миасском говоре проводится возрастная дифференциация термина: самую старшую по возрасту золовку называют huлув, следующую за ней — капуš, самую младшую — кудбагум. Термин капуš в киргизском⁵⁸, языке сибирских татар⁵⁹ означает «ханша, жена хана». Любопытно значение шорского термина капај 'младший брат'⁶⁰.

⁵² Из эпоса «Алпамыш», записанного автором в д. Салихово Кугарчинского района в июне 1971 г. от информатора Байгазаковой Нагмы, 56 лет. — В кн.: «Башкорт халык ижады», т. II. Уфа, 1973.

⁵³ «Каракалпакско-русский словарь», М., 1958, стр. 654.

⁵⁴ К. К. Юдахин. Указ. словарь, стр. 767.

⁵⁵ «Диалектологический словарь татарского языка», стр. 84.

⁵⁶ В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 152—153.

⁵⁷ «Диалектологический словарь татарского языка», стр. 85.

⁵⁸ К. К. Юдахин. Указ. словарь, стр. 341.

⁵⁹ Д. Г. Тумашева. Көнбатыш Себер татарлары теле. Казан, 1961, стр. 147.

⁶⁰ В. В. Радлов. Указ. словарь, т. II, стлб. 109.

Käjneš, käjne, käjenne (<kajn-ene) 'шурин, младшие родственники мужа и жены по отношению к ним'. В говорах восточного диалекта помимо k'äjne, käjenne выступает термин täpäj, но значение его различно. В кизильском, аргаяшском, кубалаякском говорах он означает: 1. 'ребенок', отсюда täpäjďä 'родить, разродиться'; 2. 'форма обращения к детям и к молодым'. В форме täpä этот термин зафиксирован в салютском говоре в значении 'сестренка, младшая сестра'.

Baldyđ 'свояченица, младшие родственницы жены по отношению к ее мужу'. В этом значении термин употребляется во всем южном регионе и принят как литературная норма.

В говорах восточного диалекта (айский, миасский, салютский) значение термина baldyđ (baldyθ, balduθ) расширяется: 1. 'свояченица', 2. 'шурин'.

Таким образом, в ик-сакмарском говоре термины свойства по женской и мужской линии представляют следующие пары:

1) kajny	<ul style="list-style-type: none"> 'свекор' ————— bejem 'свекровь' 'тесть' ————— käjnä 'теща'
2) kajpaуа	<ul style="list-style-type: none"> 'старший брат мужа' — jengä 'его жена' 'старший брат жены' — käjnjengä 'его жена'
3) kajnjeđnä	<ul style="list-style-type: none"> 'ее муж' ————— bik'ä(m) 'старшая золовка' 'ее муж' ————— käjmbik'ä 'старшая свояченица'
4) k'ejäv	<ul style="list-style-type: none"> 'зять' ————— bik'äs 'младшая золовка' 'зять' ————— baldyđ 'младшая свояченица'
5) käjneš	'шурин', 'его жена' ————— k'ilen 'сноха'

Из приведенного видно, что дифференциация терминов свойства здесь происходит так же, как и в терминах родства, — по женской линии.

В настоящее время форма вежливого обращения bejem, bik'äm стабилизируется в неразложимую, устойчивую основу, к которой может прибавляться вторичный аффикс притяжательности: bejemet 'моя свекровь', bik'ämet 'моя золовка'.

Термин bej, помимо татарских говоров, бытует в тувинском языке: beg 'свекор', 'деверь'; термин bijk'e, bijk'eš обозначает ласкательное обращение к девочке, девушке; в языке сибирских татар pigä⁶¹ 'золовка', каз. bikeš 'девушка', в каракалпакском языке bijk'e 'золовка, старшая сестра мужа', bijk'eš 'золовка, младшая сестра мужа'⁶².

Abyška, baj, ig 'муж в зрелом возрасте'. Молодых мужей и жен в течение нескольких лет называют kejäv 'жених' и käläs 'невеста'.

Наряду с литературной формой ig в южном регионе выступает термин abyška 'мужик' с некоторым пренебрежительным оттенком, например: Abyškaŋ ɣajba gitk'än? 'Где твой мужик?' Встречаются также сло-

⁶¹ Д. Г. Тумашева. Көнбатыш Себер татарлары теле, стр. 180.

⁶² Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. I, стр. 328.

восочетания *abyška-ig*, *abyška-gejäv* 'ранее женатый, вдовец'. Ср. в языке сибирских татар *abyška* 'старик, дед'⁶³.

Термин *baj* 'муж; глава семьи' бытует в сакмарском и сурянском подговорах.

Arhyn, ардун, affyn, afyn 'жены родных братьев по отношению друг к другу'.

Avbava, авбаһа, убава, üdäüšk'ä, jätim xatyn, tol xatyn 'вдова'. Заимствованный термин *ubava* показывает, что это понятие является вторичным, возникшим в говорах башкирского языка в сравнительно позднее время.

Итак, по терминологии родства и свойства говоры башкирского языка делятся на два региона, границы которых не совпадают с границами известных диалектов: 1) южный регион, включающий весь ик-сакмарский, кизильский, часть кубалаякского и юго-восточную часть среднего говора; 2) северный регион, включающий северную часть среднего говора, демский, каридельский говоры и все говоры восточного диалекта (айский, аргаяшский, салъютский, миасский).

Термины северного региона в том или ином значении функционируют на территории всех говоров башкирского языка. Что же касается терминов южного региона, то они не имеют распространения в говорах северного региона и локализируются в собственных пределах (*äsäj, ämäj, kärsäj, öläsäj, ölataj, тугда, bejem*).

Характерные термины северного региона (*kartataj, kärtnäj, babaj, äbej* и др.) отмечаются в качестве диалектных особенностей в языке сибирских татар, мишарском диалекте, а также в ряде смежных говоров татарского языка, что свидетельствует об их древних территориальных контактах с башкирским языком. Отсюда следует и другой вывод. Поскольку термины родства северного региона охватывают всю башкироязычную территорию и распространяются на упомянутые соседние языки, перекликаясь также с диалектными терминами татарского и чувашского языков, можно утверждать, что термины северного региона отражают специфику древней системы родства башкир.

В южном же регионе большинство сугубо диалектных терминов связано с восточными тюркскими языками и восходит к языкам алтайской и урало-алтайской общности.

В терминах южного региона нашли яркое отражение особенности кыпчакских языков, имеющие узколокальное распространение. В этом отношении говоры южного региона имеют много общего с говорами каракалпакского языка. Ср. к.-калп. *ulu ata* 'дед', *äže* 'мать', 'бабушка', *кагундаш* 'младшая сестра', *käjen, тугзауа* 'младший брат мужа, деверь', *tul katyn* 'вдова', *bijkeš* 'младшая золовка' и др.⁶⁴

В говорах южного региона наблюдается более дифференцированная терминология родства и свойства. При этом большее число диалектных вариантов приходится на термины женской линии.

В терминах же, обозначающих младших родственников, четкого разделения по мужской и женской линиям не проводится; здесь употребляются общие термины безотносительно к полу (*ik'ätäj, hylyv, туһанум, tänj, baldıф* и т. д.).

⁶³ Д. Г. Тумашева. Көнбатыш Себер татарлары теле, стр. 97.

⁶⁴ Т. Бегжанов. Указ. раб., стр. 189—194.

РЕЦЕНЗИИ

«„РУСТАМХАН“. УЗБЕКСКИЙ ГЕРОИКО-РОМАНИЧЕСКИЙ ЭПОС. ТЕКСТ И ПЕРЕВОДЫ»*

Предпринятое Институтом мировой литературы им. А. М. Горького издание серии «Эпос народов СССР» осуществляется при творческом сотрудничестве с академиями наук союзных республик и носит научный характер. Публикации включают текст на языке оригинала и его перевод, выполненный с максимально возможной адекватностью (сохраняются поэтические особенности оригинала, образная система, ритмические особенности стиха в русском звучании и т. п.), краткое исследование (историческая оценка и художественная характеристика), комментарии, подтекстовые примечания и терминологический словарь (разъяснение имен, географических названий, терминов, оставленных в тексте без перевода). Доминирующее место в серии занимает эпос тюркоязычных народов СССР — узбеков, туркмен, каракалпачков, казахов, киргизов, башкир, азербайджанцев, татар, якутов, алтайцев, хакасов, карачаевцев, балкарцев и др. В подготовке этой группы памятников эпического наследия принимают участие опытные тюркологи-эпосоведы, научные сотрудники ИМЛИ И. В. Пухов, А. С. Мирбадалева, Н. В. Кидайш-Покровская. Главный редактор серии — А. А. Петросян. Уже вышли в свет первые книги серии: туркменский романтический эпос «„Хурлукга и Хемра“—„Саят и Хемра“», «Украинские народные думы» и рецензируемый узбекский героико-романтический эпос «Рустамхан».

В узбекском народно-поэтическом творчестве преобладает жанр дастана. Записано и большей частью опубликовано более 200 сюжетов, среди которых и сказания о богатырях: Алпамыше, Гоголы, Авазхане,

Кунтугмыше и многих других. Некоторые из этих сказаний составляют большие циклы: например, дастаны цикла «Гоголы» насчитывают более 50 сюжетов. Дастану «Рустамхан» предшествуют еще два дастана — «Мурадхан» и «Султанхан», посвященные деду и отцу Рустама. «Рустамхан» распадается, в свою очередь, на три самостоятельных сюжета. Таким образом, сказания о богатыре Рустаме (пять дастанов) составляют особый цикл. Записаны и изданы только два дастана из этого цикла — «Мурадхан» и «Рустамхан».

«Мурадхан» — распространенный у многих народов Ближнего Востока и Средней Азии традиционный дастан волшебного-фантастического содержания. Основу его сюжета составляет история влюбленных, которым, для того чтобы соединиться, приходится преодолевать многие трудности и совершать подвиги. В этом дастане нет характерных для героических дастанов батальных сцен, как, например, в «Алпамыше», «Героглы»-«Кероглы» и других, где персонажи совершают героические поступки во имя защиты рода, племени или союза племен.

Основная фабульная линия дастана «Мурадхан» сводится к следующему. Умирает престарелый шах, и его сын Мурад, чтобы прокормить себя и семью, вынужден трудиться. В соответствии с традицией для избрания нового шаха выпускают птицу, которая садится на голову Мурада, и он становится правителем страны. Теперь он — Мурадхан. Однажды на охоте Мурадхан встречает пери (волшебную диву), влюбляется и женится на ней. Однако в первую же брачную ночь, во время сна мужа, пери покидает его дом и уходит в далекую сказочную страну. Мурадхан отправляется на ее поиски. Пережив множество приключений, Мурадхан неожиданно встречает дива (фантастическое существо), погруженного в глубокий сон. Овладев душой дива, Мурадхан хочет лишить его жизни, но див молит героя о пощаде.

* Перевод Н. В. Кидайш-Покровской и А. С. Мирбадалевой. Составитель, автор исследования и комментарий Н. В. Кидайш-Покровская. М., изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1972, 331 стр.

Мурадхан шадит дива. После этого они дают друг другу обет верности и дружбы. Див отдает Мурадхану свою волшебную лошадь, на которой тот добирается до страны, где скрылась пери, похищает ее и при помощи того же дива возвращается обратно. Это типичный для дастанов сказочный любовно-приключенческий сюжет. Лишь небольшой эпизод борьбы героя с Кираншахом, отцом пери, преследующим влюбленных, отдаленно напоминает героические дастаны. В этом эпизоде Мурадхан один одолевает своих многочисленных преследователей и увозит девушку.

Несколько иного характера другой дастан этого же цикла — «Рустамхан», жанр которого определен автором исследования Н. В. Кидайш-Покровской как героико-романический. Экспозиция его также традиционна: «В древние времена в вилайете Акташ¹ жил Султанхан, у которого было три жены, и у всех трех не было детей...». По совету старейшин и вельмож Султанхан совершает намаз и вымалчивает у бога сына, которого называют Рустамхан, в честь легендарного героя «Шахнаме» — Рустама. Но одно обстоятельство омрачает радость хана: новорожденному суждено дожить лишь до 14 лет². Чтобы не быть свидетелем смерти своего единственного сына, Султанхан отправляется на 14 лет в странствие и передает правление младшей жене, матери новорожденного. Когда мальчику исполняется семь лет, мать приглашает учителя, который уединяется со своим учеником (в дастане — в подземелье) и приступает к его воспитанию. Когда проходит еще семь лет, соперницы царицы решают убить ее и сына. Для этого они приглашают злую старуху, которая составляет письмо-донос на имя Султанхана, обвиняя его жену-царицу в неверности. Поверив навету, Султанхан посылает вперед палачей с приказом повесить жену, а затем со своей свитой возвращается в Акташ и сам. Палачи не успевают совершить казнь. Четырнадцатилетний сын, предупрежденный верной служанкой, спасает мать. Они скрываются от Султанхана. До этого момента дастан можно считать выдержанным в какой-то мере в духе героического эпоса, хотя героизм, проявленный Рустамханом во имя спасения матери, носит частный характер, определяется личными побуждениями и не может служить основанием для отнесения этого дастана к героическим.

Далее следует рассказ о втором подвиге Рустамхана — о битве с драконом. Дракон

грозит уничтожить город. Чтобы спасти его, жители соглашаются ежедневно приносить в жертву дракону по одной девушке. Наступает очередь дочери хана. Ее приводят в условленное место и оставляют на растерзание дракону. Рустамхан случайно встречает обреченную на смерть девушку, вступает за нее и убивает дракона. Этот эпизод содержит, несомненно, элементы героического эпоса: героизм богатыря спасает жителей города от гибели. Однако причиной, побуждающей героя вступить в поединок с драконом, служит не судьба города, обреченного на гибель, о чем герой даже не подозревает, а желание спасти от смерти любимую девушку, то есть, как и в дастане «Мурадхан», побудительной причиной является личный мотив. Этот сюжет хотя и сближает дастан с богатырской сказкой, однако волшебнo-фантастический элемент и любовно-приключенческие коллизии поданы здесь в духе, характерном для жанра дастана.

Сюжет этого дастана и дальше во многом напоминает сказку. Хан узнает о спасении дочери и уничтожении дракона. Он выдает свою дочь за ее спасителя. Жена хана — мать юноши-героя скрывается в заброшенном дворце-крепости, вдали от города. В отсутствие ее сына в крепость проникает старуха-служанка, оклеветавшая царицу. Она заточает царицу в подземелье, а сама принимает ее облик. Когда возвращается Рустамхан, злая старуха в облике его матери освобождает заключенного в крепости дива и велит ему убить юношу, предварительно ослепив его. Див, убедившись в коварстве старухи, убивает ее самое и освобождает уже ослепленного юношу. Рустама спасает от гибели в подземелье его возлюбленная Офтобой.

Султанхан, отец юноши, раскаявшись в содеянном, облачается в одежду каландара (странствующего монаха) и отправляется на поиски жены и сына. Они встречаются в той же крепости. Царя прощают, и вся семья возвращается в Акташ. Султанхан предлагает свой трон сыну, но Рустамхан не соглашается на это, заявляя, что он — богатырь.

Сюжет дастана «Рустамхан» едва ли можно квалифицировать как героический. Отдельные героические эпизоды, как уже указывалось выше, носят частный (личный) характер. В основу дастанов «Мурадхан» и «Рустамхан» легли легенды и предания огузов и кыпчаков. Это особенно хорошо прослеживается в отдельных эпизодах и сюжетных деталях: в дастане «Мурадхан» див Афсар несколько суток подряд спит непробудным сном. Богатырским сном наделены все герои тюркоязычных эпических памятников, например, Салор-Казан из «Книги моего деда Коркута», Манас из одноименного киргизского эпоса и др. В дастане «Рустамхан» жители города Бужила ежедневно приносят в жертву дракону по од-

¹ Мурадхан — герой одноименного дастана, также был правителем Акташа.

² Аналогичный мотив находим в туркменском романическом дастане «Хурлукга и Хемра». — См.: «Хурлукга и Хемра» — «Саят и Хемра». М., 1971, а также нашу рецензию на это издание («Народы Азии и Африки», 1973, № 1, стр. 208—210).

ной девушке. В «Книге моего деда Коркута» огузы каждый день отдавали циклопу Дегегёзу на съедение двух юношей и т. п.

Рецензируемое издание дастана «Рустамхан» включает обстоятельное введение, узбекский текст дастана, подтекстовые примечания, комментарии, глоссарий. В приложении приводится описание вариантов. Узбекский текст записан от известного сказителя Фазиля Юлдаш оглы Х. Т. Зарифовым. Запись отличается большой точностью; в ней бережно сохранен и традиционно-народный характер текста. Это обстоятельство отмечается нами особо, потому что многие записи фольклорных текстов того периода (конец 30-х гг.) страдают серьезными недостатками: неоправданными купорами, предельной модернизацией, чрезмерной социологизацией, искажающими первооснову и затрудняющими ее изучение и восстановление. Кропотливую работу проделал Х. Т. Зарифов и при подготовке текста к печати. Успешно преодолены и различные полиграфические затруднения, неизбежно возникавшие при издании этого сложного фольклорного произведения. Читатель и прежде всего исследователь получили полноценный текст прекрасного эпического памятника.

Огромные трудности преодолели и переводчики дастана Н. В. Кидайш-Покровская и А. С. Мирбадалева. Они добились, как уже отмечалось, максимальной адекватности перевода, сохранив при этом стилистические особенности языка памятника и его национальный колорит. Для передачи сложных языковых особенностей, афоризмов, идиоматических выражений переводчики в большинстве случаев пользовались русскими эквивалентами. Отдельные непереводаемые слова оригинала объяснены в подтекстовых примечаниях, а также в приложенном к книге глоссарии.

Вводная статья Н. В. Кидайш-Покровской представляет собой по существу большое исследование (стр. 8—82). Автор касается целого ряда проблем, связанных с исследуемым дастаном. Во вступительной части своей работы она сообщает краткие сведения об истории сюжета и имени героя, совпадающего с именем легендарного богатыря эпопеи Фирдоуси «Шахнаме», подвигам которого посвящены фольклорные произведения многих народов. Н. В. Кидайш-Покровская правильно отмечает, что Рустам узбекского дастана не имеет ни прямых, ни косвенных связей с героем иранской эпопеи. Совпадение же имен героев этих совершенно различных памятников автор объясняет популярностью имени Ру-

стама у народов Ближнего и Среднего Востока и Средней Азии.

Вполне убедительно установлены хронологические рамки возникновения эпоса «Рустамхан»: «...дастан „Рустамхан“ мог сложиться в окончательной своей редакции не ранее XVI—XVIII вв.». Именно в эпоху существования узбекских ханств (XVI—XVIII вв.) особенно интенсивно создавались романтические дастаны. Не вызывает возражений и локализация основных эпизодов дастана на территории нынешней Самаркандской области. В качестве подтверждения Н. В. Кидайш-Покровская ссылается на совпадения географических названий в дастане (Акташ, озеро Чархи) с географическими названиями, встречающимися в окрестностях Самарканда. В пользу такого утверждения свидетельствует еще один существенный довод: именно в Самаркандской области в наибольшей степени наблюдалось взаимопроникновение узбекского (тюркского) и таджикского (иранского) фольклора, что нашло свое отражение в дастане «Рустамхан».

Большую научную ценность представляет также обстоятельный анализ содержания и поэтики памятника. Н. В. Кидайш-Покровская убедительно объясняет весьма запутанные сюжетные ситуации, переплетение легендарно-фантастических коллизий с реальностью, убедительно анализирует систему образов, проявляя при этом широкую эрудицию, глубокое знание предмета и, конечно, языка оригинала.

Впервые изучив дастан и его варианты в сопоставительном плане, Н. В. Кидайш-Покровская приходит к выводу, что именно в варианте Фазиля Юлдаш оглы героические подвиги Рустама получили окончательное завершение. Рустам, по ее словам, приобрел «гиперболические черты, характерные для богатыря узбекских богатырских сказок и героического эпоса». Тем самым автор вносит весьма важную поправку в существующую в узбекском эпосоведении классификацию, в соответствии с которой все варианты дастана «Рустамхан» считаются героическим или героико-романтическим эпосом. Суждения и выводы автора введения в каждом отдельном случае основаны на конкретном анализе, логичны и вполне убедительны.

Издание памятника «Рустамхан» в серии «Эпос народов СССР» заслуживает всяческого одобрения и, безусловно, с интересом будет встречено широкой научной общественностью и любителями фольклора.

Х. Короглы

HADZY MEHMED SENAI Z KRYMU.
HISTORIA CHANA ISLAM GEREJA III*

В 1971 году Государственное научное издательство в Варшаве выпустило в свет турецкий текст «Истории хана Ислама Гирея III», написанной автором по имени Хаджи Мехмед Сенай из Крыма с польским переводом и комментариями. Содержание «Истории» касается событий первых лет правления и боевых походов крымского хана Ислам Гирея III в 1644—1651 гг. Это важный источник сведений по истории Северного Причерноморья середины XVII века. В описании походов на Польшу имеется немало ценного материала по тюркской топонимии Крыма и Украины, старательно обработанного и расшифрованного З. Абрахамовичем, который в обширном вступлении к публикации этого интересного литературного памятника крымских татар привел краткие сведения об авторе хроники и ее источниках, охарактеризовал условия создания и композицию сочинения.

Значительная часть вступления посвящена вопросам истории и географии, нашедшим отражение в хронике Сенай. З. Абрахамович расценивает хронику как ценный источник по истории Польши и казачества, ибо она, излагая события с точки зрения крымского историка, содержит дополнительные сведения по данному вопросу. При этом З. Абрахамович много внимания уделяет тщательному топонимическому исследованию маршрутов трех татарских походов на Польшу в 1648—1649 гг.

Топонимический материал в хронике зафиксирован при помощи арабской графики, как известно, довольно плохо отражающей вокализм, а в отдельных случаях и консонантизм других языков. В связи с этим для идентификации топонима и обоснования его привязки к местности З. Абрахамович должен был привлекать множество разноречных источников. Последние, взаимно дополняя друг друга, способствуют расшифровке фонетического состава топонимического наименования и его этимологизации. Раздел состоит из серии изящных и в то же время обстоятельных топонимических этюдов, объединяемых маршрутом похода.

В качестве примера можно сопоставить этимологию названия реки *Кичкас* в рецензируемой книге (стр. 51—52) со следующей — семантически экстравагантной и лаконичной — этимологией этого же названия: «*Кичкас* (л. п. Днепра, Маштаков Днепр, 83) еще Фасмер правильно протимологизировал

как тюрк. *küçük as* 'малый ясин, осетин'¹. З. Абрахамович на основании форм *Koszkosz*, и *Koszkowego przewozi*, *Kuszkas(s)ow*, *Kuszkosow* в европейских источниках XVI—XVII вв. выделяет в качестве второй части названия тюркский термин *suw* (*su*) 'вода, река'², а первую часть отождествляет с тюркским географическим термином *qasqa*, производным от прилагательного со значением «лысый» или существительного со значением «лысина» и т. п.: др.-тюрк. *qasqa* 'белая отметина на лбу животного' и в географическом названии *Qaşqa Vuğu*; карач.-балк. *qaşqa* 'белое пятно на лбу'; полонецк., бараб., шорск., татар., чагат. *qaşqa* 'лысый, плешивый' (бараб.), 'лысина', 'белое пятно на лбу лошади' (Радлов, II, 394—395), кумык. *qaşqa* 'отметина (на лбу у животного)'; татар. *qaşqa* 'звездочка, белая отметина на лбу (животного)'; башк. *qaşqa* 'лысин(к)а, проточина, белая полоса или пятно на лбу (у животных)'; узб. *qaşqa* 'белая отметина на лбу у животного, звездочка'; новоуйг. *qaşqa* 'с белой отметкой на лбу (о животных)', 'лысина'; иронич. 'известный человек'; киргизск. *qaşqa* '(о животных) лысый, с белой отметиной на лбу; со звездочкой на лбу', 'чистый, прозрачный' [(*kök*) *qaşqa* *suu* 'прозрачная вода'], истор. 'глава племени, предводитель', '(о молодухах и девушках) дерзкая и напористая; нескромная; смелая, мужественная'; хакасск. *hasxa* 'белолобый'; казах., сагайск., койбалыск. *qasqa* 'белое пятно на лбу лошади', казах. 'лысый' (возможно, сюда же относится казах. *qasqa* 'сильный, геройский, страшный', Радлов, II, 352), казах. *qasqa* 'лысый (о человеке и животных)', с белой отметиной (полоской) на лбу', 'несчастный, бедный', каракалп. 'с белым лбом (о животных)', 'бедный, несчастный; неудачник'; ногайск. *qasqa* 'лысин(к)а, белая полоса на лбу (у животных)', 'несчастный, бедный, обиженный судьбой; жалкий, достойный сочувствия; неудачник'; чувашск. (из татарск.?) *kuşka kukşa* 'лысый, плешивый; плешь, лысина; парша'; отсюда марийск.: бирск. *kokşa* 'лысый; парша, короста', царевкокшайск. 'пле-

¹ О. Н. Трубачев. Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М., 1968, стр. 218. Вариант *Кочкаска* у О. Н. Трубачева (стр. 125) трактуется как особое название и для этимологизации не привлекается, тем более что он не гармонирует с принятой у О. Н. Трубачева этимологией.

² Таково же, вероятно, происхождение конечного согласного в некоторых названиях рек Украины на -с, что не привлекло еще должного внимания (см.: О. Н. Трубачев. Указ. раб., стр. 218—219).

* Tekst turecki wydał, przełożył i opracował Zygmunt Abrahamowicz. Uzupełniający komentarz historyczny — Olgierd Górka i Zbigniew Wójcik, pod redakcją naukową Zbigniewa Wójcika. Warszawa, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1971.

шивость'; горн. *kakxša* 'струп', удмуртск. *kaška* (Рясянен, MSFOu, 48, 146), персидск. *qašqa* 'звездочка, животное со звездочкой; знак секты и касты у индусов'; татск. *qašqa* 'с пятном на лбу'; ягнобск. *qašqō* 'животное, имеющее белую отметину на лбу' (Doerfler, TME, III, 479, № 1495). Бессуффиксная форма сохранилась в специализированном значении у тофаларов: *haš* 'голый, безволосый (о шкуре)', ср. тув. *xaš* 'выделанная тонкая кожа'. Правда, З. Абрахамович приведенные здесь формы и значения тюркского прилагательного *qašqa*, *qašyu* не рассматривает, а все свое внимание сосредоточивает на не вполне закономерной с точки зрения тюркской сравнительной фонетики киргизской форме *qašqa* 'белое пятно на лбу лошади', отмеченной лишь В. В. Радловым (II, 341), но не приведенной в «Киргизско-русском словаре» К. К. Юдахина. В своем письме автору рецензии от 12 декабря 1971 года К. К. Юдахин писал: «В свой словарь я не поместил *качка* потому, что все мои попытки установить такую форму не дали положительного результата... Короче говоря, форму *качка* советую пока не принимать за норму».

Исходить из сомнительного киргизского *qašqa*³ не позволяют также не вполне понятные колебания вокализма первого слога: *a~o~и~y* (*i*). Но в целом мысль о связи названия *Кичкас* и т. п. с тюркским географическим термином *qašqa*⁴ представляется правомерной и плодотворной. Зага-

³ Сам З. Абрахамович указывает на редкость формы *qašqa* (стр. 52).

⁴ О данном термине писали довольно много: А. И. Попов. Из истории лексики языков Восточной Европы. Л., 1957, стр. 61—65. Автор не всегда строго соблюдает требование сравнительно-исторического метода сопоставлять сначала формы внутри языковых семей и лишь в последующем переходить к внешнему сравнению. Поэтому не все предположения А. И. Попова могут считаться основательными, особенно в тех случаях, когда они базируются на сопоставлении исключительно современных языковых фактов. Однако собранный автором материал заслуживает внимания (при условии критического к нему подхода); Э. М. Мурзаев, В. Г. Мурзаева. Словарь местных географических терминов. М., 1959, стр. 13—14 и 106; Э. М. Мурзаев. Географическая семантика некоторых тюркских топонимов. — В кн.: «Ономастика Поволжья». Ульяновск, 1969, стр. 101—102; С. Караев. Географические термины в зоне контактирования узбекского, киргизского и таджикского населения. — В сб.: «Местные географические термины». М., 1970, стр. 190; ср. также: М. Р. Федотов. Марийские заимствования в чувашском языке. — «Советское финно-угроведение», 1965, № 4, стр. 260 (№ 18). Известен также этноним *кашка*(*u*) (см.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. VII. М., 1971, стр. 503—504).

дочная же киргизская форма *qašqa* могла возникнуть, например, из неточно понятого и истолкованного сочетания *qašyu at* (фонетически *qašqat*) 'беглый, постоянно убегающий конь', особенно, если подобный конь в какой-то ситуации также мог иметь отметину на лбу.

Но если принять во внимание, что лабиализация гласного *a* в начальном слоге (*a > o > u*) характерна для современного чувашского языка — единственного сохранившегося болгарского диалекта, — то объяснение странного соответствия *š ~ č* также следует искать на болгарской почве. Общотюркскому *š* здесь соответствует обычно *l* (болгарский ламбдаизм) или *lč*, причем последнее сочетание подверглось упрощению: *l* перед последующим согласным выпал (*a č* в современном чувашском языке закономерно отражено как *š*)⁵. В

⁵ В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Чебоксары, 1971, стр. 195; М. Рясянен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1965, стр. 155, 182. В монгольском языке этот корень представлен с иной суффиксацией: *qal-žap* (совр. монг. *халзан*) 'лысина, звездочка; лысый, плешивый' (ср. тюрк. *ešgek ~ монг. elžigen* 'осел, ишак' ~? маньчж. *eihen*, солонск. *elžig*). Вероятно, парным словом по происхождению является монгольское *qaltar* (совр. монг. *халтар* 'грязный, запачканный, в пятнах'), ср. тюркск. *taz*, монг. *taγ* 'лысый' (болгарская форма сохранилась в венг. *taγ* 'лысый, пестрый'). Маньчж. *kałža* 'лысина' из монг. В. М. Иллич-Свитыч [«Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский)». Введение. Сравнительный словарь (b—k). М., 1971, стр. 289—290] восстанавливает ностратический корень **kał' / 'обдирать кору, кожу' на основе индоевропейского (*gol- 'голый, лысый'), уральского (*kał' / 'пленка, кожа; голый, гладкий'), дравидийского (*kał' 'обдирать') и алтайского (*Kał'[i]- 'обдирать; кора; голый') соответствий. Он также обращает внимание на фонетическое сходство с ностратическим(?) **koł' / 'обдирать' (урал. *kōd'- / *kūd'- / 'обдирать, раздевать', алт. кола- 'обдирать кожу') (там же, стр. 300—301). Монгольскими заимствованиями являются тувинск. *калчан* 'лысый, плешивый; лысина, плешь; голый (лишенный растительности); белолобый, с белой отметиной на лбу'; эвенк. *халтан* (верхне-алданско-зейский диалект) 'не имеющий шерсти (о животном)', якутск. *халтан* 'голый (кожа); нагой, обнаженный, оголенный, бесшерстный, малорослый' (Пекарский, 3269); русск. диал. вост.-сиб. *халтáрый* (конь) 'карий и беломордый' (Даль IV, 541), сиб. *калгáн* 'недособоль, невыкуевший или летний соболь' (Даль II, 79), *халзáнный* 'лысый' (А. М. Селищев. Избранные труды. М., 1968, стр. 375).**

связи с этой фонетической закономерностью болгарское соответствие тюркскому географическому термину *qaşca* должно выглядеть **qalqa*⁶ или *qalčqa > *qaşca. На эти формы накладываются также осложняющие их модификации вокализма начального слога *a~o~и~y* (i). Однако благодаря таким фонетическим процессам можно объяснить все перечисленные видоизменения речного названия *Кичкас*. Изменение же конечного элемента *-су* (*-su*) в *-с* (*-s*) вызвано было морфологическими причинами, возникшими уже на славянской почве.

Булгарское происхождение названия *Кичкас* подтверждается некоторыми фонетическими параллелями из языков народов Восточной Европы, где наряду с обычной формой тюркского слова *baştaq* отражена также странная форма с *č*: венг. устар. *расстаг*, *басстаг*; польск. *васстага*, *басзстаг*, *ластаг*; сербск. диал. (Босния и Герцеговина) *пачмаге* (мн. число), новогреч.

латосуцами; возможно, сюда же относится кабард. *baştaq* (с болгарским переходом *lč > č > š*), а также арабские *baştaqdar* (наряду с *basmaqdar*) 'офицер, носивший башмаки султана', *baştaqdarıjja* 'соответствующая должность' (при *baştaq*, *başmaq*), извлеченные Г. Дёрфером (см. его «*Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*». Bd II, Wiesbaden, 1965, стр. 243) из словаря Р. Дози. Здесь *č* возникло в результате упрощения группы *lč*, соответствующей звуку *š* в прочих тюркских языках.

Так же обстоятельно З. Абрахамович этимологизирует название *Чертомлык*⁷, приводя большое число вариантов из разных языков. Однако и здесь З. Абрахамович не ставит вопроса о болгарском характере названия на основе перехода *-н > -м* в конце основы, наиболее типичного для болгарско-чувашской языковой среды, хотя и встречающегося, впрочем, sporadически, в других тюркских языках. Правда, вопрос о болгарских элементах в топонимике южно-русских степей пока широко не ставился, хотя известны отдельные попытки отыскать

⁶ Возможно, историческую *Калку*, название которой представляет собой болгарскую разновидность термина *qaşca*, также следует рассматривать в связи с этой формой.

⁷ Ср. также: А. И. Попов. Географические названия. (Введение в топонимику). М.—Л., 1965, стр. 168, 169. [О. Н. Трубочев (указ. раб., стр. 204) просто относит это название к разряду тюркизов без детального его анализа].

в этих областях болгарские топонимы, и обильный фактический материал рецензируемой книги в немалой степени будет способствовать решению проблемы болгаризмов в топонимии Северного Причерноморья.

З. Абрахамович использует в своих топонимических разысканиях богатую литературу, однако следует указать, что при анализе названия знаменитого *Таванского перевоза* на Нижнем Днепре было бы полезно учесть соображения А. И. Попова об этом названии⁸, ибо они достовернее объясняют вокализм первого слога указанного названия, чем это сделано у З. Абрахамовича (стр. 27—28).

В числе частных замечаний укажем, что местное название *Бюйген* в Крыму (стр. 24) можно было бы сопоставить с каракалпакскими племенными названиями *Müjten*, *Mujtan*, отражающими этнические связи каракалпаков с тюркоязычным населением Северного Крыма.

З. Абрахамович некритично отнесся к явно ошибочному предположению о тождестве речного названия *Саксаган* (ь) с половецким названием дракона, змея *saxagan* (стр. 20). Хотя такова орфография этого слова в *Codex Sumanicus*, на самом же деле за этим написанием скрывается звучание *sazağan*. Такое чтение принято в современной тюркологии.

В примечаниях к переводу также содержится обширный историко-топонимический материал, являющийся чрезвычайно важным источником при топонимическом изучении Северного Причерноморья. Особенную ценность представляют материалы З. Абрахамовича для изучения тюркской топонимии указанного района, не подвергшейся пока полному и достаточно квалифицированному анализу в плане стратификации болгарских, кыпчакских и огузских напластований.

Книга в целом предназначена прежде всего для историков, однако ее топонимическая часть написана на высоком научном уровне и отвечает всем языковедческим требованиям, что и вызвало необходимость рассмотреть указанную работу на страницах филологического журнала именно с этой стороны.

И. Г. Добродомов

⁸ См.: А. И. Попов. О возможностях совершенствования приемов этимологического исследования. — В сб.: «Этимология, 1967». М., 1969, стр. 124—125.

С. Т. НАУРУЗБАЕВА. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В «КАРАКАЛПАКСКО-РУССКОМ СЛОВАРЕ» *

Фразеология как самостоятельная дисциплина приобретает в тюркологии все большее значение. Некоторые актуальные вопросы тюркской фразеологии в последнее время стали разрабатываться даже для языков с небогатой письменной традицией.¹ Рецензируемая монография С. Т. Наурузбаевой относится именно к таким работам. Это первый крупный труд в каракалпакском языкознании, посвященный вопросам фразеологии.

Монографию, состоящую из шести глав, можно условно разделить на две части. В первых трех главах фразеология характеризуется как лингвистическая дисциплина, дается обзор работ по тюркской фразеологии, рассматриваются принципы подачи фразеологических единиц в словарях по материалам авторефератов диссертационных работ А. А. Оруджева, Г. Н. Михайлова З. Йоникайте, М. М. Пашаевой¹. Автор приходит к выводу об отсутствии единого подхода при лексикографическом оформлении фразеологизмов.

В рецензируемой работе дается следующее определение фразеологической единицы: «Фразеологическая единица — это устойчивая по лексическому составу и структуре языковая единица из двух и более слов, в фиксированных формах, обладающая идиоматичностью, экспрессивностью, устойчивостью общего значения» (стр. 65).

Исходя из этого определения, С. Т. Наурузбаева выделяет фразеологические единицы из числа составных, парных, грамматикализованных словосочетаний, пословиц и поговорок, загадок, составных терминов, свободных словосочетаний, производных слов, останавливаясь на основных характеристических особенностях фразеологических единиц. В целом она убедительно доказывает необходимость и правомерность такого выделения. По ее мнению, это в значительной мере облегчит труд составителей словарей и позволит добиться единообразия в подаче фразеологического материала.

Вторая часть работы посвящена анализу именных фразеологических единиц в кара-

калпакском языке и их размещению в каракалпакско-русском словаре. Эта часть наиболее оригинальна и ценна, — особенно с практической точки зрения, так как здесь автор касается проблем, недостаточно разработанных и в других тюркских языках.

В IV главе С. Т. Наурузбаева приводит именные фразеологические единицы каракалпакского языка и дает краткий словарь наиболее употребительных из них: *töbütü* *töläp* 'окрепший, возмужалый', *tört tülige saı* 'зажиточный, состоятельный', *ziıan žudıyuk* 'деспот', *kanu bar* 'враждебный' и др.

В V главе анализируются структурно-семантические типы именных фразеологических единиц. Автор выявляет в каракалпакском языке одиннадцать типов сочетаний: 1) некротизм с единичной сочетаемостью + имя существительное, 2) слово, встречающееся лишь в составе определенных устойчивых словосочетаний + имя существительное, 3) имя существительное + непродуктивное прилагательное или причастие, 4) имя существительное + служебное слово, 5) имя существительное в основном падеже + *bar* или *žok*, 6) сравнительные словосочетания с аффиксом *-daj*, 7) имя существительное в основном падеже с аффиксом принадлежности 3-го лица + имя прилагательное в основном падеже, 8) имя прилагательное в основном падеже + имя существительное, 9) имя существительное + причастие, 10) имя существительное + деепричастие, 11) имя существительное + имя существительное.

Такая четкая дифференциация именных сочетаний в структурно-семантическом отношении заслуживает одобрения, так как она помогает воссоздать точную структуру некогда существовавших свободных словосочетаний или их первоначальную форму.

В VI главе автор рассматривает принципы размещения и перевода именных фразеологических единиц каракалпакского языка на материале «Каракалпакско-русского словаря» и показывает отсутствие в последнем единообразия в этом вопросе и четких критериев выделения фразеологизмов.

В этой же главе указывается на отсутствие единообразия в подаче некоторых устойчивых сочетаний. Так, одни составные имена подаются в алфавитном порядке, например, *akbas* 'каролина каспийская', (стр. 32), *akkuş* 'лебедь' (стр. 32), другие, например, *künge baıar* 'подсолнух', *köz äjpek* 'очки' — приводятся внутри словарных статей, соответственно после слов *kün*, *äjpek* за знаком $\diamond$ (ромб). В целях устранения указанного разнобоя автор предлагает подавать составные имена в алфавитном порядке.

Что касается именных фразеологических единиц, то автор считает целесообразным

* Ташкент, 1972.

¹ А. А. Оруджев. Теоретическое обоснование к «Толковому словарю азербайджанского языка». Автореф. докт. дисс. Баку, 1962; Г. Н. Михайлов. Опыт лексикографического исследования узбекско-русских словарей, изданных в советский период. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1961; З. Йоникайте. Фразеология в «Словаре литовского языка». Автореф. канд. дисс. Вильнюс, 1963. М. М. Пашаева. Принципы отбора и перевода русских фразеологических единиц в русско-азербайджанских словарях. Автореф. канд. дисс. Баку, 1964.

использовать два способа их подачи в словаре: 1) в алфавитном порядке (1, 2, 3 типы) и 2) в статье первого компонента после всех его значений (остальные 8 типов.)

Эти и целый ряд других предложений автора могут быть учтены при составлении словарей не только каракалпакского, но и других тюркских языков, а также толкового словаря каракалпакского языка.

Достоинства рецензируемой книги, в которой многие вопросы каракалпакской фразеологии разрабатываются впервые, несомненны, однако, на наш взгляд, необходимо указать и на некоторые ее недочеты:

1. В работе имеется ряд противоречий. Так, на странице 6 автор пишет: «Изучение фразеологии тюркских языков как лингвистической дисциплины началось с конца 40-х годов и неразрывно связано с русским языкознанием», а на странице 13 читаем: «...теоретические вопросы фразеологии тюркских языков стали разрабатываться с начала 50-х годов».

2. Автор подчеркивает, что «фразеологическая единица — это устойчивое словосочетание, но не всякое устойчивое словосочетание — фразеологическая единица» (стр. 46), и после этого к разряду фразеологизмов относятся следующие сочетания: *dus kelgen žerge* 'куда попало' (стр. 73), *bir-bir* 'подробно, обстоятельно' (стр. 72), *peşe-pe-*

şe 'много, множество' (стр. 79), *uşağya kapaty žok* 'полетел бы, да нет крыльев' (стр. 81), *opuñ bahtupa* 'на его счастье' (стр. 112), *bir zaman* 'немного, некоторое время' (стр. 113).

3. В III главу — «Соотношение именных фразеологических единиц, устойчивых, свободных словосочетаний и лексических единиц каракалпакского языка» — не следовало бы включать разделы, не связанные с ней по содержанию: § 15 «Омонимичность фразеологических единиц», § 16 «Многозначность фразеологических единиц», § 17 «Фразеологическая антонимия», § 18 «Фразеологическая синонимия», § 19 «Вариантность фразеологических единиц», § 20 «Экспрессивность значений фразеологических единиц», § 21 «Граница фразеологических единиц». Их было бы целесообразно объединить в одну главу, назвав ее хотя бы «Особенности фразеологических единиц».

4. В книге есть и спорные утверждения, а некоторые положения автора о разграничении фразеологических единиц и других устойчивых сочетаний недостаточно аргументированы.

В целом же рецензируемая монография будет с интересом встречена тюркологами-лексикографами и специалистами по фразеологии.

Э. А. Умаров

А. ИБРАЙИМОВ. ТҮРКИ ДИЛЛЕРИҢ ДЕҢЕШДИРМЕ ГРАММАТИКАСЫНДАН ГОЛЛАНМА*

В последнее время появился ряд работ, посвященных сравнительно-историческому изучению тюркских языков¹. К числу подобных исследований относится и рецензируемая книга А. Ибраимова «Пособие по сравнительной грамматике тюркских языков».

В работе А. Ибраимова содержится сравнительный анализ падежной системы огузских языков, что до сих пор не было темой специального исследования.

Во введении книги говорится о классификации тюркских языков, характеризуется каждая их группа, рассматриваются принципы классификации частей речи. Далее автор переходит к основному предмету исследования, подробно останавливаясь на именительном, родительном и дательном падежах, их значении и синтаксических функциях, прослеживает историю падежных аффиксов.

* Ашгабат, 1972, 186 стр.

¹ См., например: Ф. Р. Зейналов. Мүасир түрк дилларинде көмәкчи нитг һиссәләри. Бақы, 1971; Б. Чарыяров. Гүнорта-гүнбаттар түрки диллерде ишлик заманлары. Ашгабат, 1969; А. М. Шербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.

А. Ибраимов приходит к выводу, что древним аффиксом родительного падежа является аффикс с начальным гласным, ибо именно он характерен для древнетюркских письменных памятников.

Рассматривая аффикс дательного падежа, А. Ибраимов развивает мысль, высказанную азербайджанским языковедом А. З. Абдуллаевым, считающим, что в основе аффикса данного падежа лежит слово *гары* > *-гар* > *-га* > *-а* (с мягкими и твердыми вариантами) (стр. 160).

Определенный интерес представляет анализ безаффиксальных форм родительного падежа. Известно, что по данному вопросу у тюркологов нет единого мнения. Одни считают безаффиксальную форму формой основного падежа в функции косвенных падежей, другие же видят в ней безаффиксальную форму соответствующих падежей. В азербайджанском языкознании безаффиксальные формы родительного и винительного падежей носят соответственно следующие названия: *гејри-мүәјјәнјиләлик һал* (неопределенный родительный падеж) и *гејри-мүәјјән тә'сирлик һал* (неопределенный винительный падеж), а их аффиксальные формы — *мүәјјән јиләлик һал*

(определенный родительный падеж) и *мү-әјән тәсирлик һал* (определенный винительный падеж). Таким образом, может сложиться впечатление, что в азербайджанском языке восемь падежей.

По нашему мнению, А. Ибраимов совершенно справедливо видит в вышеназванных формах безаффиксальные формы родительного и винительного падежей. Употребление безаффиксальной формы этих падежей связано с категорией определенности — неопределенности в тюркских языках. В работе анализируются случаи употребления аффиксальной и безаффиксальной форм родительного падежа. Что же касается исторического аспекта данного вопроса, то можно согласиться с мнением тюркологов, считающих, что основной падеж в тюркских языках в древности выполнял функции всех косвенных падежей. Это положение подтверждается фактами древнетюркских письменных памятников, а также, в известной степени, диалектными материалами современных тюркских языков. Аффиксы падежей — результат дальнейшего развития языка, поэтому безаффиксальные формы родительного и винительного падежей можно считать реликтовыми явлениями. Исходя же из современного состояния тюркских языков, было бы оправдано рассматривать безаффиксальные формы как

формы падежей, функции которых они выполняют. Этого мнения придерживается ряд тюркологов.

К недостаткам работы А. Ибраимова, как и ряда других сравнительных исследований, следует отнести тот факт, что в ней тюркские языки сравниваются в основном в современном состоянии, причем большая часть иллюстративного материала приходится на родной автору язык, в данном случае — туркменский. А это не позволяет найти научно обоснованные ответы на многие важные вопросы.

Кроме того, следует отметить, что в приведенных в книге иллюстративных материалах на азербайджанском и турецком языках имеются орфографические ошибки, что недопустимо в подобных изданиях.

Исследования, посвященные сравнительному анализу различных грамматических категорий огузских языков, в дальнейшем могут лечь в основу сравнительной грамматики этих языков, к созданию которой уже приступили сотрудники отдела сравнительного изучения тюркских языков Института языкознания Академии наук Азербайджанской ССР. Несомненно, работа А. Ибраимова окажется небесполезной для решения этой задачи.

Г. К. Кулиев

Т. БЕГЖАНОВ. ҚАРАҚАЛПАҚ ТИЛИ ДИАЛЕКТОЛОГИЯСЫНЫҢ МӘСЕЛЭЛЕРИНЕН. (ҚАРАҚАЛПАҚ ТИЛИНИҢ МОЙНАҚ ГОВОРЫ ЛЕКСИКАСЫ ТИЙҚАРЫНДА) *

Рецензируемая работа каракалпакского ученого Т. Бегжанова посвящена исследованию лексики муйнакского говора каракалпакского языка.

Во введении к книге затронуты вопросы методики исследования. Приведены краткие сведения по истории, экономике и географии района.

В первой главе — «Об отношении муйнакского говора к каракалпакскому литературному языку» — рассматривается та часть лексики муйнакского говора, которая отсутствует в литературном языке. Автор дает обстоятельные сведения об омонимах, синонимах, неологизмах (появившихся за счет внутренних ресурсов), архаизмах, анализирует природу фразеологических сочетаний. См., например, омонимы: *ийнелик* 'приспособление для плетения рыболовной сети' — *ийнелик* 'стрекоза'; *жон* 'спинной хребет у рыб' — *жон* 'гребень горы', 'постригать'; си-

нонимы: *қалмақы қора* — *қалмақы хәрем* — *қалмақы шал* 'виды изгороди'; неологизмы: *гигант ай, дуунай ай* 'виды сети'; архаизмы: *лайдан көйлөк, қәлеке көйлөк, кестели көйлөк* 'вид верхней одежды'; *туйлақ, секкизақ, ғазмөйун* 'виды постельных принадлежностей и орнамента' и др.

Во второй главе книги рассматривается терминологическая лексика: термины по сельскому хозяйству, рыболовству, термины родства, местные этнонимы, бытовая лексика и т. д.

В работе дана классификация слов терминологического характера в муйнакском говоре, а также их анализ в сравнении с соответствующей лексикой других диалектов и говоров каракалпакского языка и ряда родственных языков.

Т. Бегжанов справедливо отмечает, что в муйнакском говоре особенно развита терминология, связанная с рыболовством, например: *шоқыр* 'северюга', *сумурай* 'лопатонос', *қара жылым, дуунай ай* 'орудия лова' и др.

* «Қаракалпақстан» баспасы. Нөкис, 1971, 209 стр.

Термины родства в муйнакском говоре имеют характерные особенности, отличающие их от аналогичных лексических единиц в каракалпакском литературном языке, например, термин *ул* 'сын' в муйнакском говоре имеет следующие синонимы: *ул, томатай, жаманнеме, солдат; бөке* (ласкательное название новорожденного) и др.

Лексическим заимствованиям в муйнакском говоре посвящается третья глава работы Т. Бегжанова.

По определению проф. Н. А. Баскакова, «каракалпакский народный разговорный язык содержит их (арабских и персидских слов. — У. Д.) в значительно меньшем количестве, чем дореволюционный феодальный разговорный язык верхушки господствующего класса каракалпаков, а также и в еще большей степени дооктябрьский письменный каракалпакский язык, близкий по своим нормам к староузбекскому литературному языку. Что касается арабо-персидских элементов в народном языке, то они проникали не только через эти литературные языки, но и непосредственно через соседей каракалпаков, главным образом хивинских узбеков»¹.

Опираясь на это положение, Т. Бегжанов указывает, что проникновение арабо-персидских слов в каракалпакский язык было связано с особенностями развития культуры, господствовавшими религиозными представлениями, торговлей, общественными отношениями, а также с бытовым укладом, ведением хозяйства.

Определив место арабских заимствований в словарном составе и в основном словарном фонде каракалпакского языка, автор останавливается на функциях, выполняемых заимствованиями в муйнакском говоре.

Персидские слова вошли в состав лексики муйнакского говора через соседние языки (узбекский, туркменский). Этому способствовали также язык делопроизводства, литература и фольклор.

Т. Бегжанов отмечает, что жители Муйнакского района пользуются русским языком шире, нежели население остальных рай-

онов республики. В их речь вошло значительное число фонетически измененных заимствований из русского языка, связанных с рыболовством и рыбной промышленностью (*шпилилка* 'шпилька', *турфарет* 'трафарет', *шөмейке* 'шемая', *сетки* 'сетка'). Автор рецензируемой работы классифицирует русские заимствования следующим образом: слова, связанные с ловлей рыбы и ее обработкой (*бәгөр* 'багор', *ыраспорка* 'распорка'), просвещением (*ушкул* 'школа', *забыш* 'завуч'), торговлей и учётом (*ырыпкоп* 'рыбкооп', *синтир* 'центнер', *завторық* 'завторгом'), промышленностью и сельским хозяйством (*работшы* 'рабочий', *бийзин* 'бензин') и др.

В виде приложения автором даны диалектологические тексты, записанные от информантов, примеры, характерные для лексики муйнакского говора и встречающиеся в произведениях каракалпакской художественной литературы, словарь говора объемом 1,5 печатного листа, список этнонимов, представленных на территории Муйнакского района, и перечень использованной литературы.

Работа Т. Бегжанова имеет важное научное и практическое значение.

Исследованный говор таит в себе большое лексическое богатство, использование которого в каракалпакском литературном языке будет способствовать обогащению последнего; многие слова терминологического характера (термины, связанные с рыболовством, топонимы, этнонимы, термины родства и др.) представляют собой ценный материал для историков, этнографов, географов.

К недостаткам работы следует отнести не всегда четкое разграничение литературных и диалектальных слов (см. стр. 3, 5, 10, 36, 133), а также некоторые стилистические погрешности. Из словарной части работы (стр. 179—199) целесообразно было бы исключить примеры, характеризующие главным образом фонетические особенности данного говора. Однако отдельные просчеты не снижают ценности рецензируемого исследования, которое, безусловно, заинтересует ученых-тюркологов и явится полезным пособием для преподавателей и студентов языковедческих факультетов вузов.

У. Доспанов

А. ДЖУНИСБЕКОВ. ГЛАСНЫЕ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА*

Изучение фонетической системы языка не может быть полноценным без привлечения экспериментальных данных. Именно этим требованием руководствовался автор рецензируемой работы, исследовавший гласные

фонемы казахского языка в фонологическом и фонетическом аспектах.

А. Джунисбеков провел подробный фонематический анализ гласных, уточнив их состав и установив звуковые различия, имеющие фонематическое значение и используемые для различения слов. Автор, опираясь

* Изд-во «Наука». Алма-Ата, 1972.

на учение о фонеме академика Л. В. Щербы, убедительно доказывает путем противопоставления наличие в казахском языке девяти гласных фонем, различающихся в абсолютном начале слов, в начальном слоге после согласного независимо от характера слога, в абсолютном конце слова, в конечном закрытом слоге.

В казахском языкознании мнения об общем количестве гласных фонем расходятся. Это объясняется тем, что некоторые фонетические дифтонги большинство исследователей фонетики казахского языка относят к монофонемам. А. Джунисбеков же на основе тщательного фонематического анализа этих сочетаний доказывает их фонематическую разложимость, что подтверждается и данными фонетического анализа. Исследования длительности, интенсивности и спектрального состава большого количества экспериментального материала показали, что акустические характеристики гласных *ы, і, ұ, у* и первых компонентов дифтонгов в их стационарной части идентичны. Таким образом, в результате фонематического и фонетического анализа четко дифференцируются монофтонги и дифтонги.

Автор исследует артикуляторную и акустическую природу всех гласных казахского языка. При артикуляторном описании он использует методы статистического рентгенографирования, прямого палатографирования и кино съемку губной артикуляции. Акустическая характеристика дается на основе осциллограмм и спектрограмм, полученных на спектрографе типа «Видимая речь» и спектрометре типа СЗЧ. Между данными артикуляторного и акустического анализа

нет расхождений, они дополняют друг друга.

В результате всестороннего объективного исследования в работе предложена уточненная классификация казахских гласных. Нельзя не согласиться с утверждением автора о том, что гласный *е* относится к верхнему подъему в системе гласных казахского языка (в ранних работах эта фонема была отнесена к разряду широких гласных). На рентгенограммах отчетливо видно, что язык при артикуляции этого гласного сильно выдвигается вперед и высоко приподнимается. На палатограммах оба края языка в передней и средней частях прижимаются к твердому небу, оставляя посередине относительно узкий проход. Спектр *е* на шкале частот характеризуется низкой первой и самой высокой второй формантами по сравнению со спектральной картиной других гласных казахского языка. Подобная формантная картина характерна для передних гласных верхнего подъема.

А. Джунисбековым рассмотрены также модификации гласных, установлено, что гласные в большей степени подвергаются количественным, нежели качественным изменениям.

Работа А. Джунисбекова представляет определенный шаг вперед в изучении фонетики казахского языка и будет полезной для специалистов по фонетике других тюркских языков, а также для аспирантов, преподавателей и студентов филологических факультетов, учителей средних школ.

Б. Калиев

Х Р О Н И К А

«ИСТОРИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ (С ДРЕВНЕГО ПЕРИОДА ДО РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА)»

6 июня 1973 года на заседании Ученого совета филологического факультета Азербайджанского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. С. М. Кирова состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук сотрудником кафедры истории азербайджанской литературы **Эфендиевым Идаятом Али оглы**. Тема диссертации: «История азербайджанской классической художественной прозы (с древнего периода до революции 1905 года)».

В диссертации на материале многочисленных историко-литературных фактов, архивных документов, рукописей, джунгов, литографированных баязов последовательно прослежен процесс становления и развития жанра художественной прозы: от древнего письменного памятника художественной прозы — цикла героических сказаний «Китаби-Деде Коркут» — до творчества выдающегося представителя реалистической сатирической прозы XX в. — Дж. Мамедкулизаде.

Во вступительной части диссертации автор, подвергая обстоятельному критическому анализу высказывания своих предшественников о путях развития классической прозы и отбрасывая устаревшие, ненаучные и ошибочные утверждения, выдвигает новые положения, стремится определить место жанра прозы в общем процессе развития азербайджанской литературы.

В первых главах исследования И. А. Эфендиева великий классик XII в. Хагани Ширвани и выдающийся поэт-лирик XVI в. Физули впервые рассматриваются как непревзойденные мастера прозы, предпо-

делившие своим творчеством пути дальнейшего развития этого жанра в условиях древнего и средневекового Азербайджана. Представляет большой интерес анализ исторической повести Физули «Хадигат-ус-суади» и известного памфлета «Шикайет-наме», написанных на азербайджанском языке.

Последующие главы диссертации посвящены творчеству продолжателей сатирических традиций прозы Физули, виднейших представителей новой реалистической азербайджанской прозы XIX в. А. Бакиханова, И. Куткашенского, М. Ф. Ахундова, Г. Меликова, Н. Везирова, С. А. Ширвани, С. М. Гани-заде, Н. Нариманова и Дж. Мамедкулизаде. Здесь особо выделена проза М. Ф. Ахундова, которая рассмотрена диссертантом как совершенно новое явление в азербайджанской литературе XIX в., как идейно целеустремленное, социально насыщенное, художественно действенное средство борьбы против восточного деспотизма и гнета, против вековой отсталости и фанатизма масс.

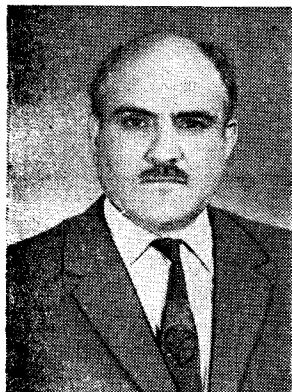
Последняя, заключительная глава диссертации посвящена анализу прозаических произведений выдающегося художника, талантливого представителя ахундовской реалистической школы — Дж. Мамедкулизаде, имя которого стало символом, олицетворяющим азербайджанскую революционно-демократическую литературу.

Официальные оппоненты — академик АН Азерб. ССР Ф. Касум-заде, чл.-корр. АН Азерб. ССР М. Дж. Джафаров, д-р филол. наук, проф. А. Заманов, а также выступившие на защите члены Ученого совета факультета — д-р филол. наук Х. Алимирзо-

ев, М. Гусейнов, А. Агаев, К. Халилов единодушно признали исследование И. А. Эфендиева весьма ценным, восполняющим имевшийся пробел в азербайджанском литературоведении и представляющим собой первую систематизированную работу по истории классической азербайджанской художественной прозы.

Ученый совет филологического факультета АГУ им. С. М. Кирова единогласно проголосовал за присуждение И. А. Эфендиеву ученой степени доктора филологических наук.

Т. Муталлимов

«ХАГАНИ ШИРВАНИ (ЖИЗНЬ, ЭПОХА, СРЕДА)»

19 июня 1973 г. на заседании Филологической секции Ученого совета Отделения общественных наук Академии наук Азерб. ССР состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук старшим научным сотрудником отдела истории азербайджанской литературы средних веков Института литературы им. Низами Академии наук Азерб. ССР **Кендли Херисчи Гафаром Али оглы** на тему «Хагани Ширвани (жизнь, эпоха, среда)».

В своей диссертации Г. Кендли в отличие от многих отечественных и зарубежных ученых, исследовавших собственно творчество Хагани, сосредоточил внимание на изучении жизни гениального азербайджанского поэта и среды, окружавшей его. Материалом для этого послужили в основном произведения самого поэта и частично — свидетельства современников.

В диссертации нашли отражение биография Хагани, мир его идей и чувств, художественные особенности творчества, история исследования и публикаций его произведений. В целом поэт показан как великий гуманист и гениальный художник слова, теснейшим образом связанный с восточной литературой и культурой.

На основе произведений поэта, носящих автобиографический характер, диссертант в первых трех главах работы приводит сведения о его родителях, членах семьи, литературном окружении, связях с видными людьми того времени. В этих главах уточняются год и место рождения, социальное и национальное происхождение, дата смерти, лите-

ратурный псевдоним поэта и т. д. В последующих главах освещаются основные факты жизни и творчества поэта, рассматриваемых диссертантом по трем этапам.

Свою периодизацию жизни поэта Г. Кендли строит на основе развития философско-эстетического содержания творчества Хагани в разные годы и фактов его биографии. Каждому периоду жизни Хагани (1126—1148 гг., 1149—1175 гг., 1176—1199 гг.) посвящается отдельная глава.

Исследуя полную драматизма жизнь Хагани, его многочисленные странствия, переписку с учеными, поэтами, политическими деятелями, отношение поэта к ширваншахам, сельджукам и атабекам, а также уточняя датировку произведений поэта, автор основывает свои выводы большей частью на рукописных и печатных вариантах сочинений Хагани.

Результаты многолетних исследований Г. Кендли нашли свое отражение не только в отечественных, но и зарубежных публикациях диссертанта (Иран).

Официальные оппоненты — д-р филол. наук, проф. А. С. Джафаров, чл.-корр. АН Азерб. ССР М. Дж. Джафаров, д-р филол. наук, проф. М. Г. Тахмасиб, а также выступившие на защите ученые дали высокую оценку работе Г. Кендли, подчеркнув ее значение в разработке научной биографии великого азербайджанского поэта XII в.

Ученый Совет проголосовал за присуждение Г. Кендли ученой степени доктора филологических наук.

И. Я. Гамидов

«ДЖАЛИЛ МАМЕДКУЛИЗАДЕ (МОЛЛА НАСРЕДДИН) И ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПЕЧАТИ НАЧАЛА XX ВЕКА»

26 июня 1973 г. на заседании Филологической секции Ученого совета Отделения общественных наук Академии наук Азербайджанской ССР состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук заведующим отделом текстологии Института литературы им. Низами Академии наук Азерб. ССР **Мирахмедовым Азизом Мирфейзулла оглы** на тему «Джалил Мамедкулизаде (Молла Насреддин) и вопросы развития азербайджанской печати начала XX века».

А. Мирахмедов более двадцати пяти лет занимается изучением азербайджанской литературы и печати XIX—XX вв., в частности творчества М. Ф. Ахундова, Дж. Мамедкулизаде, М. А. Сабира, М. Хади, авторов журнала «Молла Насреддин». Он принимал непосредственное участие в собирании, текстологическом исследовании и комментировании наследия Дж. Мамедкулизаде, а также в транслитерации текстов журнала «Молла Насреддин» (1906—1931 гг.).

Работа А. Мирахмедова ценна тем, что дает ясное представление об одной из важнейших сторон многогранной деятельности классика азербайджанской литературы Дж. Мамедкулизаде — его публицистике (в основном за 1902—1917 гг.).

Автор отмечает роль писателя в литературно-журналистском движении молланасредниовцев, его заслуги в развитии периодической печати и книгоиздательского дела в Азербайджане. Особо выделяется чрезвычайно плодотворная деятельность писателя—редактора журнала «Молла Насреддин» — в пору ожесточенной идеологической борьбы, развернувшейся в преддверии первой русской революции и после нее.

В диссертации успешно разработаны такие важные вопросы, как идейно-творческая эволюция Дж. Мамедкулизаде, идейно-

философские искания писателя, его отношение к традициям «Экинчи», сотрудничество в газете «Шарги-рус», генезис образа Молла Насреддина в творчестве Дж. Мамедкулизаде, роль азербайджанской печати в развитии жанра сатиры, народнические тенденции и просветительское движение в Азербайджане и др.

Тщательное изучение архивных и библиотечных фондов Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Баку и других городов, а также широкое привлечение фактического материала из периодической печати исследуемого периода позволили диссертанту осветить литературно-журналистский путь Дж. Мамедкулизаде на фоне развития духовной культуры «мусульманских народов» царской России.

В работе на основе новых источников показано отношение Дж. Мамедкулизаде к русской, европейской и восточной культурам.

Официальные оппоненты — акад. АН Азерб. ССР М. А. Дадашзаде, чл.-корр. АН Азерб. ССР Ф. Кочарли, чл.-корр. АН Азерб. ССР М. Дж. Джафаров, а также выступивший на защите д-р философ. наук, проф. Э. Ахмедов и другие дали высокую оценку исследованию А. Мирахмедова, отметив, что в диссертации ставится и решается ряд актуальных проблем не только творчества Дж. Мамедкулизаде, но и азербайджанской литературы в целом, а также общественно-философской мысли Азербайджана XIX—XX вв.

Ученый совет принял единогласное решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении А. М. Мирахмедову ученой степени доктора филологических наук.

А. Гусейнов

НЕКРОЛОГ

ГЫЛЫБ ГЫЛЫБОВ

13 декабря 1972 г. на 81-м году жизни скончался известный болгарский ученый-тюрколог профессор Гылыб Гылыбов.

Г. Гылыбов родился в провинциальном болгарском городке Одрине 25 февраля 1892 года. В 1903/04 учебном году он был принят в качестве болгарского стипендиата во французский лицей «Галата Сарай» в Стамбуле. Однако вскоре перевелся во Французский колледж г. Пловдива (Болгария), а в 1919 году в Софии завершил высшее юридическое образование, после чего некоторое время работал адвокатом, чиновником Пловдивского окружного муфтиата и Софийского главного муфтиата, а позже переводчиком Болгарского посольства в Турции.

Научно-педагогическая деятельность Г. Гылыбова началась в 1936 г., когда он стал преподавателем староосманского языка в Софийском университете. В 1944 году при его активном участии на историко-филологическом факультете университета была организована кафедра тюркской филологии, где он и продолжал свою научно-педагогическую деятельность в качестве старшего преподавателя староосманского и современного турецкого языка вплоть до ухода на пенсию в 1966 году.

Г. Гылыбов одновременно работал также в должности старшего научного сотрудника Института истории, затем — Института балканистики Болгарской академии наук и состоял действительным членом Тракийского института той же Академии.

В 1962 году в связи с 70-летием научно-педагогической деятельности Г. Гылыбов был награжден Президиумом Народного Собрания Болгарии орденом «Кирилла и Мефодия» 2-й степени.

Г. Гылыбовым написано свыше 60 научных работ по вопросам грамматики и лексикологии турецкого языка, подготовлен и издан ряд публикаций (с комментариями) турецких документов, связанных с историей Болгарии. Много времени и сил Г. Гы-

лыбов отдал составлению «Грамматики турецкого языка» (на болгарском языке), вышедшей несколькими изданиями, большого «Турецко-болгарского словаря», изданного в 1952 году в соавторстве с Ванчевым, Класовым, Поповым и Шановым, а также «Хрестоматии по турецкому языку», содержащей хорошо подобранные тексты на турецком языке.

Не менее значительны исследования Г. Гылыбова по истории болгаро-турецкой дипломатии и его монументальный труд «Мусульманское право». Глубокая эрудиция позволила ученому создать ряд интересных, содержательных исследований по истории, экономике, ономастике и географии Турции.

Многочисленные работы Г. Гылыбова, особенно его «Грамматика» и «Хрестоматия», хорошо известны советским тюркологам и студентам, изучающим турецкий язык.

Что же касается болгарских тюркологов, то все они, так или иначе, являются учениками Г. Гылыбова.

Научное наследие профессора Г. Гылыбова входит в основной фонд специальной тюркологической литературы. Об этом свидетельствует приводимый ниже далеко не полный перечень его главных трудов:

«Турска граматика (фонетика, морфология, синтаксис)», 1-е изд. София, 1949 и 2-е изд. София, 1957. Кроме того, грамматика эта издана также в переводе на турецкий язык; «Турско-български речник» (соавторы: Ванчев, Гълъбов, Класов, Попов и Шанов). София, 1952; «Османо-турски текстове». София, 1965; «Мюсульманско право». София, 1924; «Османо-турски извори за българската история», I. — «Годишник из Софийския университет. Историко-филологическият факултет», т. 34. София, 1938; II. — Там же, т. 35. София, 1938; III. — Там же, т. 39. София, 1943; «Народното ни име българин в старите османо-турски държавни документи». — Сп. «Родина», год. I, кн. 3; «Турски извори за българската история», т. I. София, 1959;

т. II. София, 1960; «Турски документи за историята на правото в българските земи», т. I. София, 1961; «Софийски протоколи на софийските науки XVI—XVII век». Изработил Г. Гълъбов, издал Хорберт Дуда (на немецком языке). Мюнхен, 1960; «Султански ферман в защита правата на жителите на село Шейтаново Асеновоградска околия». — «Известия на Българското историческо дружество», кн. 19—20. София, 1944; «Народното ни име българин в старите османо-турски държавни документи». — Сп. «Родина», год. I, кн. 3. София, 1940; «Света гора — българска света обител». — «Зограф». София, 1930; «Софийски махали, пазарища и села, споменати в кадийски регистър от 1550 година». — «Известия на Българското географско дружество», кн. I (II). София, 1953; «Вакъфнаме от 1671 г. на Хаджи Махмед-ага, син на Раджеб от Шумен, Махала «Солак синап», Шумен — Коларовград». — «Сборник от статии и материали за миналото на града», кн. II. Коларовград, 1962 и др.

Н. А. Баскаков

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Н. З. Гаджиева (Москва). Глухое начало слова в тюркском праязыке 3
 Г. Ф. Благова (Москва). О русском наименовании тюрков и тюркских языков 11

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- В. А. Сычева (Кишинев). Арабские и персидские заимствования в лексическом составе гагаузского языка 24

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

- А. А. Валитова (Москва). Типология восточной поэмы 31

ТОПОНИМИКА

- Т. Рахматов (Москва). Этимология топонима «Самарканд» 43

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- С. А. Соколов (Москва). Двухкомпонентные сверхфразовые единства, однотипные со сложносочиненными и сложноподчиненными предложениями в турецком языке 51
 Ж. М. Гусев (Нальчик). О составе фонем современного карачаево-балкарского языка 59
 В. Я. Пинес (Баку). О фонеме /к/ в азербайджанском языке 64
 Ф. Р. Зейналов (Баку). О необходимости создания сравнительного словаря лингвистических терминов тюркских языков 68

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

- В. Д. Аракин (Москва). Н. К. Дмитриев и его вклад в отечественную тюркологию 71
 А. Моллаев (Ашхабад). Н. И. Ильминский о туркменском языке и этнографии 82

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- О. П. Анжиганова (Абакан). Словосочетания с нумеративными словами в хакасском языке 87
 А. Даулетов (Нукус). Фонематическая природа некоторых фонетических дифтонгов в современном каракалпакском литературном языке 93
 С. Ф. Миржанова (Уфа). Терминология родства в диалектах башкирского языка 99

РЕЦЕНЗИИ

- Х. Короглы (Москва). «„Рустамхан“. Узбекский героико-романический эпос. Текст и переводы» 110
 И. Г. Добродомов (Москва). Hadzy Mehmed Senai z Krymu. Historia chana Islam Gereja III 113
 Э. А. Умаров (Ташкент). С. Т. Наурузбаева. Фразеологические единицы в каракалпакско-русском словаре 116
 Г. К. Кулиев (Баку). А. Ыбрайымов. Түрки диллерин деңешдирме грамматикасындан голланма 117
 У. Доспанов (Нукус). Т. Бегжанов. Қарақалпақ тили диалектологиясының мәселелеринен. (Қарақалпақ тилинің мойнақ говору лексикасы тийкарында) 118
 Б. Калиев (Алма-Ата). А. Джунисбеков. Гласные казахского языка 119

ХРОНИКА

- «История азербайджанской классической художественной прозы» 121
 «Хагани Ширвани (жизнь, эпоха, среда)» 122
 «Джалил Мамедкулизаде (Молла Насреддин) и вопросы развития азербайджанской печати начала XX века» 123

НЕКРОЛОГ

- Г. Гылыбов 124

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- N. Z. Gajiyeva* (Moscow). Unvoiced initial in the Turkic parent language 3
G. F. Blagova (Moscow). On russian names of turks and turkic languages 11

LANGUAGES IN CONTACT

- V. A. Sycheva* (Kishinev). Arabian and persian borrowings in vocabulary of the Gagauz language 24

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS

- A. A. Valitova* (Moscow). Typology of east poem 31

TOPONYMICS

- T. Rakhmatov* (Moscow). Etymology of toponym *Samarkand* 43

DISCUSSIONS

- S. A. Sokolov* (Moscow). Two-componental utterance-length unities of the same type as complex and compound sentences in Turkish 51
Zh. M. Guzeyev (Nalchik). On phonemic system of modern Karachai-balkar language 59
V. Ya. Pines (Baku). On phoneme /k/ in Azerbaijani 64
F. R. Zeynalov (Baku). Towards comparative dictionary of linguistic terms of turkic languages 68

HISTORY OF NATIVE TURKOLOGY

- V. D. Arakin* (Moscow). N. K. Dmitriyev and his contribution to the native turkology 71
A. Mollayev (Ashkhabad). N. I. Ilminsky about Turkmen language and ethnography 82

REPORTS, SURVEYS

- O. P. Anzhiganova* (Abakan). Word-combinations with numerative words in the Khakass language 87
A. Dauletov (Nukus). Phonemic nature of some phonetic diphthongs in modern literary Karakalpak 93
S. F. Mirzhanova (Ufa). Terminology of relationship in dialects of the Bashkir language 99

REVIEWS

- Kh. Korogly* (Moscow). «„Rustamkhan“. The uzbek heroic-romanic epos. Text and translation» 110
I. G. Dobrodonov (Moscow). Hadzy Mehmed Senai z Krymu. Historia chana Islam Gereja III 113
E. A. Umarov (Tashkent). S. T. Nauruzbayeva. Phraseological units in the Karakalpak-Russian dictionary 116
G. K. Kuliyeu (Baku). A. Ibrahimov. Text-book on comparative grammar of turkic languages 117
U. Dospanov (Nukus). T. Begzhanov. The questions of Karakalpak dialectology 118
B. Kaliyev (Alma-Ata). A. Junisbekov. The vowels of the Kazakh language 119

CRONICLE

- «The history of azerbaijani classical feature prose» 121
 «Khagani Shirvani (life, epoch and environment)» 122
 «Jalil Mamedkulizade (Molla Nasreddin) and the questions of development of azerbaijani press in the beginning of 20th century» 123

OBITUARY

- G. Gylybov** 124